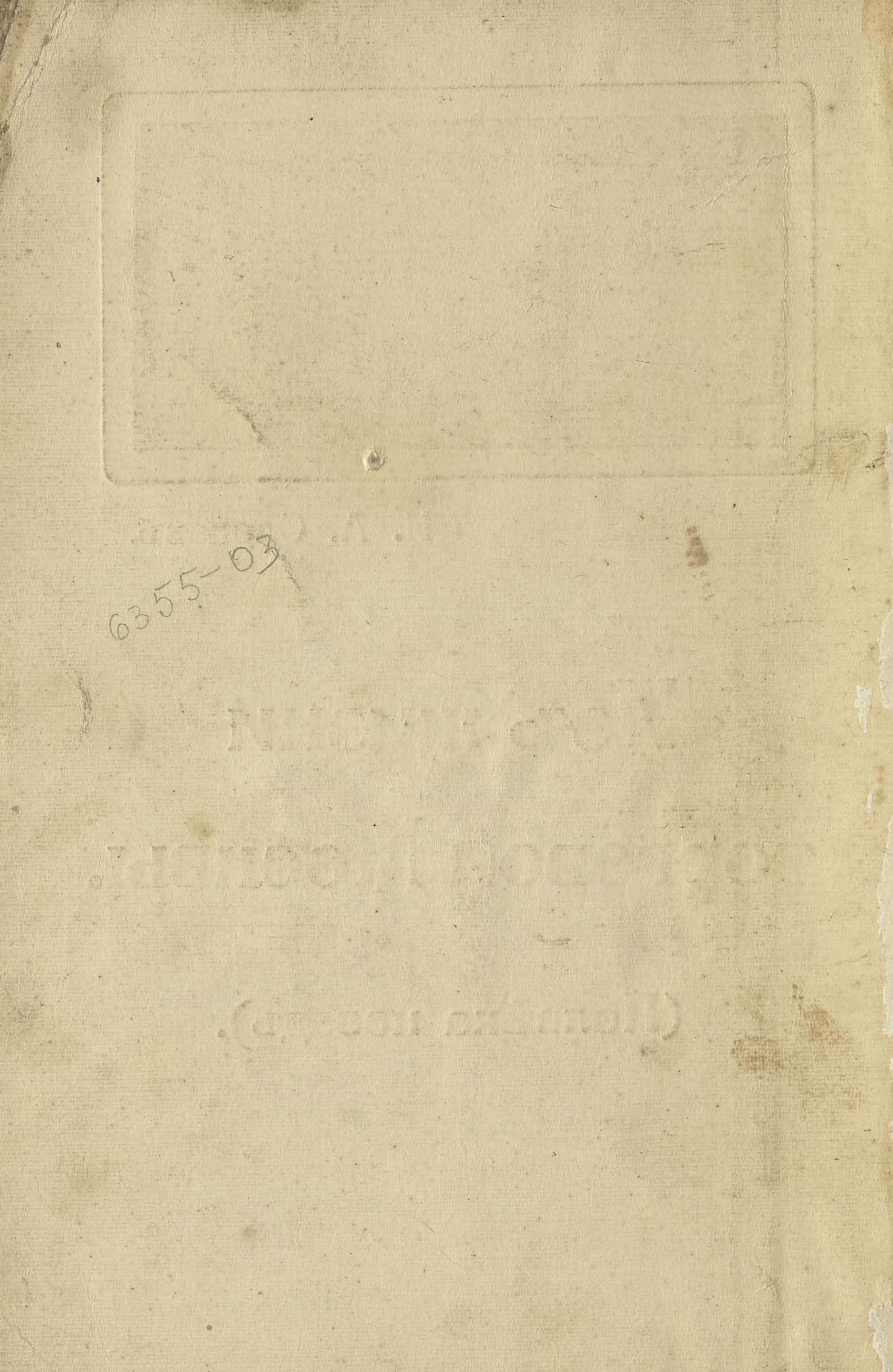

И. А. Слоновъ.

Изъ жизни торговой Москвы.

(Полвѣка назадъ).

6355-03

Уважаемому

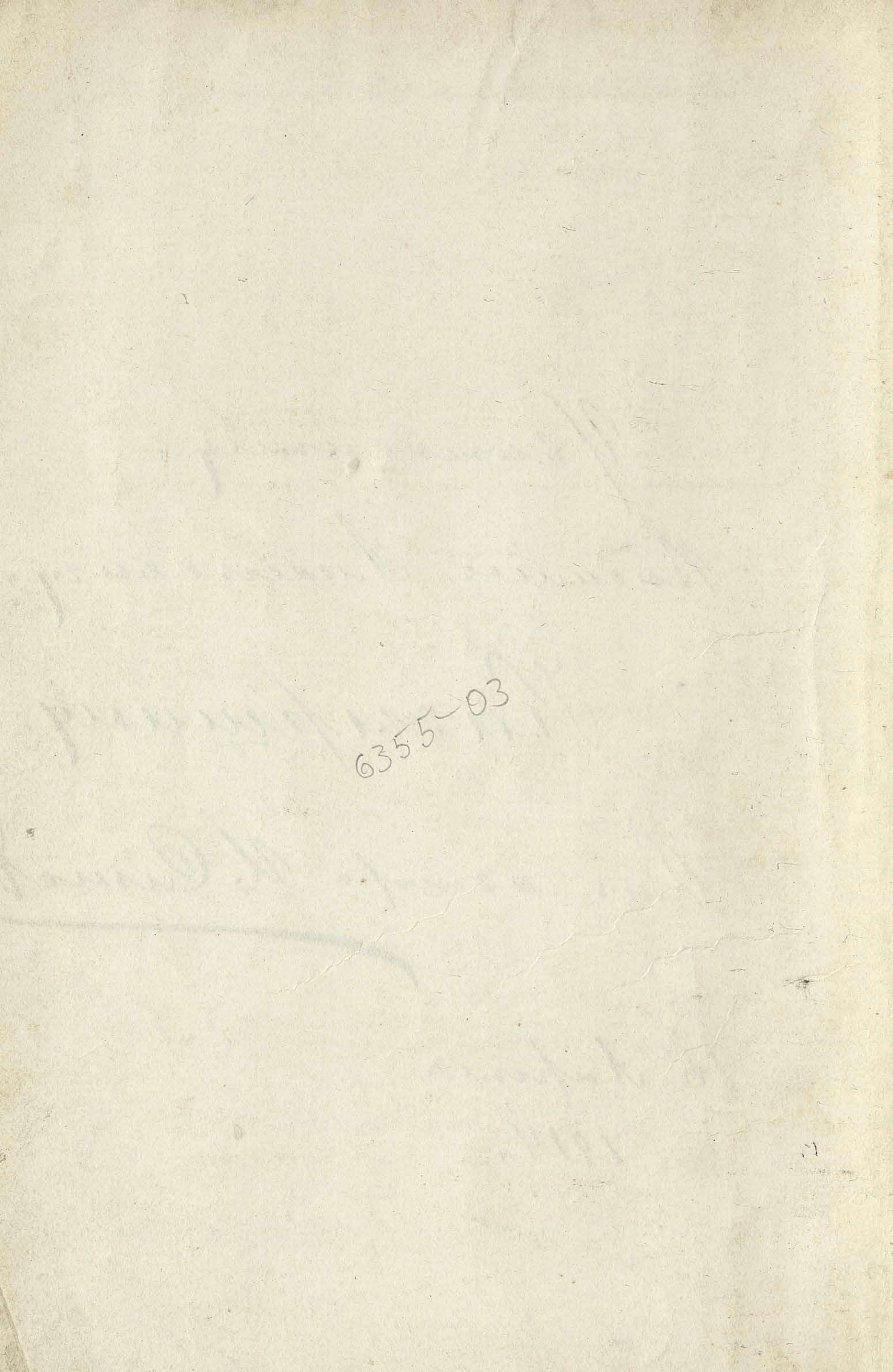
Василію Алексѣевичу

Кавтрушину.

Отъ автора И. Симоновъ

16 Апрѣля

1914 г.

И. А. Слоновъ.

Изъ жизни торговой Москвы.

(Полвѣка назадъ).

МОСКВА.
Типографія Русскаго Т-ва Печатнаго и Издательскаго Дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
1914.

Обл., форз. лист, лист с автогр. отделены от блока

Посвящается

Владиміру Николаевичу

Китаеву.

На Руси есть много городовъ и мѣстностей, откуда въ Москву пріѣзжаютъ спеціалисты разныхъ знаній, ремеслъ и труда.

Такъ, напримѣръ: большинство плотниковъ и каменщиковъ пріѣзжаютъ работать въ столицу изъ Владимирской губерніи, землекопы—изъ Смоленской губерніи, половые—изъ Ярославской губерніи, башмачники—изъ Кимръ, Тверской губерніи, огородники—изъ Ростова и т. д. Въ числѣ такихъ столичныхъ поставщиковъ находится и городъ Коломна, откуда привозятъ въ Москву мальчиковъ и отдаютъ ихъ большею частію въ услуженіе въ торговыя учрежденія.

Къ числу такихъ экспонатовъ принадлежитъ и авторъ книги «Изъ жизни торговой Москвы—полвѣка назадъ». Поэтому для послѣдовательности и болѣе точнаго изложенія этой повѣсти мнѣ невольно пришлось написать и свою автобіографію.

Авторъ.

I.

Вотъ уже и осень жизни, засеребрились кудри, блѣднѣетъ румянецъ лица, медленно, но постепенно утихаютъ страсти. Во всемъ чувствуется скорое наступленіе зимы.

Жизнь клонится къ закату и, чѣмъ долѣе живешь, тѣмъ быстрѣе летитъ время.

Я люблю вспоминать весну своей жизни, счастливое безпечное дѣтство и золотую юность; послѣднюю мнѣ пришлось прожить при особо суровыхъ и тяжкихъ условіяхъ, съ большими лишеніями и невзгодами. Но и эту пору жизни я вспоминаю съ удовольствіемъ, потому что никогда ни на что не ропталъ и, какъ бы ни было мнѣ тяжело и трудно, я терпѣливо шелъ къ намѣченной мною цѣли и при этомъ умѣлъ всегда довольствоваться настоящимъ; въ послѣднемъ по моему мнѣнію и заключается счастіе каждаго человѣка.

Вспоминается мнѣ родной тихій городокъ, гдѣ протекли мои лучшіе дѣтскіе годы, маленькій домикъ, двѣ крошечныя чистенькія комнатки; въ одной изъ нихъ, въ переднемъ углу темные лики иконъ и передъ ними огонекъ теплющейся лам-

пады; вижу передъ собою свою родную милую семью: любящую мать, добрую старушку бабушку, маленькихъ сестеръ и брата, съ которыми мнѣ жилось такъ хорошо и весело. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе полвѣка, но мнѣ кажется, что все это было недавно, такъ близко...

Я родился въ 1851-мъ году, въ г. Коломнѣ, въ бѣдной семьѣ. Отецъ мой былъ садовникъ, служилъ у купца Кислова и получалъ маленькое жалованье, едва хватавшее на содержаніе семьи, состоявшей изъ восьми человѣкъ, въ числѣ которыхъ было пять человѣкъ дѣтей, я былъ старшимъ; отецъ у насъ былъ очень строгій; мы, дѣти, боялись его. Стоило ему показаться вдали на улицѣ, какъ мы всѣ быстро разбѣгались по разнымъ мѣстамъ и прятались. За малѣйшую вину, а иногда и за простую шалость онъ насъ больно наказывалъ.

Первое мое воспоминаніе объ отцѣ относится къ тому времени, когда мнѣ было еще только 7 лѣтъ. Хорошо помню тотъ случай, когда отецъ въ первый разъ наказалъ и напугалъ меня.

Я пускалъ бумажный змѣй и для того, чтобы перевести его черезъ высокое дерево, влѣзъ на заборъ. Спускаясь оттуда, я зацѣпился за гвоздь и разорвалъ рубашку. Отецъ это видѣлъ. Схватилъ меня за руку и потащилъ домой, гдѣ жестоко наказалъ ремнемъ. Отъ наказаній грознаго отца насъ защищала наша матушка, женщина добрая и ласковая; мы всѣ горячо любили ее. Вече-

ромъ мы приходили домой со страхомъ и въ присутствіи отца вели себя «тише воды и ниже травы» (такъ что насъ совсѣмъ не было слышно).

Къ нашему счастію отецъ мало находился дома. Днемъ онъ былъ занятъ своей службой, а ночи большею частію проводилъ на рѣкѣ—онъ былъ страстный и опытный рыболовъ. Вечеромъ онъ уходилъ съ удочками на Москву-рѣку, на плашкотный мостъ; садился тамъ на одинъ изъ паромовъ, гдѣ у него было свое постоянное мѣсто, и всю ночь ловилъ рыбу удочкой.

Онъ часто въ одну ночь налавливалъ болѣе пуда крупной рыбы: лещей, язей, головлей и друг.

Матушка солила рыбу въ большихъ кадкахъ, которыя спускали въ погребъ и закапывали въ снѣгъ. Соленой рыбой мы питались всю зиму.

Впослѣдствіи, по примѣру отца, я также сдѣлался страстнымъ рыболовомъ.

Въ то время въ Москвѣ-рѣкѣ вода была чистая и прозрачная, въ ней было много рыбы и раковъ. Теперь, когда всѣ фабрики и заводы начали отапливать нефтью, которая, попадая въ большомъ количествѣ въ рѣку, настолько загрязняетъ и портитъ въ ней воду, что въ среднемъ и нижнемъ теченіяхъ Москвы-рѣки рыба гибнетъ и ея осталось очень мало, а раки совсѣмъ перевелись.

Мы жили въ Коломнѣ на высокомъ берегу Москвы-рѣки, въ такъ называемой Щемиловкѣ; тамъ у насъ былъ свой маленькій полуразвалив-

шійся деревянный домикъ, съ двумя крошечными комнатками и маленькой кухней, въ которыхъ наша семья помѣщалась довольно уютно и не чувствовала тѣсноты, потому что мы, дѣти, большую часть дня проводили на улицѣ или на рѣкѣ. Домой собирались вечеромъ. Ужинали всѣ вмѣстѣ, при чемъ тарелокъ, ножей и вилокъ у насъ не было. Ѣли всѣ изъ общей большой деревянной чашки, деревянными ложками. Нарѣзанное мелкими кусочками мясо во щахъ мы могли вылавливать послѣ того, какъ отецъ скажетъ: «таскай со всѣмъ». Если же кто изъ дѣтей зацѣпитъ кусочекъ мяса ранѣе этого, того отецъ ударялъ по лбу деревянной ложкой... Послѣ ужина, чтобы не жечь понапрасну сальной свѣчки, всѣ ложились рано спать. Для этого на полу маленькой комнатки стлали войлокъ, на которомъ мы всѣ, два брата и три сестры, ложились рядомъ и накрывались однимъ общимъ одѣяломъ (настоящая коммуна). Но мы не сразу засыпали, у насъ сначала происходила возня и негромкій смѣхъ....

Отецъ за это насъ часто наказывалъ; при этомъ мнѣ, какъ главному застрѣльщику, попадало отъ него болѣе другихъ. Вставали рано. Въ шесть часовъ утра уже всѣ были на ногахъ.

Нашъ домъ находился близъ Воздвиженской церкви, въ которой за службами я исполнялъ съ большой охотой разныя обязанности: пѣлъ съ дьячкомъ на клиросѣ, выносилъ свѣчу, ходилъ

Нашъ домикъ въ г. Коломнѣ.

съ кружкой по церкви и звонилъ на колокольнѣ.

Семья наша была религіозная, въ воскресные и праздничные дни мы не пропускали въ церкви ни одной службы. Всѣ посты, а также въ среды и пятницы, мы строго постились. Помню, однажды лѣтомъ я забрался къ себѣ на погребицу и тамъ тайкомъ полакомился творогомъ. Но, вспомнивъ, что день былъ постный, я очень испугался своего грѣха. Мнѣ почему-то казалось, что грѣхъ былъ у меня во рту; желая очистить себя отъ этого грѣха, я долго полоскалъ ротъ холодной водой.

II.

Въ зимніе долгіе вечера мы всѣ собирались у себя дома, въ одну комнату, освѣщенную сальной свѣчкой (лампы у насъ не было). Отецъ читалъ вслухъ псалмы и акафисты, а мы всѣ хоромъ пѣли. Мы, дѣти, любили это пѣніе и наши дѣтскіе голоса звенѣли довольно стройно.

Вечеромъ каждую субботу и подъ всѣ праздники наша бабушка брала ручную глиняную кадильницу, насыпала въ нее горячихъ угольевъ и ладану и кадила наши маленькія комнатки.

Въ Крещенскій сочельникъ она ходила съ кускомъ мѣла и писала на всѣхъ дверяхъ кресты.

Помню еще, что въ Рождественскій сочельникъ мы всѣ постились цѣлый день до звѣзды; съ появленіемъ ея, бабушка угощала насъ сначала сладкой кутьей, а затѣмъ и ужиномъ.

Иногда отецъ разсказывалъ намъ про свою родину—Донскую область, про широкій тихій Донъ, про необъятныя зеленыя степи, наполненныя дивными цвѣтами и множествомъ большихъ птицъ. Мы каждый разъ съ удовольствіемъ слушали эти интересные для насъ разсказы.

Иногда къ намъ приходили гости, что случалось довольно рѣдко и только въ отсутствіе отца (такъ какъ онъ не любилъ никакихъ гостей). Тогда насъ, дѣтей, выпроваживали всѣхъ на улицу (если это было весной или лѣтомъ), а осенью и зимой загоняли всѣхъ на печку... Оттуда мы наблюдали съ большимъ любопытствомъ за угощеніемъ гостей чаемъ и баранками и при этомъ очень завидовали счастливцамъ....

Помню, однажды при гостяхъ мать послала меня за баранками. Я быстро побѣжалъ (по обыкновенію босикомъ) исполнять данное мнѣ приказаніе, но... дорогой споткнулся о камень, упалъ и такъ сильно расшибся, что, вставъ на ноги, никакъ не могъ вспомнить, зачѣмъ я былъ посланъ... Со слезами на глазахъ и безъ баранокъ вернулся я обратно домой.

Мы всегда ходили босые. Намъ съ братомъ давали одѣвать сапоги, а сестрамъ башмаки глубокой осенью, когда наступали морозы и выпадалъ снѣгъ. Благодаря такому спартанскому воспитанію, мы всѣ были дѣтьми здоровыми и крѣпкими и никогда ничѣмъ серьезно не болѣли. Наши ноги были черныя и грязныя, съ нихъ почти никогда не сходили «цыпки» — болѣзнь кожи, которая отъ грязи трескалась и изъ ранокъ сочилась кровь.

Ежегодно къ Пасхѣ намъ шили обновки. Брату и мнѣ ситцевыя рубашки и нанковыя штаны, а

сестрамъ ситцевыя платья, которыя, за нѣсколько дней до Пасхи, развѣшивались на стѣнѣ въ комнатѣ. Мы любовались ими и съ нетерпѣніемъ ждали Пасху, чтобы пощеголять въ своихъ обновахъ.

Въ Щемиловкѣ жили исключительно одни бѣдняки, а, какъ извѣстно, у бѣдныхъ людей дѣти родятся всегда въ изобиліи... Поэтому и у меня не было недостатка въ товарищахъ, которые меня любили за мой веселый характеръ и, главнымъ образомъ, за мою иниціативу и изобрѣтательность въ разныхъ дѣтскихъ играхъ. Трудно перечислить наши игры и забавы... Весной и лѣтомъ мы играли въ бабки, пускали бумажные змѣи съ трещотками, ходили на лугъ за щавелемъ и цвѣтами, но большую часть дня проводили на рѣкѣ. Купались по двадцати разъ въ день, правильнѣе сказать, почти все время находились въ водѣ. Ловили сѣтками и рогожами рыбу и раковъ. Въ жаркіе лѣтніе дни, когда купанье насъ мало освѣжало, мы ловили большихъ лягушекъ и сажали ихъ къ себѣ за пазуху. Онѣ тамъ прыгали по голому тѣлу и тѣмъ доставляли намъ большое удовольствіе и прохладу.

Вспоминаю два случая, когда я тонулъ въ Москвѣ-рѣкѣ. Одинъ разъ лѣтомъ, ловилъ сѣтками раковъ и свалился съ барки въ воду... Быстрымъ теченіемъ меня подтянуло подъ барку и понесло подъ ея дномъ... Но, умѣя хорошо плавать

и нырять, я подъ баркой опустился на дно рѣки, откуда быстро нырнулъ въ сторону и, выскочивъ на свободную поверхность рѣки, благополучно приплылъ къ берегу. Другой разъ тонулъ зимой: катаясь по тонкому льду въ тулупѣ и валенкахъ, я провалился въ воду на глубокомъ мѣстѣ. Валяные сапоги мои и тулупъ быстро намокли и начали тянуть меня подъ ледъ; я, хватаясь за края ломающагося льда, не могъ самъ выбраться на ледъ и началъ отчаянно кричать.... Мой крикъ услышали женщины, недалеко полоскавшія бѣлье; онѣ бросили мнѣ веревку, съ помощью которой и вытащили меня изъ воды на ледъ.

Однажды осенью я принесъ на рѣку свою маленькую сестренку и чуть было не утопилъ ее. Случилось это такимъ образомъ: въ отсутствіе бабушки, отецъ съ матерью, уѣзжая куда-то, приказали мнѣ посмотрѣть за моей двухлѣтней сестрой, которая любила плакать. Не прошло и полчаса, какъ сестренка проснулась и заплакала. Я поспѣшилъ приступить къ исполненію обязанностей няньки: вытащилъ ее изъ люльки и вынесъ на улицу; тамъ она стала плакать еще сильнѣй. Чтобы успокоить ее, я пошелъ съ ней на рѣку, раздѣлъ ее и положилъ у самаго берега, на спину, въ воду... а самъ сѣлъ около нея на песокъ; сестренка отъ неожиданной холодной ванны взвизгнула, перевернулась лицомъ въ воду и замолчала... я испугался; быстро вытащилъ ее изъ воды

и побѣжалъ съ ней домой, гдѣ и отдалъ ее бабушкѣ. Она спросила меня: «Зачѣмъ я снялъ съ нея рубашку?» Я отвѣтилъ: «Купалъ въ рѣкѣ?!.» Съ тѣхъ поръ обязанностей няньки мнѣ болѣе не поручали.

III.

Зимой мы катались съ высокой горы на скамейкахъ, салазкахъ и рѣшетахъ. Затѣмъ дѣлали изъ снѣга разныя фигуры и крѣпости и устраивали цѣлыя баталіи, отражая непріятеля комками снѣга. Но болѣе всего я съ товарищами любилъ кататься зимой по рѣкѣ «на простянкахъ». Такъ назывались большіе деревенскіе обозы, возвращавшіеся порожними съ базара къ себѣ домой. Мы на ходу вскакивали на край розвальней и ѣхали двѣ-три версты.

Однажды, катаясь такимъ образомъ, я забрался на козлы саней и оттуда свалился подъ передокъ, къ заднимъ ногамъ лошади, которая протащила меня крупной рысью болѣе 100 шаговъ... На мой отчаянный крикъ сбѣжались мужики, остановили лошадь и вытащили меня изъ-подъ саней... Когда они спросили меня, какъ я попалъ подъ сани?—то отъ испуга я не могъ сказать ни одного слова. Я былъ блѣденъ, какъ снѣгъ, и меня трясло, какъ въ лихорадкѣ... Къ моему счастію, дорога на льду была безъ ухабовъ, ровная и гладкая; только благодаря этому я остался цѣлъ и невредимъ.

Но съ тѣхъ поръ я уже болѣе на простянкахъ не катался.

Бывая часто на рѣкѣ, я заходилъ на водопой, находившійся у городского берега, и смотрѣлъ, какъ лошади пьютъ холодную воду, и удивлялся, почему онѣ не простуживаются?

Тутъ я познакомился съ хозяиномъ водопоя. Онъ, уходя въ трактиръ, иногда оставлялъ меня кассиромъ, получать деньги за водопой, за каждую лошадь по одной копейкѣ. Когда хозяинъ возвращался, я отдавалъ ему всю выручку, за что онъ награждалъ меня одной, а иногда и двумя копейками.

Каждый день, утромъ, на водопой приходилъ «Куликъ» съ ружьемъ. Такъ звали отставного солдата, который убивалъ здѣсь множество голубей, прилетавшихъ большими стаями пить воду,—собиралъ ихъ въ большой мѣшокъ и носилъ куда-то продавать.

Къ хозяину водопоя иногда приходилъ юродивый, Данилушка, человѣкъ лѣтъ 40, сутуловатый, съ добрымъ, всегда улыбающимся лицомъ. Онъ лѣтомъ и зимой, не исключая и трескучихъ морозовъ, всегда ходилъ босой и съ непокрытой головой, въ одной рубахѣ и штанахъ. За пазухой онъ постоянно носилъ много мѣдныхъ денегъ, которыя собиралъ на построеніе церквей.

Въ Коломнѣ его всѣ любили, и въ подаяніи ему не отказывали.

Спустя много лѣтъ, мнѣ случалось встрѣчать Данилушку въ такомъ же видѣ въ Москвѣ. Онъ останавливался всегда у П. І. Губонина, который его очень любилъ.

Затѣмъ мы съ товарищами, по примѣру взрослыхъ людей, иногда устраивали кулачный бой съ учениками духовнаго училища: послѣднихъ всегда было больше и намъ порядкомъ отъ нихъ доставалось.

Въ семидесятыхъ годахъ кулачные бои въ Коломнѣ были въ большой модѣ. Выдающіеся кулачные бойцы щедро поощрялись любителями этого спорта, богатыми коломенскими купцами, которые на эту забаву денегъ не жалѣли.

Купцы нерѣдко привозили и свои семьи любоваться кулачными боями. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что коломенскія купчихи отличались необычайной полнотой, ихъ мужья гордились этимъ качествомъ своихъ дебелыхъ супругъ.

Каждое воскресенье на льду Москвы-рѣки устраивался большой кулачный бой. Сначала начинали драться мальчики, затѣмъ подростки и въ заключеніе вступали въ бой взрослые люди.

Бой продолжался 2—3 часа и оканчивался вечеромъ, когда становилось темно.

Съ одной стороны дрались коломенцы, съ другой—крестьяне изъ пригородныхъ селъ и деревень.

Участвующихъ въ бою было отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ. Обѣ стороны назывались «стѣн-

ками». Ими предводительствовали какъ съ одной, такъ и съ другой стороны выдающіеся бойцы.

У коломенцевъ долгое время былъ въ большомъ фаворѣ непобѣдимый кулачный боецъ—кузнецъ «Трушка». Этотъ человѣкъ былъ нѣсколько выше средняго роста, коренастый, съ громадной головой, плотно сидѣвшей на широкихъ плечахъ.

На одну ногу немного прихрамывалъ. Трушка имѣлъ силу колоссальную: когда онъ участвовалъ въ бою, побѣда была всегда на сторонѣ коломенцевъ.

Кулачные бои сопровождались страшнымъ шумомъ и громкимъ крикомъ нѣсколькихъ тысячъ людей. Этотъ шумъ было слышно даже въ городѣ. Но когда одна изъ стѣнокъ дрогнетъ и, одолѣваемая противникомъ, покажетъ тылъ, въ этотъ моментъ ревъ толпы былъ ужасенъ...

Это было нѣчто стихійное: страсти разгорались, люди становились звѣрями, ломали другъ другу ребра, руки, ноги и разбивали лица въ кровь.

Послѣ каждаго боя, на льду рѣки и на лугу, подбирали нѣсколько изуродованныхъ людей. Бывали случаи, когда среди нихъ находили убитыхъ... и ничего,—все благополучно сходило съ рукъ; въ слѣдующее воскресенье опять устраивался такой же бой...

Любоваться боями собиралось множество городскихъ жителей, которыми былъ усѣянъ высокій, гористый берегъ рѣки. На другомъ, отлогомъ, бере-

гу разстилался на большомъ пространствѣ Бобреневскій лугъ, а вдали, на фонѣ усыпаннаго инеемъ березоваго лѣса, рельефно обрисовывалось большое село Бобренево съ высокой красной колокольней и нѣсколькими церквами Бобреневскаго мужского монастыря.

Луговой берегъ Москвы-рѣки съ его обширнымъ горизонтомъ представлялъ красивый ландшафтъ. Но когда этотъ ландшафтъ оживлялся разсыпавшимися по лугу на большомъ пространствѣ нѣсколькими тысячами бойцовъ, то получалась картина поразительно красивая и грандіозная.

По окончаніи боя, купцы угощали главныхъ бойцовъ водкой, затѣмъ ѣхали съ ними кутить къ цыганамъ въ Ямскую слободку. Послѣдствіемъ такихъ кутежей, въ слободкѣ иногда появлялись на свѣтъ крупичатые цыганята...

IV.

Какъ только я сталъ сознавать себя, у меня явилось неотразимое желанiе имѣть свои деньги.

Начиная съ 7 лѣтъ, я уже началъ изобрѣтать разные способы, чтобы достать нѣсколько копеекъ «на гостинцы», къ которымъ я былъ вообще неравнодушенъ.

Въ данномъ случаѣ я поступилъ чисто по-американски. Какъ извѣстно, въ Америкѣ каждое занятiе и трудъ, въ чемъ бы они ни заключались, считаются почтенными и пользуются большимъ уваженiемъ закона и людей. Наоборотъ, праздность, лѣнь и тунеядство жестоко презираются, и люди, подверженные этимъ отрицательнымъ качествамъ, быстро тамъ умираютъ голодной смертью, потому что милостыни въ Америкѣ никому не подаютъ, а, если кто попроситъ ее, сажаютъ на три мѣсяца въ тюрьму.

Въ Америкѣ нищихъ совсѣмъ нѣтъ; людей, неспособныхъ къ труду, тамъ помѣщаютъ безплатно въ муниципальные прiюты.

Первое свое коммерческое предпрiятiе я началъ съ того, что взялъ кулекъ и отправился съ нимъ

по берегу рѣки собирать битый хрусталь и фарфоръ; отнесъ его въ посудную лавку и предложилъ купить.

Мнѣ тамъ заплатили за него 3 копейки; это мнѣ понравилось.

Я началъ еще усерднѣе собирать фарфоръ; за него мнѣ продолжали платить каждый разъ по 3 копейки. Тогда я рѣшилъ расширить это выгодное предпріятіе. Для этого взялъ другой кулекъ, вдвое болѣе, наполнилъ его хрусталемъ и фарфоромъ и, согнувшись въ дугу, понесъ свою тяжелую ношу въ посудную лавку, гдѣ мнѣ за нее заплатили 5 копеекъ. Съ тѣхъ поръ я носилъ въ лавку только большіе кульки.

Товарищи знали про мою коммерцію. Но никто изъ нихъ этой операціей не занимался—что меня не мало удивляло.

Изыскивая дальнѣйшія средства для пріобрѣтенія денегъ, я пустилъ въ ходъ экономію. Она заключалась въ слѣдующемъ: когда меня посылали съ деньгами купить 1 фунтъ мыла за 8 копеекъ, или фунтъ сахару за 14 копеекъ—я приходилъ въ лавку и просилъ отпустить мнѣ мыла «около фунта» на 7 копеекъ, или сахару тоже «около фунта» на 13 копеекъ, и мнѣ отпускали.

Экономическія копейки я, приходя домой, закапывалъ въ землю у себя на дворѣ. Когда такимъ способомъ у меня накапливалось 5—6 копеекъ, я на нихъ покупалъ «гостинцы» и угощалъ себя на славу.

Мои экономическія операціи были всегда умѣренны, а потому ни разу никѣмъ не были замѣчены.

Коммерческія способности проявлялись у меня еще въ томъ, что я у себя на чердакѣ устроилъ нѣчто въ родѣ мелочной торговли.

Сдѣлалъ изъ картона и нитокъ вѣсы; изъ глины вылѣпилъ гири, разложилъ на полкахъ разный мусоръ и ждалъ, когда матушка дастъ намъ гостинцы. Тогда я тотчасъ же открывалъ свою лавочку и зазывалъ въ нее почтеннѣйшую публику, то-есть: сестеръ и брата. Отвѣшивалъ имъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ разные товары: песокъ, мелкіе камушки и другіе деликатесы въ такомъ же родѣ, завертывалъ въ бумагу и давалъ покупателямъ. Они «за товаръ» расплачивались со мной своими лакомствами, которыя я тутъ же при нихъ съѣдалъ.

Когда у моихъ покупателей отъ гостинцевъ оставались только одни воспоминанія, я закрывалъ свою лавочку и просилъ публику удалиться.

Въ Рождество Христово у насъ не было ни елки, ни игрушекъ, но зато къ этому празднику жарился гусь. А это въ нашей бѣдной семьѣ было цѣлымъ событіемъ.

Мнѣ особенно памятны Рождественскіе сочельники.

Глубокая ночь. Торжественная тишина. На темномъ небѣ ярко блестятъ звѣзды. Подъ ногами

скрипитъ морозный снѣгъ. Спитъ спокойно тихій городокъ. Нигдѣ ни души. Въ это время мы съ братомъ, ежась отъ мороза, пробираемся глухими и пустынными улицами далеко на окраины города къ бѣднымъ теткамъ славить Христа.

Послѣ славленія я разсказывалъ имъ «рацеи».

«Рацеями» назывались простые разсказы о томъ, какъ въ Виѳлеемѣ въ ясляхъ родился Спаситель міра и, по указанію звѣзды, къ Нему пришли издалека волхвы поклониться и принести дары.

Разсказывать «рацеи» меня научила наша бабушка.

Эта добрая старушка, всѣхъ насъ горячо любившая, въ самую трудную пору моей жизни была для меня настоящей доброй феей и, поэтому, я свято чту ея память.

Послѣ «рацеи» мы поздравляли «хозяюшку» съ праздникомъ, намъ давали 3—5 копеекъ.

Такимъ образомъ, мы съ братомъ собирали до 30 копеекъ, на которыя покупали орѣховъ и пряниковъ и угощали ими своихъ сестеръ и товарищей.

Вспоминаю смѣшной эпизодъ, случившійся съ нашей бабушкой и еще другими пятью старушками.

Однажды лѣтомъ онѣ собрались итти пѣшкомъ на богомолье въ монастырь Николы Радованица, отстоящій отъ Коломны въ 80 верстахъ. Бабушка и меня взяла съ собой. Я этому былъ очень радъ.

V.

Когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, меня отдали учиться въ городское четырехъ-классное училище. Учился я хорошо. Моимъ любимымъ предметомъ была географія. Учитель Бланштеевъ заставлялъ меня иногда путешествовать изъ Европы въ Африку, въ Австралію и Америку.

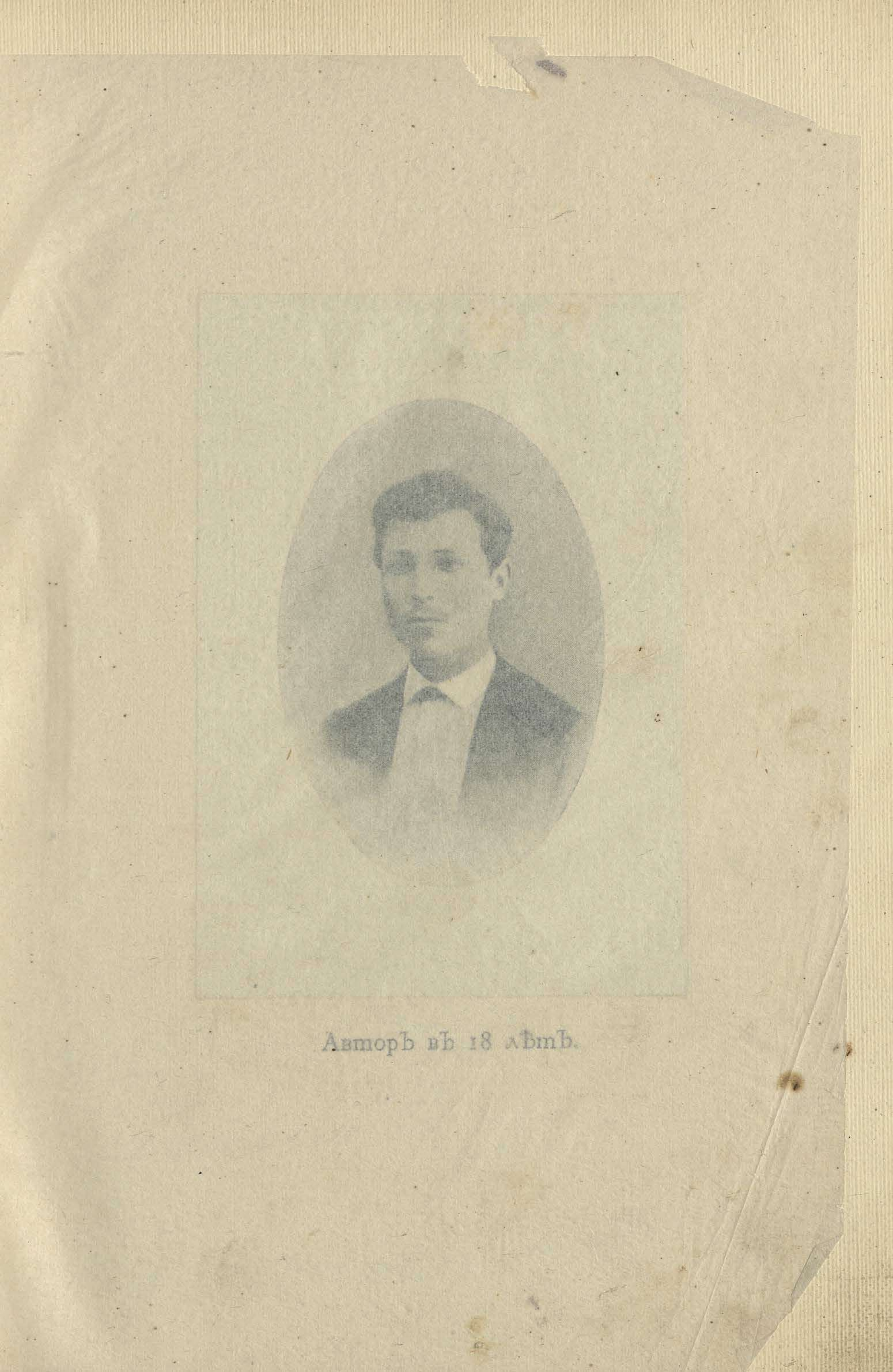
Я, стоя у доски съ кускомъ мѣла въ рукѣ, съ большимъ увлеченіемъ и любовью рисовалъ проливы, моря и океаны, которыми благополучно и безъ ошибокъ добирался до этихъ далекихъ странъ и въ награду за это всегда получалъ 5+.

Вотъ съ какихъ раннихъ поръ во мнѣ сказывалась страсть къ путешествіямъ.

Впослѣдствіи изъ меня на самомъ дѣлѣ выработался путешественникъ, объѣздившій всю Европу, побывавшій въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ и въ заключеніе всего совершившій кругосвѣтное путешествіе.

О своихъ интересныхъ странствованіяхъ я написалъ двѣ книги: «Въ Америку» и «На Востокѣ».

Изъ пяти нашихъ преподавателей мнѣ особенно нравился учитель русскаго языка, Иванъ Алексѣе-

Авторъ въ 18 лѣтъ.

V.

Когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, меня отдали учиться въ городское четырехъ-классное училище. Учился я хорошо. Моимъ любимымъ предметомъ была географія. Учитель Бланштеевъ заставлялъ меня иногда путешествовать изъ Европы въ Африку, въ Австралію и Америку.

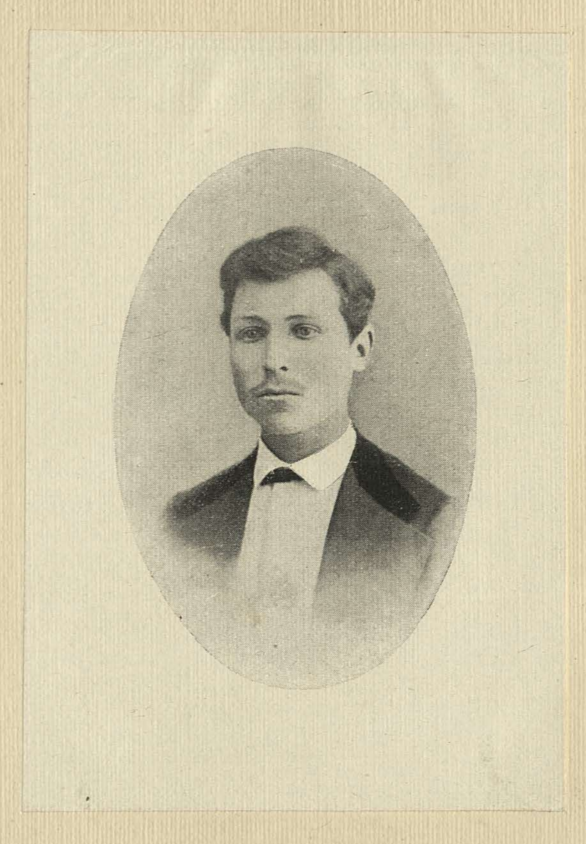
Я, стоя у доски съ кускомъ мѣла въ рукѣ, съ большимъ увлеченіемъ и любовью рисовалъ проливы, моря и океаны, которыми благополучно и безъ ошибокъ добирался до этихъ далекихъ странъ и въ награду за это всегда получалъ 5+.

Вотъ съ какихъ раннихъ поръ во мнѣ сказывалась страсть къ путешествіямъ.

Впослѣдствіи изъ меня на самомъ дѣлѣ выработался путешественникъ, объѣздившій всю Европу, побывавшій въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ и въ заключеніе всего совершившій кругосвѣтное путешествіе.

О своихъ интересныхъ странствованіяхъ я написалъ двѣ книги: «Въ Америку» и «На Востокъ».

Изъ пяти нашихъ преподавателей мнѣ особенно нравился учитель русскаго языка, Иванъ Алексѣе-

Авторъ въ 18 лѣтъ.

вичъ Большевъ. Онъ былъ невысокаго роста, на спинѣ имѣлъ большой горбъ и, несмотря на свое уродство, былъ всегда въ высшей степени добрымъ и ласковымъ.

Онъ никогда не наказывалъ учениковъ, за что всѣ его любили. Полнымъ контрастомъ ему былъ «батюшка»—учитель Закона Божія, рыжій и толстый человѣкъ, съ свирѣпымъ лицомъ. Ученики его не любили и боялись, потому что онъ ставилъ плохія отмѣтки и часто наказывалъ розгами. Въ то время въ городскихъ школахъ розги были въ большомъ ходу.

На другой сторонѣ площади, противъ городского училища, находилось духовное училище. Учащихся въ немъ мы называли кутейниками, часто съ ними сталкивались и дрались. Помню, однажды, послѣ большой перемѣны, во время которой меня порядкомъ поколотилъ кутейникъ, я, разгоряченный дракой и неудачей, вбѣжалъ въ классъ и, не замѣтивъ «батюшки», сидѣвшаго за столомъ, громко крикнулъ: «господа! послѣ класса пойдемте бить кутейниковъ!..

Батюшка подозвалъ меня къ столу и спросилъ: «Кто это кутейники, которыхъ ты собираешься бить?» Я отвѣтилъ, что мы такъ называемъ учениковъ духовнаго училища, которые насъ часто бьютъ. На это священникъ возразилъ мнѣ, что учениковъ духовнаго училища нельзя называть кутейниками, потому что они впослѣдствіи будутъ

вашими духовными пастырями. Затѣмъ онъ приказалъ сторожу подать и всыпать мнѣ десять «лозъ»...

Изъ училища я возвращался домой съ товарищемъ Лаптевымъ, онъ былъ старше меня на два года и вдвое выше ростомъ, дорогой мы съ нимъ часто дрались и я всегда былъ побѣжденнымъ. Дома отецъ заставлялъ меня ежедневно писать съ прописи по десяти страницъ. Помню, онъ мнѣ говорилъ: «Самое главное—тебѣ нужно, чтобы ты писалъ хорошо»; на уроки же, задаваемые мнѣ въ училищѣ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Мнѣ приходилось приготовлять ихъ тайкомъ отъ него за печкой, ночью, съ сальнымъ огаркомъ...

Черезъ четыре года я окончилъ курсъ съ похвальнымъ листомъ. Вскорѣ послѣ этого надъ нашей семьей разразилось страшное несчастіе. Отецъ нашъ, которому въ то время было 38 лѣтъ, сильно простудился и, недолго проболѣвъ, скончался...

Убитая горемъ, молодая мать наша съ пятью маленькими сиротами, похоронивъ своего кормильца, осталась совершенно безъ всякихъ средствъ.

Намъ дали опекуна, богатаго коломенскаго купца Макѣева. Онъ выдавалъ матери ежемѣсячно по пяти рублей. На эти деньги наша семья, состоявшая изъ семи человѣкъ, могла существовать только впроголодь. На семейномъ совѣтѣ было рѣшено убавить число ртовъ. Для этого осенью, вскорѣ послѣ смерти отца, бабушка поѣхала жить въ Мо-

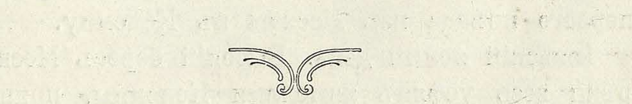
скву, къ своему сыну (онъ служилъ приказчикомъ въ шорной лавкѣ), и меня взяла съ собой, для того чтобы отдать въ Москвѣ въ мальчики, то-есть въ услуженіе.

Я уѣзжалъ изъ Коломны съ большой неохотой. Мнѣ жаль было разставаться съ своей милой семьей и товарищами.

Мое прощаніе съ ними было очень трогательно, потому что, вмѣстѣ съ этимъ, я прощался и съ своимъ счастливымъ дѣтствомъ.

Вступая въ новую жизнь, я прекрасно понималъ, что въ неизвѣстномъ будущемъ мнѣ предстоитъ много невзгодъ и лишеній.

Вѣдь, меня везли въ Москву, какъ простой экспонатъ, не знавшій даже, куда и къ кому онъ попадетъ.

VI.

Прошло уже пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, когда была построена Московско-Рязанская ж. д., сначала только до Рязани. До этого времени, сообщеніе съ Москвой производилось на почтовыхъ и ямскихъ тройкахъ; путешествіе на лошадяхъ продолжалось отъ 2 до 3-хъ дней и обходилось каждому пассажиру отъ 15 до 25 рублей. Поэтому понятно было то нетерпѣніе коломенцевъ, съ которымъ они ждали открытія удобнаго и дешеваго сообщенія съ Москвой. Я хорошо помню прибытіе перваго поѣзда изъ Москвы въ Коломну.

Іюньскій ясный день. Высокій берегъ Москвырѣки весь усѣянъ жителями Коломны, пришедшими посмотрѣть прибытіе перваго поѣзда.

Для того, чтобы поскорѣй увидѣть поѣздъ, я съ товарищами влѣзъ на самый верхъ высокой Пятницкой башни, оттуда мы замѣтили вдали дымокъ, затѣмъ вскорѣ изъ просѣки березоваго лѣса выскочилъ пассажирскій поѣздъ, убранный зеленью и цвѣтами; громко стуча колесами и цѣпями, онъ быстро мчался по высокой и длинной насыпи, проложенной по заливному лугу, и, тихо

подойдя, остановился у временнаго коломенскаго вокзала, гдѣ былъ встрѣченъ громкимъ «ура!» собравшихся горожанъ и представителей города. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующій курьезъ: Правленіе Московско-Рязанской ж. д. обратилось къ Коломенскому городскому самоуправленію съ просьбой продать клочокъ земли близъ Коломны, для вокзала. Отцы города на это изъявили свое согласіе и... назначили за землю баснословную цѣну, изъ которой уступать не желали. Правленію ж. д. ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить городъ Коломну безъ вокзала: послѣдній былъ выстроенъ въ Голутвинѣ, отстоящемъ отъ Коломны въ 5 верстахъ.

Дорога туда лежала мимо зловонныхъ боенъ и глубокаго оврага; въ послѣднемъ быстро появились «рыцари ночи» и стали грабить проѣзжавшихъ пассажировъ. Начались неудовольствія и жалобы жителей Коломны на городское самоуправленіе. Отцы города, видя, что попали «впросакъ» и чтобы выйти изъ неловкаго положенія, вынуждены были просить «покорнѣйше» Правленіе Московско-Рязанской ж. д. намѣченную имъ городскую землю близъ Коломны взять безплатно и построить на ней вокзалъ.

Просьба мудрыхъ людей была уважена...

Въ Москву мы съ бабушкой пріѣхали вечеромъ. Съ вокзала пошли пѣшкомъ къ дядѣ. Онъ тогда жилъ у Яузскаго моста, въ маленькой квартиркѣ,

въ подвальномъ этажѣ. Бабушка несла на веревкѣ, черезъ плечо, мой маленькій сундукъ съ бѣльемъ. Я шелъ рядомъ съ ней, по обыкновенію босикомъ,—сапоги мои были у меня на плечахъ.

Послѣ маленькой и тихой Коломны Москва поразила меня своей величиной, громадными, ярко освѣщенными домами, большимъ уличнымъ движеніемъ и грохотомъ многочисленныхъ экипажей на желѣзныхъ шинахъ (резиновыхъ въ то время не было). На другой день пріѣзда, я пошелъ одинъ гулять по московскимъ улицамъ.

На каждомъ шагу я останавливался и съ любопытствомъ смотрѣлъ на щеголевато одѣтыхъ людей и на красивыхъ лошадей, запряженныхъ въ богатые экипажи. Но болѣе всего меня заинтересовывали большіе колоніальные магазины и кондитерскія, съ ихъ красивыми выставками разныхъ деликатесовъ, которые я видѣлъ въ первый разъ. Я подолгу стоялъ и любовался такими великими для меня соблазнами. Вечеромъ, проходя по одной изъ большихъ улицъ, я впервые увидѣлъ магазинъ, освѣщенный газомъ. Подойдя къ окну, я долго стоялъ, любуясь красивымъ освѣщеніемъ. Меня очень заинтересовалъ вопросъ, какъ это можетъ горѣть воздухъ безъ фитиля? За разъясненіемъ этого «чуда» я обратился сначала къ своей бабушкѣ, а затѣмъ къ дядѣ. Но они не могли объяснить мнѣ заинтересовавшаго меня вопроса.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ не было

еще текучаго газа, а объ электричествѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія. Газъ развозили по городу, на лошадяхъ, въ большихъ желѣзныхъ цилиндрахъ; такимъ же способомъ освѣщались Императорскіе театры Большой и Малый.

Это дѣлалось такъ: въ цоколѣ съ наружной стороны зданія находился клапанъ; къ нему привозили на парѣ лошадей длинный желѣзный цилиндръ съ газомъ, привертывали къ клапану резиновый рукавъ и пускали газъ. Онъ проходилъ по трубамъ въ большіе резервуары, помѣщавшіеся внутри зданій.

При такомъ примитивномъ способѣ перекачки много газа улетучивалось наружу и на большомъ пространствѣ сильно пахло газомъ. Публика, зажимая носы, обходила на почтительномъ разстояніи эти пахучія операціи.

VII.

Полвѣка тому назадъ Москва была очень оригинальна и патріархальна. Въ тѣ времена у москвичей дѣйствительно былъ «отъ головы до пятокъ—особый отпечатокъ».

Онъ сказывался во многихъ проявленіяхъ московской жизни. Начиная съ ея знаменитаго «хозяина» московскаго Генералъ-Губернатора Владиміра Андреевича Долгорукова, который, болѣе четверти вѣка, чисто по-отцовски, управлялъ Москвой.

Князь Долгоруковъ былъ доступенъ каждому и отличался большой любезностью и добротой, особенно съ дамами, съ которыми его обращеніе было прямо обворожительно. При этомъ князь славился самымъ широкимъ хлѣбосольствомъ, за что Москва его горячо любила. При князѣ долгое время служилъ полицмейстеромъ Николай Ильичъ Огаревъ; это былъ простой добродушный человѣкъ и веселый собесѣдникъ.

Его высокая типичная фигура, съ громаднѣйшими запорожскими усами, часто появлялась на страницахъ юмористическихъ журналовъ. Среди московскаго населенія онъ пользовался большой популярностью.

Изъ приказовъ Огарева особенно былъ извѣстенъ слѣдующій: онъ приказалъ, чтобы въ каждой будкѣ на столѣ лежала книга, въ которой должны расписываться квартальные, во время ночныхъ обходовъ.

Но, такъ какъ въ то время, на улицахъ не было такого движенія и суеты, какъ теперь, и вообще нравы были проще—то квартальные обходы дѣлали очень рѣдко, предпочитая имъ спокойный сонъ. Взамѣнъ ночныхъ обходовъ, будочники ежедневно утромъ приносили книги для подписи въ околотокъ.

Про эти продѣлки квартальныхъ узналъ Огаревъ и приказалъ находящіяся въ будкахъ книги припечатать къ столамъ.

Но это нисколько не измѣнило дѣла.

Послѣ этого приказа, можно было видѣть на московскихъ улицахъ будочниковъ со столами на головахъ... которые такимъ образомъ представляли въ околотокъ съ припечатанными книгами, для подписи начальства...

Не менѣе Огарева также были популярны два квартальныхъ надзирателя—Замайскій и Генцъ. Первый былъ извѣстенъ, какъ московскій Лекокъ, а второй, находясь 20 лѣтъ квартальнымъ въ Городской части, своимъ мягкимъ покладистымъ характеромъ и въ высшей степени любезнымъ обращеніемъ съ каждымъ, сумѣлъ пріобрѣсти среди купцовъ особую любовь, уваженіе и хорошій капиталъ.

На бойкихъ мѣстахъ площадей и большихъ улицъ можно было видѣть очень типичную достопримѣчательность Москвы—будочниковъ въ высокихъ киверахъ и съ большими аллебардами, спокойно спящихъ на посту, прислонившись къ своимъ будкамъ.

Квартальные, обходя посты, отбирали аллебарды у спящихъ будочниковъ и послѣднихъ сажали подъ арестъ. Ночью будочники окликали прохожихъ: «Кто идетъ?» Чтобы не попасть въ околотокъ, нужно было отвѣчать: «Обыватель».

Днемъ будочники терли нюхательный табакъ и, для большей крѣпости, подсыпали въ него толченое стекло. Любителей этого табака находилось много и будочники торговали имъ довольно бойко.

Очень замѣтный слѣдъ оставилъ послѣ своей непродолжительной службы въ Москвѣ оберъ-полицмейстеръ полковникъ Власовскій.

До его назначенія, московская полиція была страшно распущена, взятки были въ большомъ ходу. Частные пристава и квартальные вели дѣло спустя рукава, городовые стояли на постахъ на тротуарахъ, прислонясь къ стѣнамъ, грызли подсолнухи и большею частію занимались разговоромъ съ кухарками и дворниками.

Извозчики, въ рваныхъ зипунахъ, ѣздили на грязныхъ и худыхъ «калибрахъ» безъ всякаго порядка и не придерживались правой стороны, при

Будочникъ.

этомъ они слѣзали съ козелъ и оставляли лошадей безъ всякаго присмотра.

Московскіе домовладѣльцы, пользуясь слабымъ надзоромъ полиціи, у себя на дворахъ рыли поглощающія ямы и закапывали въ нихъ нечистоты и мусоръ. Такимъ простымъ способомъ очистки выгребныхъ ямъ они довели смертность въ Москвѣ до неслыханной цифры, на тысячу умирало 33 человѣка...

Власовскій, вступивъ въ отправленіе обязанностей московскаго оберъ-полицмейстера, съ первыхъ же дней принялся энергично чистить Москву и вводить новые порядки.

Онъ началъ съ московскихъ домовладѣльцевъ, обязавъ ихъ подпиской въ мѣсячный срокъ очистить на дворахъ выгребныя, помойныя и поглощающія ямы. Лицъ, не исполнявшихъ его приказа, онъ штрафовалъ отъ 100 до 500 рублей, съ замѣной арестомъ отъ 1 до 3-хъ мѣсяцевъ. Послѣ такой чувствительной кары началась страшная очистительная горячка. За ассенизаціонную бочку вмѣсто 3-хъ рублей платили по 12 рублей и въ мѣсячный срокъ московскія клоаки были очищены. Вслѣдъ за этимъ, Власовскій началъ чистить полицію: большинству частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей онъ приказалъ подать въ отставку, и на ихъ мѣста набралъ новыхъ лицъ, обязавъ ихъ дѣлать ночныя провѣрки постовъ городовыхъ и дворниковъ.

Городовымъ приказалъ стоять на посту по срединѣ улицъ и площадей и строго слѣдить за наружнымъ порядкомъ и движеніемъ экипажей. Извозчиковъ обязалъ подпиской немедленно починить рваные зипуны и экипажи, при ѣздѣ строго соблюдать установленный порядокъ и держаться правой стороны, на стоянкахъ съ козелъ не слѣзать. На первыхъ порахъ извозчики никакъ не могли освоиться съ новыми порядками и ежедневно сотнями попадали подъ штрафъ отъ 1 до 3-хъ рублей.

Власовскій почти ежедневно, во всякое время дня и ночи, появлялся неожиданно какъ въ центрѣ города, такъ равно и на его окраинахъ. Никто не зналъ, когда онъ спалъ. Одно время, въ Москвѣ прошелъ слухъ, что Власовскій антихристъ... поэтому онъ не спитъ и будоражитъ всю Москву...

При Власовскомъ служилъ городскимъ головой популярный Н. А. Алексѣевъ, это были два неразлучныхъ друга, энергично и много поработавшіе на пользу городского благоустройства.

При нихъ началось улучшеніе мостовыхъ, проведены москворѣцкій водопроводъ и канализація, благодаря чему въ Москвѣ смертность сразу упала до 20 человѣкъ на тысячу. Н. А. Алексѣевъ служилъ Москвѣ безплатно, слѣдуемое ему жалованье по званію городского головы онъ оставлялъ въ пользу города, и при этомъ еще жертвовалъ большія суммы на городскія сооруженія; такъ, на-

примѣръ на его средства построены двѣ водопроводныя башни у Крестовской заставы, нѣсколько школъ и другихъ зданій. Къ сожалѣнію, полезная дѣятельность Алексѣева и Власовскаго была неожиданно прервана, перваго—убійствомъ, а второго отставкой, за Ходынку.

VIII.

Но самымъ главнымъ московскимъ «отпечаткомъ» были московскія мостовыя. Это было нѣчто невозможное. Вымощенныя крупнымъ булыжникомъ, всегда грязныя и пыльныя, съ большими ямами, а зимой глубокими ухабами, онѣ всегда были египетскою казнью москвичей.

На нихъ часто происходили аваріи, калѣчились лошади, ломались экипажи... Часто страдали и сѣдоки, ломая себѣ руки и ноги... На этихъ удивительныхъ мостовыхъ долгое время были «притчей во языцѣхъ» московскіе извозчики, одѣтые въ грязные и рваные зипуны. Они слѣзали съ козелъ, становились кучками у тротуаровъ и зазывали къ себѣ сѣдока. Найдя таковаго, они бросались на него толпой и съ оглушительнымъ крикомъ: «пажа... пажа...» хватали сѣдока за руки и каждый тащилъ къ своему экипажу...

Особой назойливостью отличались извозчики, стоявшіе у вокзаловъ, тамъ они пассажировъ и ихъ багажъ буквально рвали на части...

Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ не было ни конокъ, ни трамваевъ, ни пролетокъ,—ѣздили на ли-

нейкахъ и на кабріолетахъ, или, какъ ихъ называли въ простонародьѣ, «калибры». Это былъ довольно мудреный экипажъ, видомъ похожій на контрабасъ. На немъ сѣдоки сидѣли бокомъ, съ лицами, обращенными въ разныя стороны. Впереди ихъ сидѣлъ верхомъ извозчикъ.

Во время ѣзды на этомъ архаическомъ экипажѣ, чтобы не выскочить изъ него, сѣдоки должны были все время балансировать руками и ногами.

Ѣзда на кабріолетахъ стоила дешево: за 10—15 копеекъ можно было ѣхать 2—3 версты.

Интересенъ былъ способъ уничтоженія кабріолетовъ. Всѣ московскія экипажныя фабрики и кузницы, получивъ предписаніе отъ полиціи, были обязаны подпиской не вырабатывать болѣе новыхъ кабріолетовъ и старыхъ не чинить. Послѣ этого распоряженія число «калибровъ» начало сокращаться и, такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ они были совсѣмъ уничтожены.

По московскимъ улицамъ ходило много шарманщиковъ, фокусниковъ, акробатовъ и большихъ медвѣдей... Послѣднихъ водили на толстыхъ цѣпяхъ, съ продѣтымъ въ верхней губѣ желѣзнымъ кольцомъ.

Представленія давались безпрепятственно на улицахъ и дворахъ, за что артистамъ изъ оконъ бросали мелкія монеты, завернутыя въ бумагу. На эти даровыя представленія всегда собиралась большая толпа зрителей, которымъ особенно нравились

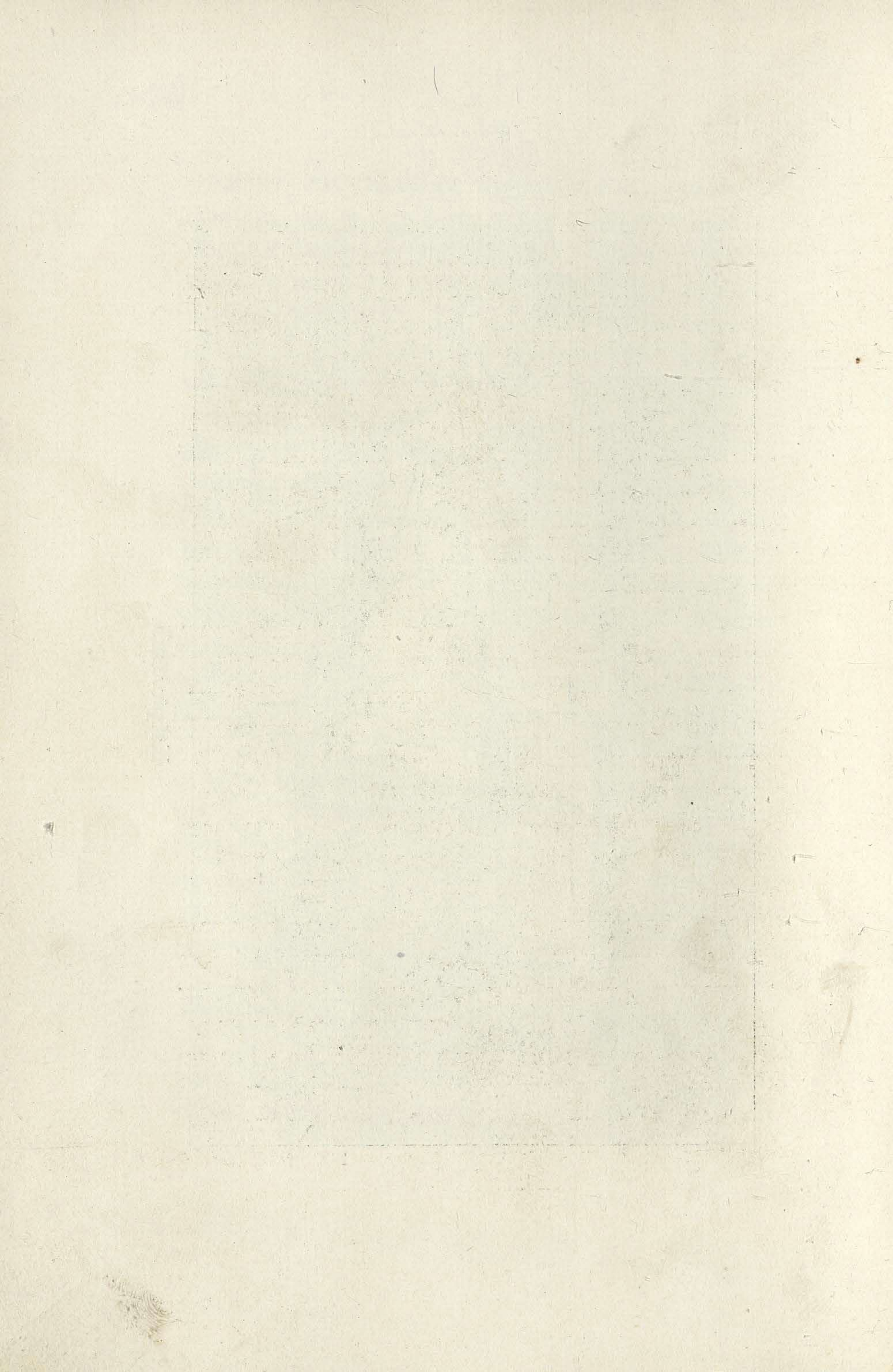
медвѣди; послѣдніе по приказанію вожатыхъ становились на заднія лапы и очень комично плясали и кувыркались черезъ голову; затѣмъ происходила борьба съ вожатымъ, разумѣется чемпіономъ-побѣдителемъ былъ всегда Михаилъ Ивановичъ; въ заключеніе ему давали косушку водки, которую онъ, всунувъ горлышкомъ въ ротъ и придерживая передними лапами, ловко и скоро выпивалъ.

Затѣмъ еще по улицамъ бродило множество нищихъ, калѣкъ, юродивыхъ, странниковъ и разныхъ проходимцевъ, на всѣ голоса выпрашивавшихъ милостыню. Нищихъ было особенно много около церквей, гдѣ они въ праздничные дни выстраивались у паперти въ два длинныхъ ряда.

Однажды днемъ на Красной площади появился Михаилъ Архангелъ, въ одной рукѣ онъ держалъ деревянный мечъ, въ другой длинное копье съ флагомъ. Его окружала большая толпа любопытныхъ. Шествіе направлялось отъ Никольскихъ воротъ къ Василію Блаженному. По срединѣ площади будочникъ арестовалъ небеснаго жителя и отправилъ его въ околотокъ—тамъ при дознаніи выяснилось, что это былъ бѣглый монахъ.

Въ Замоскорѣчьѣ, на Пятницкой улицѣ, богатымъ купцомъ Лунинымъ былъ построенъ большой каменный домъ, спеціально для монаховъ, странниковъ и богомольцевъ, тамъ они всегда находили безплатный столъ и пріютъ. На самыхъ

Кабрїолетъ.

центральныхъ улицахъ Москвы можно было видѣть мальчиковъ мастеровыхъ, разгуливавшихъ въ грязныхъ халатахъ. Потомъ, когда я служилъ у хозяина, мнѣ самому пришлось ходить въ такомъ нарядѣ...

Послѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, изъ всѣхъ московскихъ частей въ Срѣтенскую часть, препровождались окруженныя городовыми большія толпы разныхъ лицъ обоего пола, забранныхъ наканунѣ за скандалы и пьянство.

На спинѣ у всѣхъ арестованныхъ писали мѣломъ большой кругъ и внутри его крестъ.

Этихъ лицъ, въ видѣ наказанія, выгоняли на улицу съ метлами и заставляли мести мостовыя.

Въ числѣ такихъ метельщиковъ иногда попадались прилично одѣтыя женщины и кавалеры въ цилиндрахъ.

Съ самаго ранняго утра на дворахъ, вмѣстѣ съ пѣтухами, начинали громко кричать разносчики, ходившіе цѣлыми полчищами по московскимъ улицамъ.

Точно такую же картину мнѣ пришлось видѣть въ Константинополѣ, гдѣ нѣтъ рынковъ, тамъ ихъ замѣняютъ многочисленные разносчики. Они носятъ по всему городу продукты на спинѣ въ большихъ корзинахъ и при этомъ страшно громко кричатъ, не только днемъ, но и поздней ночью.

Почти каждый день утромъ (исключая воскресные дни и двунадесятые праздники) по

Красной площади провозили на позорной колесницѣ съ барабаннымъ боемъ окруженныхъ конвоемъ уголовныхъ преступниковъ; у нихъ на груди висѣла черная доска съ надписью: «за убійство», «за грабежъ», «за святотатство» и т. п.

Арестанта, въ сѣрой шинели и круглой шапкѣ, сажали высоко на скамейку, спиной къ лошадямъ и везли изъ Бутырской тюрьмы въ Замоскворѣчье, на Конную площадь, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ. Тамъ осужденнаго привязывали къ позорному столбу и читали во всеуслышаніе приговоръ суда. Эту грустную процессію всякій разъ провожала большая толпа любопытныхъ зѣвакъ.

На берегу Москвы-рѣки, у Большого Каменнаго моста, въ низенькомъ одноэтажномъ каменномъ зданіи, помѣщались бани, подъ названіемъ «Каменныя». Со стороны Москвы-рѣки къ нимъ былъ пристроенъ деревянный крытый коридоръ, выходившій въ зимнюю купальню на рѣкѣ.

Многіе любители въ трескучіе морозы бѣгали изъ бань въ купальню, окунались въ рѣку и бѣжали опять въ баню. Я купался тамъ зимой много разъ. Окунувшись въ оледенѣлую воду, я моментально изъ нея выскакивалъ и быстро бѣжалъ въ горячую баню, на полокъ... Такіе рѣзкіе контрасты мнѣ очень нравились и всегда сходили благополучно.

Противъ храма Христа Спасителя на Москвѣрѣкѣ ранѣе помѣщалась пристань Общества мо-

Арестованные за скандалы и пьянство.

сковскихъ рыболововъ, гдѣ они на подобіе клуба собирались въ небольшой избѣ, поставленной на деревянномъ плоту, кругомъ послѣдняго было привязано много лодокъ.

Но здѣсь не столько ловили—сколько пили...

Однажды я случайно попалъ на засѣданіе этого комичнаго Общества, происходившее въ Московскомъ трактирѣ въ большомъ бѣломъ залѣ. Собралось 27 членовъ, всѣ люди довольно пожилые; тутъ были: купцы, чиновники, капельдинеры, дворцовые лакеи и нѣсколько подозрительныхъ лицъ, неопредѣленной профессіи.

Предсѣдатель Общества, редакторъ Московскаго листка Н. И. Пастуховъ, ярый рыболовъ, дѣловымъ тономъ открылъ засѣданіе слѣдующимъ заявленіемъ: «Господа, на сегодняшнемъ засѣданіи намъ предстоитъ обсудить всесторонне давно назрѣвшій вопросъ, относительно груза: на чемъ лучше становить лодки для ловли рыбы, на якоряхъ, рельсахъ или камняхъ?.. Желающихъ прошу высказаться по этому вопросу». Рыболовы, выслушавъ это заявленіе, почти всѣ одновременно заговорили объ отрицательныхъ и положительныхъ качествахъ этихъ грузовъ. Послѣ непродолжительныхъ дебатовъ выяснилось, что большинство высказалось за то, чтобы становиться на рельсахъ. Затѣмъ слѣдовалъ докладъ члена Общества, богатаго купца и страстнаго рыболова Михаила Ивановича Носикова, о вновь изобрѣтенномъ имъ поплавкѣ,

который онъ тутъ же демонстрировалъ. Рыболовы съ серьезными лицами и съ большимъ интересомъ долго разсматривали этотъ поплавокъ и нашли его практичнымъ и постановили благодарить его изобрѣтателя.

Находившаяся на собраніи жена одного изъ членовъ Общества сказала мнѣ, что Михаилъ Ивановичъ хорошій человѣкъ, только у него изъ кармановъ живыя черви выползаютъ...

Изобрѣтенный имъ поплавокъ онъ также носилъ всегда при себѣ въ карманѣ. Слѣдующій очередной вопросъ на повѣсткѣ былъ о приманкѣ. Но въ это время въ засѣданіе половой принесъ большой подносъ съ водкой и закусками... и я поспѣшилъ удалиться «изъ засѣданія»...

У Воскресенскихъ воротъ, около зданія Губернскаго правленія, съ незапамятныхъ временъ находилась сутяжная биржа стряпчихъ, приказныхъ и выгнанныхъ со службы чиновниковъ, занимавшихся писаніемъ разныхъ доносовъ, ябедъ и прошеній, для неграмотнаго темнаго люда.

Въ простонародьи такія лица извѣстны подъ названіемъ «аблакатовъ отъ Иверской»—всѣ они поголовно алкоголики, съ опухшими лицами и съ красно-сизыми носами.

«Аблакатъ», найдя на улицѣ кліента, приглашалъ его слѣдовать за нимъ въ трактиръ «Низокъ», тамъ за косушку водки, выслушавъ кліента, онъ писалъ ему такое витіеватое прошеніе, что

понять написанное нельзя было не только постороннему человѣку, но оно часто было не понятно и самому автору.

Такіе московскіе пережитки сохранились и до нашихъ дней.

Типичныя фигуры современныхъ «Иверскихъ аблакатовъ» можно видѣть ежедневно стоящихъ у наружной стѣны зданія Городской Думы.

Заканчивая описаніе болѣе характерныхъ московскихъ «отпечатковъ», я долженъ еще указать на московскую тьму.

Въ то время центральныя улицы Москвы освѣщались керосиновыми фонарями, а на окраинахъ и въ глухихъ переулкахъ горѣли подслѣповатые масляные фонари; зажигать и чистить ихъ лежало на обязанности пожарныхъ, которые большую часть коноплянаго масла, отпускавшагося имъ для освѣщенія довольно плохого, съѣдали съ кашей. Вслѣдствіе этого, рѣдко поставленные масляные фонари, ночью едва мигавшіе на темныхъ улицахъ, рано гасли и улицы съ переулками погружались въ кромѣшную тьму и тѣмъ дополняли картину патріархальной Москвы семидесятыхъ годовъ.

Но, не взирая на отрицательныя стороны московскихъ «отпечатковъ», въ прежнее время менѣе было опасности для жизни обывателя. Онъ не могъ сгорѣть безпомощно въ десятомъ этажѣ небоскреба, куда не достаетъ ни одна пожарная лѣстница; обывателя на улицахъ не давили трамваи и автомоби-

ли; лавочники не отравляли его фальсификаціей различныхъ жизненныхъ продуктовъ, которые въ прежнее время были баснословно дешевы и безъ фальсификаціи.

Такъ напримѣръ: 1 фунтъ чернаго хлѣба стоилъ 1 копейка, пара большихъ вкусныхъ калачей 5 коп., фунтъ лучшаго мяса 5 коп., десятокъ яицъ 8 коп., фунтъ масла коровьяго 15 коп., фунтъ лучшей паюсной икры 1 руб. 20 коп., фунтъ осетрины 15 коп., сажень крупныхъ березовыхъ дровъ 2 руб. 50 коп. и т. д. Въ центрѣ города, хорошая квартира въ 4—5 комнатъ стоила 25—30 рублей въ мѣсяцъ.

Въ то время не знали ни дровяныхъ ни квартирныхъ кризисовъ, все было дешево и всего было вдоволь.

IX.

Долгое время не находилось мнѣ въ Москвѣ никакого мѣста. Общество, въ которомъ мнѣ пришлось прожить болѣе пяти мѣсяцевъ безъ всякаго дѣла, состояло изъ двухъ старушекъ—моей бабушки и домовой хозяйки.

Послѣ веселыхъ товарищей, оставленныхъ въ Коломнѣ, московская компанія показалась мнѣ очень скучной.

Я отъ нея скрывался на цѣлый день на бульвары и на большія улицы. Только вечеромъ приходилъ домой и читалъ старушкамъ вслухъ «Житіе святыхъ отецъ», за это онѣ угощали меня разными лакомствами. Къ намъ иногда приходила слушать мое чтеніе Настя, дочь хозяйки.

Это была 18-лѣтняя красавица-брюнетка, съ большими голубыми глазами. Я сначала ея посѣщеніямъ не придавалъ никакого значенія. Но потомъ сталъ замѣчать, что въ отсутствіе Насти я былъ разсѣянъ, читалъ «Житіе» старушкамъ хуже, часто ошибался. Когда она приходила, мнѣ казалось, что въ комнатѣ дѣлалось свѣтлѣе и веселѣе; я начиналъ читать съ большой выразительностью и безъ ошибокъ.

Если мнѣ не удавалось видѣть Насти два-три дня, то я начиналъ по ней скучать.

Она съ матерью, тремя сестрами и братомъ жила во второмъ этажѣ, но я у нихъ бывалъ тамъ рѣдко, боясь, чтобы не замѣтили нашей дружбы.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось яснѣй, что наша дружба незамѣтно, но быстро переходитъ въ любовь. Мы съ Настей придумывали различные способы и предлоги, чтобы видѣться почаще, но намъ это не всегда удавалось.

Однажды, въ отсутствіе старушекъ, я предложилъ Настѣ ходить почаще въ церковь, потому что тамъ удобно бесѣдовать... никто не мѣшаетъ... Настя на это охотно согласилась.

Мы съ ней вдругъ сдѣлались людьми очень религіозными и стали ходить каждый день къ вечернѣ. Придя въ церковь, находившуюся рядомъ съ нашей квартирой, мы становились тамъ въ темныхъ углахъ подалѣе отъ людей и все время проводили за разговоромъ.

О чемъ мы говорили? Не помню. Да это было и не важно.

Наши счастливыя улыбающіяся лица и глаза были выразительнѣе и лучше всякихъ словъ.

Помню, мнѣ казалось, что эти вечерни кончались ужъ слишкомъ скоро...

Однажды дома, во время чтенія я, взглянувъ на Настю, улыбнулся, она мнѣ отвѣтила своей милой очаровательной улыбкой.

Старушки очевидно замѣтили это. Послѣ этого мама Настѣ приказала бывать на чтенiи порѣже. Но въ церковь мы съ ней продолжали ходить аккуратно каждый день. Продолжая съ ней бесѣдовать ежедневно о многомъ, мы никогда не поднимали вопроса о будущемъ. На этотъ счетъ мы не задавались никакими планами—мы были счастливы настоящимъ.

Разумѣется, романъ нашъ былъ чисто платоническiй и окончился онъ самымъ нелѣпымъ образомъ. Въ самый разгаръ нашихъ безгрѣшныхъ свиданiй и наивнаго лепета мой дядя, придя вечеромъ домой, сказалъ, что онъ нашелъ мнѣ мѣсто въ Ножевой линiи, въ башмачной лавкѣ Заборова, который согласился взять меня въ мальчики на условiи служить ему безплатно пять лѣтъ.

Ранѣе, когда я, находясь долгое время безъ дѣла, скучалъ, такое извѣстiе меня порадовало бы; но теперь я встрѣтилъ его съ печальнымъ видомъ. Мнѣ не хотѣлось разставаться съ Настей. Къ довершенiю моего несчастiя мнѣ даже не пришлось проститься съ ней...

На другой день, рано утромъ, мы съ дядей пошли въ лавку Заборова. Послѣднiй, взглянувъ на меня, приказалъ мнѣ итти кверху и находиться тамъ въ картузномъ отдѣленiи. Въ тотъ же день вечеромъ бабушка принесла мой сундукъ съ бѣльемъ, и я окончательно поселился въ домѣ своего хозяина.

Все это случилось, какъ въ сказкѣ—изъ любовной идилліи, я быстро и неожиданно попалъ въ ужасную, тяжелую кабалу... съ тѣхъ поръ я болѣе не видѣлъ Насти, для меня наступили продолжительныя сумерки и потянулись медленно долгіе, тяжелые и печальные дни...

Но жизнь взяла свое; чувство любви къ Настѣ, сначала казавшееся такимъ огромнымъ, незамѣтно растаяло среди жизненной суеты.

Это была моя первая любовь...

Лавка Заборова была трехъэтажная; кверху вела узкая, винтовая, чугунная лѣстница.

Внизу помѣщалось дамское, во второмъ этажѣ дѣтское и въ третьемъ этажѣ мужское отдѣленіе, гдѣ продавались сапоги и картузы. На третій этажъ покупатели приходили рѣдко, поэтому большую часть дня мнѣ приходилось быть тамъ одному.

Первое время я сильно скучалъ въ своемъ одиночномъ заточеніи и, чтобы убить время, занимался тамъ чисткой сапоговъ и картузовъ. Около 12 часовъ дня, я съ нетерпѣніемъ ждалъ снизу возгласа «хлѣбникъ». Услышавъ это слово, стремглавъ, кубаремъ спускался по винтовой лѣстницѣ внизъ, гдѣ съ наружной стороны лавки насъ ожидалъ хлѣбникъ съ большой плетеной корзиной, висѣвшей у него черезъ плечо на широкомъ ремнѣ; въ корзинѣ лежали хлѣбы, колбаса, сыръ, яйца и проч. Мальчикамъ ежедневно отпускали на обѣдъ по 10 копеекъ. На эти деньги, я бралъ цѣлый пекле-

ванный хлѣбъ и маленькій кусочекъ жареной колбасы. Затѣмъ, всѣмъ служащимъ въ лавкѣ полагалось пить чай два раза, утромъ и среди дня.

Чай находился у хозяина, а сахаръ выдавали каждому на руки, на цѣлый мѣсяцъ, приказчикамъ по 1 фунту, мальчикамъ по $^1/_2$ фунта. Сахаръ прятали другъ отъ друга подалѣе; нѣкоторые его засовывали въ товаръ: въ сапоги, ботики и въ картузы.

Все-таки среди мальчиковъ находились ловкіе мародеры, которые отыскивали спрятанный сахаръ и съѣдали его.

Мальчики, находясь въ лавкѣ, въ присутствіи хозяина и приказчиковъ не могли садиться и должны были находиться цѣлый день на ногахъ.

Работы въ лавкѣ имъ всегда было много. Главная обязанность ихъ заключалась въ побѣгушкахъ: заставляли бѣгать въ трактиръ за водой, за чаемъ, за водкой, въ кухмистерскую за хозяйскимъ обѣдомъ, а также таскать ящики съ резиновыми калошами, вѣсомъ въ 3—4 пуда, снизу въ третій этажъ. Мы носили ящики на спинѣ съ помощью веревочныхъ лямокъ. Это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ работъ. Каждому изъ насъ приходилось внести кверху отъ 10 до 20 ящиковъ. Болѣе слабые мальчики, идя по винтовой лѣстницѣ, падали подъ тяжестью ящика и сильно разбивались.

Вечеромъ мы разносили на домъ покупателямъ купленные ими чемоданы, саквояжи и обувь. Од-

нимъ словомъ, въ лавкѣ мальчики не имѣли ни минуты отдыха.

Въ то время жизнь торговыхъ мальчиковъ въ городскихъ рядахъ была тяжелая, сопровождавшаяся лишеніями и наказаніями.

Тогда еще не было мировыхъ судей. Поэтому въ купеческой средѣ царствовалъ полнѣйшій произволъ и деспотизмъ; при этомъ главными козлами отпущенія были мальчики. Ихъ наказывали и били всѣ, кому было не лѣнь, начиная съ хозяевъ и кончая дворниками—заступиться за нихъ было некому.

Такъ продолжалось до введенія института мировыхъ судей.

Для купцовъ это нововведеніе было не по нраву—они не могли помириться съ мыслью, что болѣе нельзя бить мальчиковъ.

Большинство Титъ Титычей продолжали по старой памяти практиковать рукоприкладство, за что нѣкоторые изъ нихъ были привлечены къ отвѣтственности, а затѣмъ посажены подъ арестъ, «въ Титы», такъ назывался городской арестный домъ. Это сразу отрезвило самодуровъ и съ тѣхъ поръ тѣлесныя наказанія мальчиковъ мало-по-малу отошли въ область преданій.

Московскіе типы 70-хъ годовъ.

X.

У Заборова было 10 приказчиковъ и 13 мальчиковъ; послѣдніе дѣлились на старшихъ и младшихъ; разумѣется, болѣе тяжелыя и грязныя работы доставались всегда на долю младшихъ мальчиковъ. Въ числѣ 13 мальчиковъ были два Ивана—я и еще другой, сынъ солдата. Для различія, каждому изъ насъ дали названія: меня окрестили «Иваномъ черненькимъ»—это потому, что я былъ брюнетъ, а моего коллегу звали просто «Иванъ-солдатъ».

Я всегда отличался большой смекалкой и быстрымъ и точнымъ исполненіемъ приказаній. Это было замѣчено и оцѣнено моимъ хозяиномъ и меня черезъ 4 мѣсяца перевели изъ заточенія во 2-й этажъ—въ дѣтское отдѣленіе, гдѣ всегда было много дамъ съ дѣтьми, покупавшихъ башмаки. Я энергично взялся за дѣло и скоро научился примѣривать дѣтишкамъ башмаки, а затѣмъ и назначать за нихъ цѣну. При чемъ, боясь продешевить, я немилосердно запрашивалъ (въ Ножевой линіи, въ то время запросъ былъ въ большомъ ходу). Покупательницы часто говорили мнѣ, что я ничего не

понимаю и поэтому назначаю сумасшедшую цѣну, а нѣкоторыя обижались и уходили. Я съ башмаками слѣдовалъ за покупательницами внизъ, спускаясь по лѣстницѣ, дипломатично расхваливалъ выбранные ими башмаки и понемногу сбавлялъ за нихъ цѣну.

Когда мы сходили внизъ, гдѣ за прилавкомъ постоянно находился хозяинъ, я, обращаясь къ нему, рапортовалъ: «Назначилъ 1 руб. 20 коп., ничего не жалуютъ», а если покупательницы на мой безбожный запросъ давали полцѣны, а иногда и менѣе, тогда я докладывалъ хозяину, что «назначилъ 1 руб. 50 коп., жалуютъ 60 копеекъ». Хозяинъ въ свою очередь обращался къ покупательницѣ и просилъ ее сколько-нибудь прибавить, въ заключеніе онъ громко говорилъ «пожалуйте», и приказывалъ завернуть башмаки въ бумагу.

«Упустить», то-есть не продать покупательницѣ или покупателю, по какой бы то ни было причинѣ, хотя бы и не зависящей отъ служащаго, послѣднему всегда вмѣнялось въ вину, за которую приказчикамъ, тутъ же, при покупателяхъ, хозяинъ дѣлалъ строгій выговоръ, а мальчиковъ хваталъ за волосы и стучалъ ихъ головой о чугунную лѣстницу.

Однажды былъ такой случай. Я шелъ съ дѣтскими сапогами сзади солиднаго господина и, спускаясь по лѣстницѣ, по обыкновенію, расписывалъ необыкновенныя качества выбранныхъ имъ дѣт-

скихъ сапоговъ и понемногу сбавлялъ за нихъ цѣну. Покупатель шелъ молча. По срединѣ лѣстницы намъ встрѣтился старшій приказчикъ и спросилъ меня: «Въ чемъ дѣло?» Я ему отвѣтилъ: «Что назначилъ 2 р. 75 к.—жалуютъ 1 руб. 50 коп.», приказчикъ сказалъ: «Прикалывай», и пошелъ кверху. Покупатель быстро повернулся и, наступая на меня, грозно спросилъ: «Кого прикалывать?» Я струсилъ и отвѣтилъ ему: «никого». Покупатель разсердился, громко высказывалъ свое неудовольствіе, хотѣлъ позвать полицію и составить протоколъ. Хозяинъ и приказчики старались успокоить грознаго покупателя и объяснили ему, что слово «прикалывай» на нашемъ жаргонѣ означаетъ—«продавай». Покупатель назвалъ насъ всѣхъ дураками и ушелъ изъ лавки, не купивъ сапоговъ.

Вмѣсто словъ «даютъ» и «продавай», мы говорили по приказанію хозяина «жалуютъ» и «прикалывай».

Имъ придумано было еще нѣсколько замысловатыхъ словъ, при помощи которыхъ служащіе объяснялись между собой при покупателяхъ и послѣдніе ихъ не понимали. Къ сожалѣнію эти слова я забылъ.

Закрытіе лавки—называлось «запоркой», послѣ которой мальчиковъ посылали во всѣ концы Москвы, къ покупателямъ и мастерамъ. Первымъ мы разносили покупки, а послѣднимъ—заказы и старые башмаки для починки.

Большинство мастеровъ жили на окраинѣ города, близъ Крестовской заставы, и поэтому намъ ежедневно приходилось дѣлать громадные концы.

Въ числѣ мастеровъ, работавшихъ въ лавку Заборова дешевую обувь, были очень интересны такъ называемые «кимряки»—деревенскіе башмачники, пріѣзжавшіе осенью изъ села Кимръ, Тверской губ. въ Москву работать до Пасхи. Они всегда останавливались въ грязныхъ и сырыхъ трущобахъ на Болотѣ (такъ называется мѣстность, гдѣ лѣтомъ происходитъ большой торгъ ягодами и фруктами).

Кимряки были люди честные и трудолюбивые, но бѣдные, такъ какъ ихъ работа (они большею частію шили дамскіе теплые плисовые сапоги на шленкѣ) оплачивалась очень скудно и поэтому они жили грязно и тѣсно.

Бывало, въ шутку спросишь кимряка: «Гдѣ ты остановился?» Онъ серьезно отвѣчаетъ: «На Болотѣ». — «Сколько занимаешь?» — «Полсвѣта». Слово «полсвѣта» означало половину окна; для этого комната съ однимъ окномъ перегораживалась тонкой деревянной перегородкой, на двѣ равныя части, въ каждой половинѣ помѣщался хозяйчикъ съ 3—5 мастеровыми.

Иногда днемъ, возвращаясь отъ покупателей, я, несмотря на дальность разстоянія, забѣгалъ въ Таганку, къ своей бабушкѣ. Она каждый разъ угощала меня вкусными жирными

щами и на дорогу давала мнѣ еще нѣсколько крутыхъ яицъ.

Однажды бабушка, очевидно по ошибкѣ, дала мнѣ яйца всмятку... Я положилъ ихъ въ заднiй карманъ сюртука и прибѣжалъ въ лавку съ липкой струей, которую мнѣ сзади не было видно...

Хозяинъ, замѣтивъ мою яичницу, схватилъ меня за волосы и задалъ здоровую трепку...

Изъ ежедневныхъ походовъ мы, усталые и голодные, поздно ночью возвращались въ домъ Заборова, находившiйся на одной изъ глухихъ и отдаленныхъ улицъ Замоскворѣчья, гдѣ насъ ждали тяжелыя работы.

Всѣ 13 мальчиковъ помѣщались въ нижнемъ этажѣ, въ одной большой комнатѣ; въ ней было два окна съ толстыми желѣзными рѣшетками, выходившими на церковный дворъ. Спали мы на нарахъ, на тюфякахъ, набитыхъ соломой.

По строго заведенному порядку мальчики, придя домой, тотчасъ же снимали съ себя платье и сапоги и облачались въ посконные грязные халаты, подпоясывались веревками, на ноги одѣвали опорки. Въ такихъ арестантскихъ нарядахъ каждый изъ насъ приступалъ къ своей работѣ. Она заключалась въ слѣдующемъ: старшiе мальчики, по очереди, ходили съ ушатомъ на бассейнъ за водой; ея ежедневно требовалось не менѣе десяти ушатовъ. Младшiе мальчики чистили платье и сапоги хозяевамъ и приказчикамъ, оправляли и

зажигали десятка полтора ламп, чистили и ставили многочисленные самовары, кололи дрова, катали бѣлье, возили снѣгъ съ мостовой, бѣгали въ булочную, въ мясную лавку, въ Никольскую аптеку и т. д. Старикъ Заборовъ долгое время служилъ церковнымъ старостой въ одной изъ церквей Замоскворѣчья; у него былъ свой хоръ пѣвчихъ, состоявшій изъ его же служащихъ.

Разъ въ недѣлю, по четвергамъ, къ намъ приходилъ регентъ Александръ Михайловичъ Загаровъ, это былъ низенькаго роста, довольно симпатичный старичокъ, съ большимъ темно-лиловымъ носомъ, въ который онъ часто и помногу запихивалъ нюхательный табакъ. Регентъ приносилъ съ собой скрипку и устраивалъ въ домѣ Заборова спѣвки, зимой вверху въ антресоляхъ, лѣтомъ—въ саду въ бесѣдкѣ. Онъ нашелъ у меня голосъ, альтъ, и я четыре года пѣлъ въ хору солистомъ. Помню, что на клиросѣ въ хору сольные номера я пѣлъ хорошо.

Но Великимъ постомъ, когда мнѣ приходилось по срединѣ церкви съ двумя дискантами пѣть: «Да исправится молитва моя», я трусилъ и путалъ, а однажды совсѣмъ замолчалъ. Въ это время съ клироса мнѣ всегда подпѣвалъ фальцетомъ старикъ регентъ.

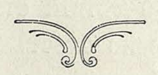
Въ Заборовскомъ хору пѣли безплатно два любителя, одинъ изъ нихъ даже самъ платилъ за это деньги, это былъ богатый купецъ Петръ Анто-

новичъ Мамоновъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти и довольно полный; онъ имѣлъ двѣ страсти: получать за пожертвованія разные значки и медали, послѣднихъ у него было болѣе двадцати штукъ, и затѣмъ онъ любилъ пѣть сиплымъ теноромъ сольные номера въ нашемъ хорѣ. За послѣднее удовольствіе онъ платилъ нашему регенту Загарову по 3 рубля за каждую службу, а мальчикамъ пѣвчимъ каждому давалъ на чай по 20 копеекъ.

Мы очень любили пѣть съ этимъ добрымъ солистомъ.

Въ воскресные и праздничные дни передъ всенощной и обѣдней пѣвчимъ полагался чай съ сахарнымъ пескомъ и черным хлѣбомъ; того и другого выдавали вдоволь, и мы, пользуясь своей привилегіей, угощались доотвала.

Послѣ этого на цѣлую недѣлю намъ приходилось «зубы класть на полку», такъ какъ въ остальные шесть дней насъ не только не поили чаемъ, но не рѣдко заставляли голодать.

XI.

По прошествіи трехъ лѣтъ я исполнялъ свои обязанности, какъ хорошій приказчикъ. Меня любили покупательницы за мое вѣжливое обращеніе и ловкую примѣрку башмаковъ. Но въ то же самое время я уже начиналъ тяготиться своей неблагодарной профессіей. Мнѣ не нравилось въ ней все, начиная съ примѣриванія башмаковъ на грязныя ноги... и включительно до названія «башмачникъ», на котораго я походилъ менѣе всего.

Мнѣ не нравилось самое общество, среди котораго мнѣ приходилось жить и работать. Хозяева мои были деспоты, люди темные и неразвитые.

Изъ нихъ особенно выдѣлялся своей типичной фигурой высокій 80-лѣтній старикъ Заборовъ, съ злыми глазами, грозно блестѣвшими изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей, и съ длинной сѣдой козлиной бородой.

Онъ лѣтомъ и зимой ходилъ въ чуйкѣ и высокихъ сапогахъ бутылками, голову покрывалъ картузомъ съ большимъ лакированнымъ козырькомъ. Имѣлъ видъ очень свирѣпый.

Это былъ настоящій прототипъ Дикаго изъ «Грозы»—Островскаго. Его боялись не только мы, служащіе, но и всѣ сосѣди, торговавшіе рядомъ съ нимъ въ Ножевой линіи.

«Дѣдушка» Заборовъ вставалъ въ 6 часовъ утра и каждый день ходилъ въ церковь къ заутренѣ. Возвращаясь съ богомолья, онъ часто билъ насъ своей толстой палкой за малѣйшую вину и даже за простую шалость.

Въ то время, когда онъ находился въ церкви, возвращались домой послѣ ночныхъ кутежей его сыновья,—у него ихъ было четверо.

Молодые хозяева отличались тупостью и самодурствомъ.

Единственной свѣтлой личностью въ семьѣ Заборовыхъ была хозяйка, Екатерина Алексѣевна—жена Заборова, красивая и хорошо сохранившаяся пятидесятилѣтняя женщина.

Она иногда приходила въ нашу комнату, интересовалась нашей жизнью; замѣтивъ наказаннаго или плачущаго мальчика, она подходила къ нему и съ лаской любящей матери успокаивала и подбадривала обиженнаго.

Мы высоко цѣнили ея ласки и заботы и каждый изъ насъ старался сдѣлать ей что-нибудь пріятное, ея порученія всегда исполнялись нами съ особой любовью.

Добрая хозяйка относилась ко всѣмъ служащимъ въ высшей степени ласково и сердечно: она часто спасала насъ отъ наказаній «дѣ-

душки», и за ея доброе сердце мы всѣ горячо ее любили.

Приказчики и старшіе мальчики были почти поголовно алкоголики и кутилы, поэтому я всегда держался отъ нихъ въ сторонѣ, за что меня крѣпко не долюбливали.

Вечера я большею частію проводилъ въ дворницкой сторожкѣ, гдѣ тренькалъ на гитарѣ.

Поздно ночью, приказчики устраивали картежную игру «въ трынку», не рѣдко оканчивавшуюся дракой.

По окончаніи игры, проигравшіе ложились спать, а выигравшіе перелѣзали черезъ заборъ (такъ какъ на ночь ворота запирались на замокъ и ключъ находился у «дѣдушки») и отправлялись на Пятницкую улицу въ трактиръ Овечкина, гдѣ кутили до утра.

Въ числѣ приказчиковъ былъ нѣкто Степанъ Васильевичъ Мѣшковъ, человѣкъ честный и добрый, но, къ сожалѣнію, подверженный алкоголизму. Однажды вечеромъ въ домѣ Заборова, онъ въ пьяномъ видѣ свалился съ высокой и крутой лѣстницы въ окно, разбилъ вдребезги раму и сильно порѣзалъ себѣ лицо и руки, его подняли истекавшаго кровью и немедленно отправили въ больницу.

При этомъ «дѣдушка» очень сокрушался о... разбитомъ окнѣ, онъ говорилъ, что ему не жаль этого пьянаго ярыги—жаль разбитую раму...

Къ концу третьяго года моей службы Заборовы

открыли на одной изъ большихъ улицъ новый башмачный магазинъ.

Меня поставили туда на отчетъ, то-есть довѣреннымъ лицомъ; при этомъ дали мнѣ въ помощники приказчика и мальчика.

Такое отличіе меня очень польстило, и я началъ работать въ новомъ магазинѣ съ особеннымъ стараніемъ. Число покупателей у меня замѣтно прибавлялось и черезъ шесть мѣсяцевъ я уже приносилъ своему хозяину порядочную пользу.

Но, состоя отвѣтственнымъ лицомъ въ новомъ магазинѣ, дома у Заборовыхъ я по-прежнему былъ на положеніи мальчика.

Въ то время случилась бѣда, отъ которой мнѣ удалось спастись, только благодаря моему исключительному положенію.

Въ качествѣ довѣреннаго лица, я получалъ на обѣдъ въ магазинѣ ежедневно по 25 копеекъ и для меня этого было совершенно достаточно. Но дома насъ кормили очень плохо; мы ложились спать почти всегда голодными. Ужинъ нашъ состоялъ изъ кислыхъ пустыхъ щей (мясо изъ нихъ шло приказчикамъ) и гречневой каши съ чернымъ «фонарнымъ» масломъ.

Отъ такого стола нельзя было умереть съ голоду,—но и сытыми мы никогда не были. Я не былъ на каторгѣ, но увѣренъ, что тамъ не изнуряютъ такъ людей голодомъ и непосильной работой, какъ изнуряли насъ, мальчиковъ, у Заборовыхъ...

Бѣда надъ нами стряслась по слѣдующему поводу: каждую осень нашъ хозяинъ заготовлялъ нѣсколько большихъ бочекъ солонины, которую намъ, мальчикамъ, никогда не давали.

Однажды къ концу года солонина почему-то испортилась, стала издавать сильное зловоніе и въ ней завелись большіе бѣлые черви...

Чтобы не пропадать добру, «дѣдушка» приказалъ варить солонину во щахъ и давать мальчикамъ.

Когда намъ подали щи «съ духами», мы начали протестовать и послали ихъ обратно. Но на нашъ протестъ не обратили вниманія и намъ пришлось остаться безъ ужина. На слѣдующій день намъ опять подали щи съ тухлой солониной. Тогда изъ мальчиковъ были выбраны три депутата, въ число ихъ попалъ и я. Мы вытащили изъ чашки тухлую солонину и понесли въ участокъ, гдѣ передали ее дежурному полицейскому и просили его написать протоколъ и привлечь Заборова къ законной отвѣтственности. Просьба наша была исполнена.

Мы подписали протоколъ и съ побѣднымъ видомъ возвратились домой, вполнѣ увѣренные, что за это «дѣдушку» посадятъ подъ арестъ по меньшей мѣрѣ на одинъ мѣсяцъ...

На другой день утромъ старикъ Заборовъ былъ вызванъ въ участокъ, но оттуда скоро вернулся и потребовалъ къ себѣ бунтовщиковъ...

Когда мы пришли къ этому Вельзевулу, его

видъ былъ страшенъ и предвѣщалъ грозу... Трясясь отъ злобы, онъ не зналъ, что съ нами дѣлать, бить или ругать... началъ съ послѣдняго.

Махая передъ нами толстой палкой, онъ сталъ кричать, что мы: «анафемы», «разбойники», «что у насъ дома соли нѣтъ, а здѣсь намъ его солонина не нравится»... Долго онъ насъ ругалъ,—мы молчали. Въ заключеніе всего, онъ насъ проклялъ... и приказалъ мнѣ итти въ магазинъ, а остальнымъ двумъ «анафемамъ» забрать свои пожитки и немедленно убираться вонъ изъ его дома...

Послѣ этого инцидента опять все пошло постарому. На мѣсто прогнанныхъ мальчиковъ взяли новыхъ. Столъ нашъ былъ такъ же плохъ, какъ и раньше, но солониной тухлой насъ больше уже не угощали.

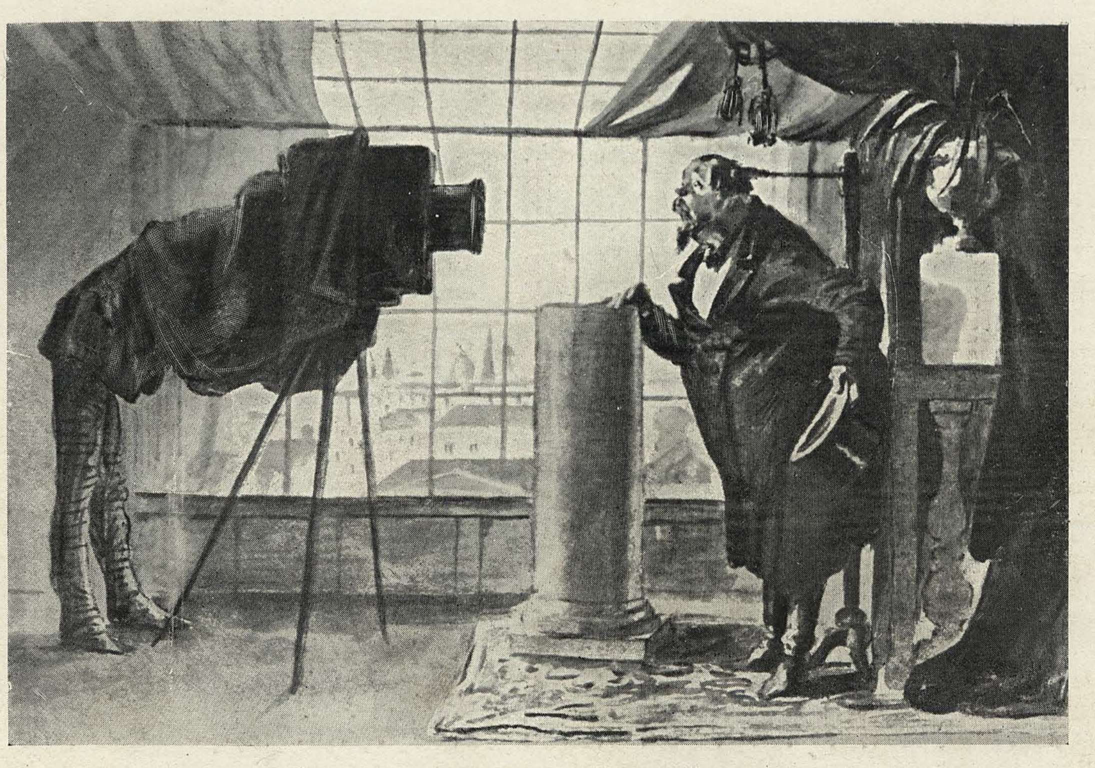
Подписанный нами протоколъ по просьбѣ «дѣдушки» попалъ въ участкѣ подъ сукно...

Да, времена тогда были суровыя, нравы и обычаи тяжелые, а потому, при всей своей выдающейся строгости, старикъ Заборовъ былъ все-таки человѣкомъ своего времени.

Въ то время въ средѣ рядскихъ купцовъ было много деспотовъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой особый специфическій нравъ, «перечить» коему было нельзя. Нужно было потрафлять и знать, чего «нога его хочетъ...»

Въ то время каждый купецъ хозяинъ назывался своими служащими, заглазно, словомъ «самъ», такъ,

напримѣръ: кто-нибудь изъ служащихъ, замѣтивъ далеко идущаго хозяина, громко кричалъ своимъ коллегамъ: «Тише, самъ идетъ!»... Всѣ быстро подтягивались и не безъ страха ждали пришествія «самого».

Гостинодворскій купецъ 70-хъ годовъ.

XII.

У нашего хозяина была странная психологія. Онъ своихъ служащихъ всегда держалъ въ черномъ тѣлѣ, одѣвалъ ихъ въ арестантскіе халаты, морилъ голодомъ и часто наказывалъ.

Въ то же самое время, нищихъ онъ щедро одѣлялъ деньгами и устраивалъ для нихъ ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ званый обѣдъ. Это дѣлалось такимъ образомъ: за недѣлю до назначеннаго для обѣда дня, всѣмъ служащимъ приказывали оповѣщать встрѣчавшихся нищихъ объ обѣдѣ. Утромъ въ назначенный день нищихъ собиралось у дома Заборова болѣе 2000 человѣкъ.

Ихъ, партіями по 200 человѣкъ, пропускали на дворъ, гдѣ для нихъ устраивались временные столы и скамейки.

Усадивъ нищихъ за столы, всѣ 13 мальчиковъ, одѣтые въ арестантскіе халаты, подпоясанные веревками, и съ опорками на ногахъ, разносили имъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ обѣдъ, состоявшій изъ щей съ мясомъ и гречневой каши съ саломъ.

Затѣмъ давали еще квасъ, нищіе черпали его

деревянными ковшами изъ большой кадки, стоявшей на дворѣ.

Въ этотъ день и мы были сыты. За порядкомъ наблюдалъ самъ «дѣдушка». Онъ ходилъ между столовъ и нѣкоторыхъ нищихъ одѣлялъ мѣдными пятаками. Мнѣ всегда казалось страннымъ, что въ числѣ обѣдающихъ нищихъ было очень мало калѣкъ, убогихъ и старыхъ, большинство ихъ состояло изъ людей молодыхъ и среднихъ лѣтъ, съ лицами желтыми и опухшими отъ алкоголя, но вполнѣ способныхъ къ труду.

Между способными и неспособными къ труду различія никакого не дѣлали, кормили всѣхъ одинаково. Только строго воспрещалось пускать пьяныхъ.

Если какой изъ нихъ и проскакивалъ на дворъ, то его немедленно удаляли.

Поэтому обѣды нищихъ проходили всегда въ полномъ порядкѣ.

Раза два-три въ годъ, къ хозяевамъ пріѣзжали гости. Для нихъ «въ парадныхъ покояхъ» во второмъ этажѣ устраивался буфетъ съ винами и закусками.

Мы въ это время тоже не зѣвали и съ чернаго входа дѣлали отчаянныя атаки на буфетъ. Насъ туда главнымъ образомъ привлекали вкусныя закуски, которыя мы таскали цѣлыми тарелками и тотчасъ же закуски съѣдали, а чтобы не было никакихъ доказательствъ—тарелки разбивали.

Насъ за это жестоко наказывали. Но отъ голода мы никакъ не могли устоять противъ великаго соблазна и не полакомиться вкусными закусками съ хозяйскаго стола и снова дѣлали нападенія. Тогда отъ старика Заборова послѣдовалъ такой приказъ: когда къ нему пріѣдутъ гости, то всѣхъ мальчиковъ выгонять со двора и не пускать домой до 12 часовъ ночи.

И насъ дѣйствительно выгоняли.

Разскажу одинъ случай, происшедшій въ день свадьбы одного изъ хозяйскихъ сыновей. Мальчикамъ приказано было итти «погулять» и ранѣе 12 часовъ ночи домой не являться. Для этого намъ дали 25 руб. и выпроводили всѣхъ вонъ.

Мы сначала отправились въ Большой театръ. Взяли тамъ райскую ложу за 4 руб. 50 коп., а на остальныя деньги пошли кутнуть въ трактиръ Тѣстова. Мы забрались кверху «подъ машину» и спросили себѣ 20 порцій рубленыхъ говяжьихъ котлетъ съ горошкомъ. Половые отъ удивленія вытаращили на насъ глаза... (судя по ихъ изумленнымъ лицамъ, можно было догадаться, что такіе оптовые гости у нихъ бывали не часто). Но послѣ нѣкоторыхъ колебаній они пошли исполнять наше требованіе. Черезъ полчаса намъ подали цѣлую гору горячихъ котлетъ. Мы съ жадностью начали ихъ уничтожать. Когда мы съѣли ихъ болѣе половины, кто-то изъ насъ замѣтилъ, что котлеты приготовлены не изъ свѣжаго мяса. Стали нюхать остат-

ки. Онѣ дѣйствительно оказались съ душкомъ... Мы начали протестовать.

Къ намъ подошелъ распорядитель и, убѣдившись въ правильности нашего замѣчанія, приказалъ убрать остатки и подать 20 порцій свѣжихъ котлетъ, которыя мы всѣ съѣли и пошли на представленіе. Благодаря двойной порціи котлетъ, мы пришли въ театръ къ концу перваго дѣйствія. Помню, шелъ какой-то балетъ.

Когда намъ открыли ложу, мы начали прыгать черезъ скамейки, каждому хотѣлось сѣсть впереди. Одинъ изъ насъ упалъ и чуть было не перелетѣлъ черезъ барьеръ внизъ...

Мы произвели своимъ появленіемъ большой шумъ. Намъ стали шикать. Затѣмъ явились два капельдинера и призвали насъ къ порядку, добавивъ, что если шумъ повторится, то насъ выведутъ изъ театра. Мы утихли.

XIII.

Черезъ четыре года, на цѣлый годъ ранѣе обусловленнаго срока, хозяинъ произвелъ меня въ приказчики и назначилъ мнѣ жалованье въ мѣсяцъ 12 р. 50 к. Этимъ неожиданнымъ производствомъ я былъ очень обрадованъ. Мнѣ казалось, что я сразу выросъ на цѣлую голову и сталъ солиднымъ человѣкомъ.

Изъ своего маленькаго жалованья я ухитрялся посылать моей бѣдной матери ежемѣсячно по 75 копеекъ.

При этомъ я удивлялся на своихъ старшихъ коллегъ, которые, получая въ мѣсяцъ по 25, 40 и 50 рублей и быстро ихъ прокучивая, говорили, что они получаютъ настолько маленькое жалованье, что его не хватаетъ имъ на самые необходимые предметы.

Я думалъ по-другому. Мнѣ казалось, что, если бы я получалъ жалованья въ мѣсяцъ 25 руб., то у меня оставалось бы ежемѣсячно по 12 руб. 50 коп. Въ годъ 150 руб,. а вѣдь это уже цѣлый капиталъ.

Черезъ годъ мнѣ прибавили жалованье. Я сталъ

получать въ мѣсяцъ по 20 руб. Но они у меня расходились такъ же незамѣтно, какъ и 12 руб. 50 коп. Затѣмъ я получалъ 30, 40 и 50 рублей: тогда я посылалъ своей матери по 5 р. 10 и 15 рублей, ежемѣсячно. Остальныя деньги незамѣтнымъ образомъ тратилъ на себя.

Такимъ образомъ, у меня не только ничего не оставалось отъ жалованья, но часто и не хватало его, такъ же, какъ прежде моимъ товарищамъ.

Каждый день къ намъ въ магазинъ пріѣзжалъ «дѣдушка». Садился на видномъ мѣстѣ около выставки чемодановъ, открывалъ Библію и читалъ два-три часа вслухъ, громкимъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ.

Многія покупательницы, услышавъ необыкновенное чтеніе въ родѣ: «сице, абіе, изыдохъ»... съ ужасомъ спрашивали насъ: «Что это у васъ покойникъ? по комъ это у васъ читаютъ псалтирь?»..

Мы отвѣчали, что у насъ всѣ живы. Читаетъ молъ хозяинъ Библію, для спасенія души... Дамы съ удивленіемъ смотрѣли на страшнаго чтеца, который продолжалъ свое чтеніе, не обращая ни малѣйшаго вниманія на покупателей. Иногда «дѣдушка» засыпалъ за чтеніемъ...

Изъ озорства, чтобы не дать ему насладиться пріятнымъ сномъ, мы начинали стучать и хлопать ящиками. Старикъ просыпался, кряхтѣлъ и посматривалъ на насъ злыми и недовольными глазами.

Однажды, въ лѣтній жаркій день, отъ этого чтенія, вмѣстѣ со старикомъ и мы всѣ крѣпко заснули. Я сидѣлъ и спалъ на диванѣ, а приказчикъ съ мальчикомъ пристроились на ящикахъ за прилавкомъ. Въ это время вошла въ магазинъ покупательница и, увидѣвъ спящихъ, крикнула: «Послушайте». Я вскочилъ съ дивана и чуть было не упалъ на нее, такъ какъ во время сна у меня судорога свела одну ногу, и я не могъ встать на нее...

Держась за диванъ и махая одеревянѣлой ногой, я спросилъ даму, что ей угодно? Въ этотъ моментъ къ намъ подошелъ старикъ и назвалъ меня канальей. Онъ проснулся первымъ и видѣлъ, какъ мы спали.

Дама, очевидно, испугалась при видѣ этого чудовища и быстро вышла изъ магазина.

Старикъ послѣ этого долго насъ ругалъ.

Ежедневнымъ чтеніемъ Библіи этотъ чтецъ намъ страшно надоѣлъ. Мы придумывали разные способы, чтобы выкурить его изъ магазина. Но сдѣлать этого намъ не удавалось. Цѣлый годъ «дѣдушка» читалъ у насъ Библію; затѣмъ, очевидно, ему самому надоѣло это занятіе. Онъ пересталъ къ намъ ѣздить и перекочевалъ опять въ лавку въ Ножевую линію. Этому событію мы были очень рады.

Иногда днемъ ко мнѣ въ магазинъ приходила бабушка и жаловалась на своего сына, называя его «непутевымъ»; она говорила, что онъ живетъ

не по закону, не хочетъ жениться и завелъ себѣ «кралю».

Меня это очень забавляло.

Мой дядя былъ уже пожилой человѣкъ и большой трусъ, онъ всѣхъ боялся и особенно городовыхъ, при этомъ онъ былъ согнутъ въ дугу ревматизмомъ. Въ такомъ печальномъ видѣ онъ менѣе всего походилъ на Донъ-Жуана...

Вечеромъ, вслѣдъ за бабушкой, ко мнѣ являлся дядюшка.

Этотъ, въ свою очередь, жаловался на бабушку; умалчивая о своей «кралѣ», онъ говорилъ, что старуха совсѣмъ съ ума сходитъ; отъ нея ему житья не стало, бранитъ его за каждые пустяки.

Каждый разъ онъ просилъ меня поѣхать съ нимъ домой и какъ-нибудь урезонить старуху, чтобы она жила поспокойнѣе.

Мое положеніе было очень щекотливое. Я любилъ свою бабушку и боялся ее обидѣть; поэтому находилъ неудобнымъ дѣлать ей какія-либо замѣчанія.

Дядѣ отказать я тоже не могъ. Ужъ очень онъ мнѣ казался жалкимъ. Я ѣхалъ съ нимъ къ бабушкѣ не безъ опасенія, такъ какъ въ то время самъ донъ-жуанствовалъ нисколько не хуже своего дядюшки.

Но бабушка ничего не знала о моихъ похожденіяхъ и продолжала относиться ко мнѣ съ расположеніемъ и любовью.

Когда мы пріѣзжали къ ней, она, увидѣвъ меня, говорила дядѣ: «Опять привезъ защитника»? и начинала ругать его...

Я давалъ ей время высказать свой гнѣвъ на грѣшнаго сына,—а затѣмъ уже осторожно и мягко приступалъ къ труднымъ обязанностямъ царя Соломона. Иногда за слишкомъ снисходительное отношеніе къ грѣхамъ дядюшки попадало отъ бабушки и самому Соломону... Но потомъ она понемногу успокаивалась и мнѣ удавалось ихъ помирить, хотя не надолго. Чрезъ 2—3 мѣсяца, они опять приходили ко мнѣ съ жалобами и мнѣ снова приходилось ихъ мирить.

XIV.

На масленицѣ въ Прощеное воскресенье въ домѣ Заборова во исполненіе древняго обычая происходило прощенье съ хозяевами.

Въ этотъ день вечеромъ всѣ хозяева и служащіе собирались въ хозяйской столовой. Старикъ Заборовъ съ хозяйкой садились рядомъ въ кресла. Къ нимъ подходили по очереди и кланялись въ ноги, сначала сыновья, за ними женская прислуга, а затѣмъ и остальные служащіе. Кланяясь, мы произносили: «Простите меня, дѣдушка». Потомъ мы прикладывались къ его щекѣ, а у хозяйки цѣловали руку.

«Дѣдушка» послѣ этого приказывалъ каждому изъ насъ разинуть ротъ и дышать ему въ лицо. Онъ это продѣлывалъ для того, чтобы найти пьянаго и сдѣлать ему тутъ же должное внушеніе. А такъ какъ въ этотъ день большинство приказчиковъ и старшихъ мальчиковъ, по обыкновенію, были пьяные,—послѣ земного поклона они съ трудомъ поднимались на ноги, покачиваясь подходили къ «дѣдушкѣ» и, широко разѣвая ротъ, громко дышали «въ себя». Внутреннія вдыханія почти

всегда сходили благополучно, такъ какъ въ этотъ день хозяинъ бывалъ не особенно строгъ.

Этотъ древній обычай всепрощенія, исполнявшійся предварительно передъ исповѣдью, смягчалъ сердца озлобленныхъ людей и вмѣстѣ съ покаяніемъ давалъ возможность каждому начать новую лучшую жизнь.

Старые хозяева, какъ вѣрующіе люди, это отлично понимали и хотя не безъ эгоизма, но всетаки интересовались и строго слѣдили за нравственностью своихъ служащихъ.

Ихъ заставляли ежегодно говѣть Великимъ постомъ, каждое воскресенье ходить къ ранней обѣднѣ. Чтобы итти со двора, нужно было просить у хозяина разрѣшенія, которое давалось не каждый разъ.

Вотъ почему прежде такъ истово исполнялись старинные русскіе обычаи.

Къ сожалѣнію, теперь это все отошло въ область преданій.

Молодое поколѣніе живетъ теперь безъ всякихъ обычаевъ и ни во что не хочетъ вѣрить.

Это новое, безпринципное направленіе, особенно замѣтно въ торговомъ мірѣ.

Купцы новѣйшей формаціи нисколько не интересуются бытомъ своихъ служащихъ.

Послѣ торговыхъ занятій служащіе пользуются абсолютной свободой, которую они всецѣло употребляютъ на прожиганіе жизни. Для этого къ

ихъ услугамъ существуетъ множество театровъ, иллюзіоновъ, трактировъ, кабарэ и проч.

Послѣдствіемъ такой веселой и ненормальной жизни появились растраты и массовыя самоубійства, «уходящихъ» ежедневно насчитывается по нѣсколько человѣкъ.

Благодаря той же свободѣ, праздности и лѣни, улица въ короткій срокъ выработала новый типъ подонковъ общества, подъ названіемъ «хулigановъ», отвергающихъ нравственность, состраданіе и почитаніе старшихъ, то-есть тѣ основы, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одно культурное общество.

Хулиганъ, типъ привозный. Онъ впервые появился въ 1895 году въ Ирландіи, откуда быстро акклиматизировался почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи.

Самое названіе хулиганъ произошло отъ фамиліи ирландскаго основателя этой гнусной корпораціи.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ жизнь торговыхъ людей и торговля въ Китай-городѣ измѣнилась до неузнаваемости.

На мѣстѣ прежнихъ небольшихъ и холодныхъ лавокъ, гдѣ товары продавались по цѣнамъ, доступнымъ каждому, — теперь построены торговые дворцы и пассажи съ роскошными магазинами, съ большими зеркальными стеклами, съ красивыми соблазнительными выставками дорогихъ товаровъ,

съ цѣнами, нисколько не уступающими магазинамъ Кузнецкаго моста и окружающихъ его пассажей.

Благодаря такой метаморфозѣ, торговля въ городскихъ рядахъ не процвѣтаетъ, а, наоборотъ, замѣтнымъ образомъ падаетъ и постепенно переходитъ въ небольшіе уличные магазины, во множествѣ разбросанные по всѣмъ улицамъ Москвы и на ея далекихъ окраинахъ.

Въ этихъ магазинахъ бѣдный людъ находитъ все, что ранѣе могъ получить только въ Гостиномъ дворѣ.

По словамъ М. И. Пыляева: «Въ Старой Москвѣ, въ Екатерининскія времена покупки модныхъ вещей совершались, по большей части, въ Гостиномъ дворѣ, а не въ магазинахъ на Кузнецкомъ мосту, какъ теперь».

На Ильинкѣ, около лавокъ, въ зимнее время бывали самыя модныя гулянья всей московской аристократіи, и тогдашніе волокиты назначали тамъ свиданія. На это купцы неоднократно жаловались царицѣ, говоря, что «петиметры и амурщики только галантонятъ» и мѣшаютъ имъ продавать.

Пріѣзды въ магазины нашихъ баръ въ тѣ времена отличались необыкновенною торжественностью.

Большія, высокія кареты съ гранеными стеклами, запряженныя цугомъ крупныхъ породистыхъ голландскихъ лошадей всѣхъ мастей, съ кокардами на головахъ, кучера въ пудрѣ, гусары, егеря

сзади и на запяткахъ, со скороходами, бѣжавшими впереди экипажа; берлины, съ боковыми крыльцами, широкія сани съ полостями изъ тигровыхъ шкуръ, возницы, форейторы въ треуголкахъ съ косами, вооруженные длинными бичами; чинные и важные поклоны, привѣты рукой, реверансы и всякія другія учтивости по этикету того времени— все это представляло довольно театральную картину на улицахъ Москвы.

Но помимо Гостинаго двора существовали и лавки, куда ѣздили наши аристократы. Такъ, въ Екатерининскія времена была модистка Виль; здѣсь продавались тогда модныя «шельмовки» (шубки безъ рукавовъ), маньки (муфточки), чепцы рожки, сороки, чепцы «королевино вставанье», а-ля-грекъ подкольный женскій кафтанъ, распашныя «куръ-форме» и «фурро-форме», башмачки «стерлядки», «улиточка» и проч. Разные бантики, кружева, цвѣты, гирлянды для наколокъ и на дамскія платья модницы Екатерининскихъ временъ покупали у m-me Кампіони; «уборщикъ и волосочесъ» Бергуанъ рекомендовалъ всѣмъ плѣшивымъ помаду для отращиванія волосъ изъ духовъ «Вздохи Амура», онъ же дѣлалъ изобрѣтенную имъ новую накладку для дамскихъ головокъ, въ видѣ башенъ съ висячими садами à-la Семирамидъ. Другой парикмахеръ изъ Парижа, Мюльетъ, рекомендовалъ для мужчинъ парики изъ тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, которые такъ легки и покойны, что

вѣсятъ только девять лотовъ; одѣвая ихъ, не надо помадить толстымъ слоемъ сала и обсыпать мукою; голландецъ Шумахеръ, въ Китай-городѣ на Фомовскомъ подворьѣ, продавалъ полотна и кисеи; портной Жуковъ публиковалъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1777-го года, что онъ имѣетъ плисовые кафтаны, на разныхъ мѣхахъ «винчуры» и новаго фасона «чинчиры».

Современныя модницы и амурщики «галантонятъ» теперь на Кузнецкомъ мосту и на Петровкѣ, гдѣ ежедневно съ 2 часовъ дня и до 6 часовъ вечера можно видѣть множество фланирующихъ жуировъ, тамъ къ ихъ услугамъ для флирта имѣются пассажи, роскошные магазины и шикарныя кондитерскія.

Въ данное время въ коммерческомъ и промышленномъ мірѣ дѣло обстоитъ довольно плохо—появилось множество неплательщиковъ. Они и ранѣе были, но не въ такомъ ужасающемъ количествѣ, какъ теперь. Въ послѣднее время неплатежи приняли форму эпидеміи и разразились повсюду въ такихъ размѣрахъ, что правительство вынуждено было поставить на очередь вопросъ объ изданіи новаго закона, карающаго неплательщиковъ тюремнымъ заключеніемъ.

XV.

Центральная часть Москвы, находящаяся за древней Китайской каменной стѣной, подъ названіемъ Китай-городъ, съ незапамятныхъ временъ служила сосредоточіемъ всей московской торговли. Главнымъ центромъ ея была историческая Красная площадь, бывшая свидѣтельницей многихъ важныхъ событій.

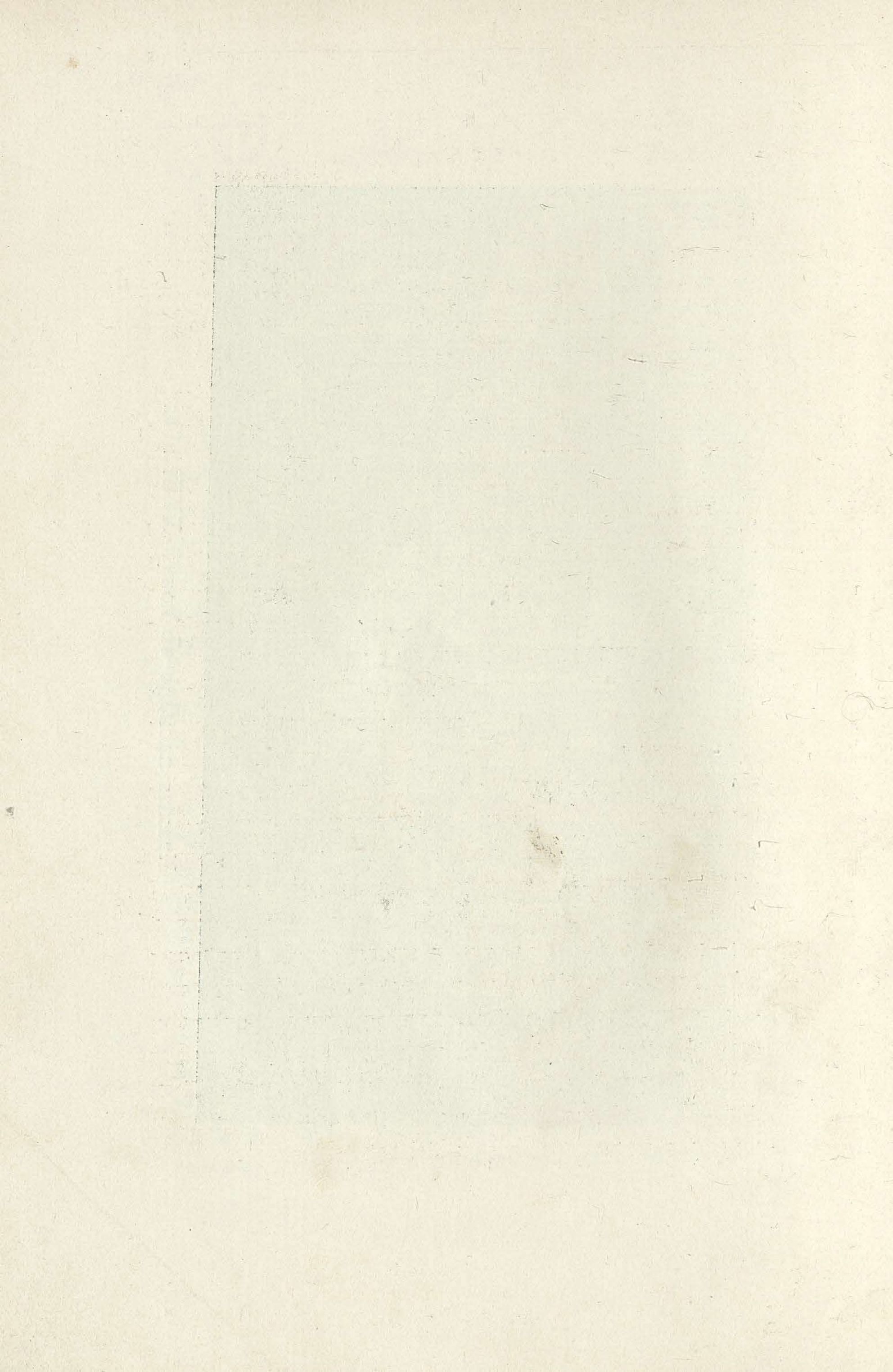
Здѣсь съ древнихъ зубчатыхъ стѣнъ Кремля наши предки неоднократно отражали многочисленныя полчища татаръ и поляковъ.

Въ 1547-мъ году, на Красной площади, съ лобнаго мѣста, царь Іоаннъ Васильевичъ, послѣ страшнаго пожара, уничтожившаго три четверти Москвы, во всеуслышаніе исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ передъ знаменитымъ митрополитомъ Макаріемъ и народомъ и давалъ клятву судить и управлять народомъ по Божеской правдѣ.

Царь, поклонившись на всѣ четыре стороны, обратился къ народу съ слѣдующей рѣчью: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу, и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несо-

Красная площадь въ концѣ XVIII вѣка.

вершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Вскорѣ послѣ этой публичной исповѣди, на этомъ же мѣстѣ, Грозный царь казнилъ 200 человѣкъ новгородцевъ. Тутъ же былъ низложенъ съ престола чернью царь Василій Шуйскій. Здѣсь Петръ Великій повѣсилъ на висѣлицахъ множество взбунтовавшихся стрѣльцовъ.

По словамъ Олеарія, Красная площадь передъ Кремлемъ есть главный рынокъ города. Здѣсь, въ продолженіе цѣлаго дня кишитъ народъ и вся площадь полна лавками, въ нихъ можно было купить все, что потребно для домашняго обихода. Около стѣнъ Кремля, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, было разставлено множество шалашей, палатокъ, скамей и рундуковъ, съ которыхъ производился торгъ разными товарами, но болѣе всего съѣстными припасами. Рядомъ съ шалашами и рундуками находилось особое мѣсто, гдѣ женщины торговали своими домашними рукодѣліями.

Тутъ же на площади помѣщались цѣлые ряды винныхъ погребовъ, въ нихъ продавались иноземныя вина, медъ, брага и другія зелья.

Въ такомъ первобытномъ видѣ это торжище просуществовало до 1546-го года, когда, по указу царя Іоанна Васильевича Грознаго, на Красной площади, противъ Кремлевской стѣны, былъ построенъ «царскою казною» каменный Гостиный дворъ, куда и было приказано перейти торговымъ людямъ: «Всякими товары торговать въ рядѣхъ, въ которыхъ коими указано и гдѣ кому даны мѣста. А которые всякихъ чиновъ тороговые люди, нынѣ торгуютъ на Красной площади и на перекресткахъ и въ иныхъ не указанныхъ мѣстахъ, поставя шалаши и скамьи, и рундуки, съ тѣхъ мѣстъ великій государь указалъ сломать и впредь на тѣхъ мѣстахъ никому ни съ какими товарами не торговать, чтобы на Красной площади и на перекресткахъ и стѣсненія не было».

Но желающихъ переселиться въ новые ряды никого не оказалось. Тогда Грозный царь приказалъ опричникамъ гнать торговцевъ съ площади въ ряды нагайками... Это средство подѣйствовало. Площадь была быстро очищена отъ шалашей, палатокъ и рундуковъ, изъ которыхъ торговые люди перебрались въ новые ряды, гдѣ скоро и основались прочно. Въ то время въ Гостиномъ дворѣ для каждаго товара имѣлся свой особый рядъ и поэтому ряды носили названіе: Шапошный, Сапожный, Крашенинный, Корабейный, Восчаный, Медовый, Пряничный, Калачный, Харчевый, Птичій и друг. На Никольской улицѣ находились ряды:

Саадашный и Книжный, въ первомъ ратные люди продавали предметы вооруженія: мечи, копья, стрѣлы, щиты, кольчуги, шлемы и другія вещи, а въ послѣднемъ, попы и дьяконы торговали духовными книгами съ просвѣтительной цѣлью. Но то было въ XVI вѣкѣ. Теперь мы видимъ другое. Торгуетъ и современное духовенство въ епархіальныхъ лавкахъ, но уже не съ просвѣтительной цѣлью и не духовными книгами, а разными вещами, начиная съ церковной утвари и включительно до скобяныхъ и галантерейныхъ товаровъ... Торговыя операціи коммерсантовъ «батюшекъ», уже не говоря о томъ, что они никакъ не вяжутся съ ихъ прямымъ назначеніемъ и саномъ, но еще вносятъ въ среду ихъ пасомыхъ большой соблазнъ и негодованіе...

Коммерсанты священники, заправляющіе дѣлами епархіальныхъ лавокъ, рекламируя свои товары, между прочимъ откровенно указываютъ на то, что епархіальныя лавки не платятъ въ казну никакихъ налоговъ и поэтому у нихъ можно купить всѣ предметы якобы дешевле и лучше другихъ фирмъ.

Не довольствуясь этимъ, они разсылаютъ по сельскимъ приходамъ строгія предписанія, чтобы церковный клиръ покупалъ нужныя ему вещи не тамъ, гдѣ онъ находитъ для себя выгоднымъ, а обязательно въ епархіальныхъ лавкахъ, къ слову сказать торгующихъ предметами далеко не

лучшаго качества и по цѣнамъ довольно дорогимъ.

Лицъ, не желающихъ покупать въ епархіальныхъ лавкахъ, штрафуютъ.

Мнѣ кажется, что далѣе этого итти некуда. Высшей духовной власти слѣдуетъ прекратить этотъ произволъ не въ мѣру ретивыхъ новоявленныхъ коммерсантовъ изъ духовенства и указать имъ ихъ прямыя обязанности.

М. И. Пыляевъ въ своемъ описаніи Старой Москвы говоритъ, что на Никольскомъ крестцѣ стояли бочки кади и скамьи. Тамъ съ утра до вечера толпились московскіе купцы, греческіе гости, торговые люди, слободчане и стрѣльцы. Въ Казанскомъ соборѣ приводили купцовъ къ очистительной присягѣ; въ такіе часы раздавался унылый благовѣстъ съ колокольни этого собора.

Въ числѣ замѣчательныхъ церквей въ Китай-городѣ находится древній храмъ во имя Живоначальной Троицы въ Поляхъ: слово «въ поляхъ» понимается не въ прямомъ его значеніи, а въ смыслѣ «поединка».

Татищевъ говоритъ въ примѣчаніи своего «Судебника»: «Поле разумѣемъ поединокъ — предъ судьями биться палками во дѣлахъ, неимущихъ достаточнаго доказательства; ибо «ротою», т.-е. клятвою или присягою утверждать или оправдаться опасались душевредства».

Судебнымъ дѣломъ рѣшались самыя важныя за-

Гостинный дворъ передъ его закрытіемъ въ 1886 г.

путанныя тяжбы—такой судъ звали «Судомъ Божескимъ». Приступающіе къ поединку облекались всегда въ полные доспѣхи и вооружались «ослопами», т.-е. дубинами, но уже съ XVI столѣтія употребляли и другія оружія. Бой происходилъ на назначенномъ мѣстѣ на обширной полянѣ, со всѣхъ сторонъ огороженной, въ присутствіи судей, но посторонніе туда не допускались.

Кто одолѣлъ, тотъ былъ правъ, а уступившій силѣ своего противника признавался виновнымъ и платилъ пошлину окольничему, дьяку и подьячимъ, присутствовавшимъ при боѣ и наблюдавшимъ за порядкомъ.

Алексѣевъ, составитель церковнаго словаря, говоритъ, что такое поле «у Троицы въ Поляхъ», за городскою стѣною на берегу рѣчки Неглинной, гдѣ были три полянки, съ нарочною канавой; здѣсь тягавшіеся дрались до крови, а иногда другъ друга убивали до смерти.

Онъ же описываетъ и болѣе легкіе поединки, напримѣръ: спорящіе становились тамъ одинъ по ту, другой по другую сторону канавки и, наклонивъ головы, хватали одинъ другого за волосы и, кто кого перетягивалъ, тотъ и правъ бывалъ. Побѣжденный долженъ былъ перенести побѣдителя на своихъ плечахъ чрезъ рѣчку Неглинку. Передъ такимъ поединкомъ иногда предлагали соперникамъ и мировую, о чемъ напоминаетъ намъ старая пословица— «Подавайся по рукамъ—легче будетъ волосамъ».

Въ 1626-мъ году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Гостиный дворъ со всѣми находившимися въ немъ товарами былъ до основанія уничтоженъ сильнымъ пожаромъ.

Вскорѣ послѣ пожара на томъ же мѣстѣ былъ построенъ новый каменный Гостиный дворъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на Красной площади, между Спасскими и Никольскими воротами, у самой Кремлевской стѣны стояли пушки подъ деревянными навѣсами.

По сосѣдству съ ними находился популярный между опричниками и стрѣльцами кабакъ, носившій названіе «Подъ пушками».

Здѣсь было пребываніе подонковъ общества, которые въ то время назывались «кабацкими ярыгами».

По словамъ И. К. Кондратьева, вблизи этихъ пушекъ въ 1768-мъ году 18-го октября былъ устроенъ высокій эшафотъ, на которомъ была поставлена для позорища жестокая мучительница своихъ крѣпостныхъ Дарья Михайловна Салтыкова, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ «Салтычихи».

Она была въ саванѣ, со свѣчею въ рукѣ, съ листомъ на груди, на которомъ было написано «мучительница и душегубица».

XVI.

Позднѣе на этомъ мѣстѣ, по приказанію Петра Великаго, было построено большое деревянное зданіе, называвшееся «Комедійной храминой».

Въ указные дни, здѣсь давались комедіи для людей всѣхъ чиновъ и ранговъ. Мѣста въ «Комедійной храминѣ» дѣлились на четыре разряда: первыя стоили двѣ гривны, вторыя гривну, третьи пятакъ и четвертыя алтынъ.

Входные билеты назывались ярлыками, они печатались на толстомъ картонѣ и продавались въ чуланахъ, находившихся при «Комедійной храминѣ». Продажей ярлыковъ завѣдывали сторожа.

«Комедійная храмина» просуществовала здѣсь недолго, такъ какъ она успѣха не имѣла, потому что наши прадѣды считали комедійныя дѣла дьявольскимъ навожденіемъ и дѣломъ грѣховнымъ и поэтому неохотно шли въ театръ.

Въ 1703-мъ году (годъ основанія театра) входныхъ билетовъ было продано на 406 руб. 23 алтына, въ слѣдующемъ году сборъ былъ еще менѣе.

Въ концѣ 1704-го года, вслѣдствіе плохихъ сборовъ, скрылся изъ Москвы, не заплативъ жало-

ванья комедіантамъ, первый антрепренеръ «Комедійной храмины» нѣкто Яганъ Кунштъ.

Его артисты, оставшись въ бѣдственномъ положеніи, просили казну, для уплаты причитавшагося имъ жалованья, продать принадлежавшіе сбѣжавшему антрепренеру декораціи, костюмы и другія вещи. Просьба комедіантовъ была уважена и тогда, по словамъ хроники русскаго театра «Носова», появилось слѣдующее объявленіе:

«Продаются театральныя украшенія, принадлежащія директору нѣмецкихъ комедіантовъ Ягану Куншту, убоявшемуся нашего градскаго начальства наказанія, за сочиняемыя имъ и игранныя на публичномъ театрѣ пасквильныя комедіи, уѣхалъ изъ Россіи инкогнито, не заплатя никому жалованья, по сему резонту и объявляемъ, что продажа сія дѣлается на уплату долговъ комедіантовъ». Въ числѣ вещей продавались: дворецъ съ великолѣпными садами, крѣпостями, лѣсами, рощами, лугами, наполненными людьми, звѣрями, птицами, мухами и комарами; море, состоящее изъ 12 валовъ, изъ которыхъ самый огромный, 9-й валъ, немного поврежденъ. Полторы дюжины облаковъ, снѣгъ въ большихъ хлопьяхъ изъ бѣлой овернской бумаги и т. д.

По словамъ И. К. Кондратьева, послѣ Куншта, театръ на Красной площади перешелъ въ руки Отто Фюрста.

Представленія у Фюрста чередовались съ рус-

скими представленіями: русскія давались по воскресеньямъ и вторникамъ, а нѣмцы играли по понедѣльникамъ и четвергамъ.

Нѣмецкая труппа давала по большей части такъ называемыя пьесы на случай. Такъ, напримѣръ, ей поручалось поставить драматическое представленіе на случай взятія русскими Нотебурга и Орѣшка. На русскомъ языкѣ были играны слѣдующія пьесы: «О Ѳранталисѣ Эпирскомъ и Мирандонѣ, сынѣ его», «О честномъ измѣнникѣ», «Тюрьмовый заключенникъ или принцъ Пикельгярингъ», «Постоянный папиньянусъ» и «Докторъ принужденный».

Пьесы эти имѣли всѣ театральные эффекты и ужасы: сраженія, убійства, отравленія и проч. По обыкновенію въ пьесахъ были и смѣшныя сцены, гдѣ шутъ Пикельгярингъ сыплетъ грязныя площадныя шутки, поетъ куплеты въ родѣ:

Братья, да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся.
Богъ убо вѣсть—сколько намъ жити.
Нынѣ идемъ купно въ поле
Убитыми быть или вздравѣ.

Афиши о представленіяхъ на театрахъ разносили къ знатнымъ людямъ сами актеры.

Берхольцъ говоритъ, что одинъ изъ актеровъ придумалъ было извлекать изъ этого выгоды, выпрашивая вознагражденія, за что и былъ наказанъ

батогами. Афиши были печатныя, и, такъ называемыя, перечневыя. Послѣднія печатались для лучшаго объясненія публикѣ содержанія и хода представленія.

Новому антрепренеру Отто Фюрсту было отдано нѣсколько русскихъ учениковъ въ науку.

Объ этихъ русскихъ актерахъ сохранился интересный документъ, относящійся къ 1705-му году, рисующій какъ ту эпоху, такъ и состояніе тогдашняго драматическаго искусства, у насъ.

Вотъ этотъ докладъ начальству: «Ученики комедіанты русскіе безъ указу ходятъ всегда съ шпагами и многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ, и непрестанно по гостямъ въ нощныя времена ходя пьютъ. И въ рядахъ у торговыхъ людей товары емлятъ въ долги, а денегъ не платятъ. И всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестію, чтобъ съ нихъ что взять нахально.

И для тѣхъ взятокъ ищутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочатъ и убыточатъ въ разныхъ приказѣхъ, мимо государственнаго посольскаго приказу, гдѣ они вѣдомы. И, взявъ съ тѣхъ людей взятки, мирятся, не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятокъ».

Въ такихъ злоказненныхъ дѣяніяхъ особенно обличался актеръ Василій Теленковъ, онъ же Шмага пьяный.

По посланному на него доносу къ боярину графу Ѳ. А. Головину, второму директору русскаго театра, вышла слѣдующая резолюція: «Комедіанта пьянаго Шмагу, взявъ въ приказъ, высѣките батоги». Въ 1704-мъ году въ труппѣ Фюрста женскія роли исполняли двѣ женщины: дѣвица фонъ-Велихъ и жена генеральнаго доктора Паггенкампфа, которая въ русскихъ документахъ просто передѣлана въ Поганкову.

Первая жалованья получала въ годъ 150 руб., вторая—300 руб. Русскимъ же ученикамъ-комедіантамъ положено было жалованье, смотря по персонамъ: «за кѣмъ дѣла больше—тому дать больше, а за кѣмъ меньше—тому меньше».

Изъ этихъ древнихъ документовъ мы видимъ, что еще въ началѣ XVIII вѣка были хулиганы, чинившіе надъ торговыми людьми разныя безчинства, включительно до отрѣзанія бороды.

Къ этому еще слѣдуетъ добавить и «языки» (оговорщиковъ), ходившіе по Красной площади съ лицами, закрытыми черными суконными масками съ вырѣзанными на нихъ отверстіями для глазъ.

Отъ этихъ ужасныхъ людей толпами бѣжалъ народъ, боясь услышать ихъ страшный возгласъ: «Слово и дѣло!».

Послѣ чего указанныхъ ими лицъ забирали въ застѣнокъ и тамъ, безъ суда, подвергали жестокимъ наказаніямъ и пыткамъ. Отъ ихъ произвола сильно страдалъ и торговый людъ.

Въ 1790-мъ году Гостиный дворъ, за ветхостью, былъ проданъ казною частнымъ лицамъ.

Новые хозяева, вступивъ въ свои права, энергично принялись за перестройку рядовъ; при этомъ, при началѣ постройки, былъ выработанъ общій планъ только для одного наружнаго фасада зданія, выходившаго на Красную площадь, на Ильинку и на Никольскую улицу.

Внутри рядовъ лавки строились безъ всякаго плана. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ и когда хотѣлъ, по своему усмотрѣнію.

Вслѣдствіе такой безсистемной и не одновременной постройки, ряды вышли кривые, одинъ выше, другой ниже.

Лавки тоже были всѣ разныя, одна больше, другая меньше, одна свѣтлѣй, другая темнѣй и т. д., но при этомъ старыя лавки имѣли одно очень важное положительное качество—онѣ были крайне дешевы.

Такъ, напримѣръ: аренда каменной трехъэтажной лавки, мѣрой 10×8 арш. стоила 800 рублей и не дороже 1000 рублей въ годъ.

Въ Верхнихъ рядахъ такое помѣщеніе теперь стоитъ 5000—6000 рублей въ годъ.

Съ высоты птичьяго полета торговые ряды представляли собой полнѣйшій хаосъ разной величины крышъ, мансардъ, чердаковъ, фонарей и проч.

Въ общемъ зданія торговыхъ рядовъ были похожи на азіатскій караванъ-сарай.

Гостиный дворъ, съ высоты птичьяго полета.

Подобныя археическія сооруженія мнѣ потомъ приходилось видѣть въ нѣкоторыхъ городахъ на Востокѣ.

XVII.

Въ 1812-мъ году, какъ извѣстно, двѣ трети Москвы было уничтожено пожаромъ.

При отступленіи французовъ изъ Москвы, по приказанію Наполеона, въ Кремлѣ были взорваны: дворецъ, Грановитая палата, Арсеналъ, Ивановская колокольня, Никольскія ворота и много другихъ зданій. Въ Китай-городѣ пожаромъ были уничтожены всѣ дома, множество лавокъ и разграбленъ и сожженъ до основанія Гостиный дворъ. Послѣдній былъ возобновленъ въ 1814-мъ году, въ томъ видѣ онъ просуществовалъ до 1886-го года, когда за ветхостью былъ сломанъ и на его мѣстѣ теперь построены красивыя (но для торговли не совсѣмъ удобныя) зданія Верхнихъ торговыхъ рядовъ.

При ихъ постройкѣ главное вниманіе было обращено на наружный фасадъ и внутреннее устройство трехъ крытыхъ галлерей, съ такимъ же числомъ поперечныхъ проходовъ. Правда, что строители въ этомъ отношеніи достигли своей цѣли; фасадъ и галлереи вышли довольно стильны и

красивы, но при этомъ было упущено изъ виду самое главное—устройство торговыхъ помѣщеній, удобныхъ для торговли, а не только для одного вида.

Благодаря этому, въ Верхнихъ торговыхъ рядахъ магазины въ первомъ этажѣ вышли съ низкими потолками и сжатыми со всѣхъ сторонъ колоссальными каменными столбами и арками.

Въ магазинахъ мало воздуха и свѣта и еще менѣе удобства. Зато магазины во второмъ этажѣ, то-есть тамъ, гдѣ покупателей никогда не бываетъ, сдѣланы вышиной 12 аршинъ.

Покупатели во второй этажъ не ходятъ, потому что винтовыя чугунныя лѣстницы внутри магазиновъ настолько узки и неудобны, что по нимъ не каждый можетъ ходить.

Насколько бойко и весело шла торговля въ старыхъ рядахъ, настолько же тихо и безжизненно торгуютъ теперь въ новыхъ красивыхъ зданіяхъ Верхнихъ торговыхъ рядовъ.

Это громадное владѣніе принадлежитъ Акціонерному Обществу, получающему съ него нищенскій дивидендъ, не болѣе $3^0/_0$.

Во время послѣдней перестройки Верхнихъ торговыхъ рядовъ, на Красной площади у кремлевской стѣны, были поставлены временные желѣзные балаганы, куда и предложили перейти торговцамъ, но купцы упорно не хотѣли уходить изъ рядовъ съ своихъ насиженныхъ мѣстъ. Тогда администра-

тивной власти пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ и отсрочекъ, въ одно прекрасное утро, когда въ Гостиномъ дворѣ были открыты всѣ лавки, въ ряды явилась полиція и приказала рядскимъ сторожамъ немедленно заколотить проходы и двери въ Ножевую линію и въ ряды узенькій и широкій... Купцы, не ожидавшіе такихъ крутыхъ мѣръ, были настолько поражены слишкомъ энергичнымъ распоряженіемъ полиціи, что первое время не знали, что нужно дѣлать, кого просить. Телефоновъ тогда не было. Рѣшено было немедленно ѣхать къ генералъ-губернатору и оберъ-полицмейстеру, съ просьбой отмѣнить распоряженіе полиціи и дать возможность купцамъ перебраться въ желѣзные ряды, безъ принудительныхъ мѣръ.

Но въ виду того, что купцамъ уже была сдѣлана не одна, а нѣсколько отсрочекъ, просьба ихъ не была уважена...

Нѣкоторые купцы считали себя разоренными и сошли съ ума... Одинъ изъ нихъ, нѣкто Солодовниковъ, зарѣзался въ Архангельскомъ соборѣ... На другой день купцы изъ заколоченныхъ трехъ рядовъ начали быстро перебираться въ желѣзные балаганы.

Спустя двѣ недѣли, такимъ же образомъ выселили слѣдующіе три ряда, а затѣмъ и остальные.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ на

Скобяной рядъ въ 70-хъ годахъ.

московскихъ улицахъ не было никакихъ магазиновъ, исключая булочныхъ, овощныхъ и табачныхъ лавокъ.

Поэтому, за каждой мелочью приходилось посылать «въ городъ», то-есть въ Гостиный дворъ, гдѣ была сосредоточена какъ розничная, такъ и оптовая торговля; первая производилась главнымъ образомъ въ Ножевой линіи и затѣмъ въ многочисленныхъ рядахъ: Узенькомъ, Широкомъ, Шляпномъ, Шелковомъ, Серебряномъ, Мѣдномъ, Скобяномъ, Иконномъ, Кружевномъ, Лапотномъ, Суровскомъ, Суконномъ, Квасномъ; былъ и такой рядъ, въ которомъ торговали пирогами, квасомъ и кислыми щами.

Оптовая торговля помѣщалась въ Ветошномъ ряду и на подворьяхъ: Казанскомъ, Пантелѣевскомъ, Бубновскомъ и друг.

Болѣе крупныя фирмы и фабриканты помѣщались на Ильинкѣ, въ Старомъ Гостиномъ дворѣ, въ Теплыхъ рядахъ, Черкасскомъ переулкѣ и на подворьяхъ: Чижовскомъ, Носовскомъ, Мещеринскомъ и друг.

На улицахъ Ильинкѣ и Никольской большинство домовъ были низенькіе, въ одинъ и два этажа. Въ нихъ помѣщались маленькія холодныя лавки.

50 лѣтъ тому назадъ, на Никольской улицѣ, гдѣ теперь находится домъ Чижовскаго подворья, былъ большой пустой дворъ, огороженный низ-

кимъ деревяннымъ заборомъ. На мѣстѣ Славянскаго Базара и Третьяковскаго проѣзда находился низенькій одноэтажный каменный домъ и длинный заборъ, за которымъ было большое пустопорожнее мѣсто. Тамъ, гдѣ теперь помѣщается красивый домъ Синодальнаго Вѣдомства, находились одноэтажные каменные сараи.

На Ильинкѣ изъ старинныхъ зданій сохранился только одинъ Старый Гостиный дворъ. Остальные дома, всѣ построены въ недавнее время.

Между Владимірскими и Ильинскими воротами, въ Китайской стѣнѣ съ внутренней ея стороны лѣпятся маленькія, низкія и узкія лавчонки, торгующія разнымъ старымъ хламомъ.

Эта мѣстность называется «Старой площадью». Здѣсь ранѣе помѣщалась знаменитая «толкучка». Это былъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ уголковъ Старой Москвы. Между Владимірскими и Проломными воротами имѣется маленькая площадка, на которой съ самаго ранняго утра и до поздней ночи толпилось множество различнаго пролетаріата. Это сборище бывшихъ людей похоже было на громадный муравейникъ; густая движущаяся толпа имѣла здѣсь представителей всѣхъ сословій, тутъ были: князья, графы, дворяне, разночинцы, бѣглые каторжники, воры, дезертиры, отставные солдаты, монахи, странники, пропившіеся купцы, приказчики, чиновники и мастеровые; тутъ же находились бывшіе «эти дамы» самаго низкаго разряда,

странницы и богомолки съ котомками, деревенскія бабы, нищенки съ дѣтьми, старухи и проч.

Среди толпы шныряли ловкіе и опытные барышники, скупавшіе изъ-подъ полы краденыя вещи.

Но главнымъ перломъ этого почтеннаго собранія была такъ называемая «царская кухня», она помѣщалась посрединѣ толкучки и представляла собой слѣдующую картину: десятка два-три здоровыхъ и сильныхъ торговокъ, съ грубыми загорѣлыми лицами, приносили на толкучку большіе горшки, въ простонародьѣ называемые корчагами, завернутые въ рваныя одѣяла и разную ветошь.

Въ этихъ горшкахъ находились: горячія щи, похлебка, вареный горохъ и каша; около каждаго горшка, на булыжной мостовой, стояла корзина съ чернымъ хлѣбомъ, деревянными чашками и ложками.

Тутъ же, на площади подъ открытымъ небомъ, стояли небольшіе столы и скамейки, грязные, всегда залитые кушаньемъ и разными объѣдками. Здѣсь цѣлый день происходила кормежка пролетаріата, который за двѣ копейки могъ получить миску горячихъ щей и кусокъ чернаго хлѣба. Для отдыха торговки садились на свои горшки... когда подходилъ желающій ѣсть, торговка вставала съ горшка, поднимала съ него грязную покрышку и наливала въ деревянную чашку горячихъ щей. Тутъ же стояло нѣсколько разносчиковъ съ небольшими лотками съ лежавшими на

нихъ вареными рубцами, печенкой, колбасой и обрѣзками мяса и сала, называемыми «собачьей радостью». Эти продукты пролетаріатъ покупалъ для закуски, завертывалъ въ грязную бумагу, клалъ въ карманъ и шелъ съ ней въ кабакъ.

Близъ толкучки стояли старушки, съ небольшими корзинами варенаго гороха, около нихъ всегда ходила большая стая голубей: проходившіе давали старушкѣ копейку, за которую она кидала голубямъ пригоршню варенаго гороха. Теперь такихъ старушекъ, кормящихъ горохомъ голубей, можно видѣть на Красной площади у ограды Василія Блаженнаго.

Въ 1890-мъ году съ Старой площади толкучка была переведена къ Яузскому мосту, на Коммерсіатскую набережную.

Съ переселеніемъ на новое мѣсто, она какъ-то сразу обезличилась и потеряла свой прежній характеръ.

Между улицей Варваркой и Китайской стѣной лежитъ низкая котловина; эта мѣстность называется Зарядьемъ, оно ранѣе было населено исключительно только одними евреями. Въ узкихъ, кривыхъ и грязныхъ переулкахъ этого московскаго Уайтчаппеля постоянно толклась густая толпа евреевъ, одѣтыхъ въ длинные лапсердаки и съ висѣвшими на вискахъ длинными пейсами, здѣсь они ловко обдѣлывали свои гешефты. По обѣимъ сторонамъ переулковъ, въ низкихъ и темныхъ тру-

Кормленіе голубей, на Красной площади.

щобахъ помѣщались еврейскія лавки, занимавшіяся главнымъ образомъ покупкой и сбытомъ краденыхъ вещей.

Въ 1882-мъ году эта еврейская клоака была очищена отъ евреевъ, которые административнымъ порядкомъ всѣ были выселены за черту осѣдлости. На ихъ мѣсто поселились русскіе, преимущественно мастеровые; послѣ такой метаморфозы, Зарядье приняло болѣе приличный видъ.

XVIII.

Въ центральной части стараго зданія Верхнихъ рядовъ, противъ памятника Минина и князя Пожарскаго, находились историческія колонны, которыя были болѣе извѣстны подъ названіемъ «столбовъ». Здѣсь была пирожная биржа, гдѣ всегда, цѣлый день, стояло много пирожниковъ, у которыхъ на широкихъ ремняхъ черезъ плечо висѣли ящики съ горячими пирогами разныхъ сортовъ.

Для того, чтобы пироги не остыли, ящики сверху покрывались теплыми одѣялами.

Тутъ были пироги жареные, подовые, съ подливкой, разные блины: съ яйцами, съ лукомъ и проч. Пироги были довольно вкусные и не дорогіе—по 5 коп. за пару.

Но сами разносчики были грязны и нечистоплотны. Продажу пироговъ они сопровождали разными шутками и прибаутками.

Происходили сценки въ родѣ слѣдующей: мальчикъ ѣстъ жареный пирогъ съ вареньемъ, въ которомъ ему попался кусочекъ грязной тряпки. Онъ, обращаясь къ пирожнику, говоритъ: «Дяденька, у тебя пироги-то съ тряпкой...» Пирожникъ въ отвѣтъ: «А тебѣ, каналья, что же за 2 коп. съ бархатомъ что ли давать?...»

На Красной площади противъ рядовъ всегда

ПирожникЪ.

стояло множество экипажей и извозчиковъ; стоянка ихъ отличалась антигигiеничностью, грязью и крайне неприличными сценами.

Старые городскiе ряды представляли собой темныя руины. Проходы въ нихъ не отличались чистотой; тамъ имѣлось много ступенекъ и разныхъ приступовъ; ходить по такимъ рядамъ можно было только съ большой осторожностью. Около лавокъ лежали большiя груды ящиковъ, тюковъ и разнаго хламу. Свѣтъ въ ряды проникалъ сквозь, такъ называемые, рядскiе фонари съ низкими грязными рамами съ разбитыми стеклами, чрезъ которыя сыпались на головы проходящихъ снѣгъ и дождь. Солнца совсѣмъ не было видно, вслѣдствiе этого въ рядахъ всегда ощущалась пронизывающая сырость, отъ которой большинство торгующихъ страдали ревматизмомъ и другими простудными болѣзнями.

Посрединѣ каждаго ряда имѣлась канава для стока дождевой воды. На потолкѣ фонаря висѣли большiя рядскiя иконы, у которыхъ ежегодно осенью служили молебны. Эти молебны обставлялись большой торжественностью. На нихъ привозили изъ церквей и часовенъ особо чтимыя святыни, для которыхъ посрединѣ ряда устраивались мѣста, убранныя коврами, зеленью и краснымъ сукномъ. Приглашали полный хоръ чудовскихъ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ подъ управленiемъ извѣстнаго въ то время регента Багрецова

и съ участіемъ не менѣе извѣстныхъ солистовъ: тенора Стремлянова и баса Сугробова. Приглашались голосистые протодіаконы и много духовенства, часто во главѣ съ архіереемъ.

Рядскіе проходы тогда посыпались пескомъ и можжевельникомъ, послѣднимъ также украшали двери и окна лавокъ. Такимъ образомъ, въ день молебна рядъ принималъ праздничный видъ.

Послушать чудовскихъ пѣвчихъ и ихъ концерты, которые они пѣли послѣ молебна, приходило множество публики.

На рядскіе молебны денегъ собирали много. Несмотря на большіе расходы, ихъ оставалось достаточно для угощенія купцовъ въ трактирѣ Бубнова.

Послѣ рядскихъ молебновъ купцы, по обыкновенію, устраивали большіе кутежи въ загородныхъ ресторанахъ—у Яра, въ Стрѣльнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Однажды произошелъ такой случай: послѣ молебна въ Ветошномъ ряду и послѣдовавшаго за нимъ обильнаго завтрака въ трактирѣ Бубнова, шесть купцовъ поѣхали освѣжиться за Тверскую заставу въ Стрѣльну. Въ числѣ купцовъ находился кавказскій охотникъ, высокій красивый 35-лѣтній брюнетъ, грузинскій князь М.— человѣкъ необычайной силы; онъ легко разгибалъ руками желѣзныя подковы и ломалъ пальцами мѣдные пятаки на двѣ части.

Находясь въ саду Стрѣльны, подъ живымъ впечатлѣніемъ тропической флоры, купцы напились

Блинщикъ.

тамъ до невмѣняемости и подъ предводительствомъ князя М. тутъ же рѣшили немедленно ѣхать въ Африку, охотиться на крокодиловъ...

Изъ Стрѣльны они отправились на лихачахъ прямо на Курскій вокзалъ, сѣли въ вагонъ и поѣхали въ Африку на охоту...

На другой день, рано утромъ, они проснулись близъ Орла и были очень удивлены, зачѣмъ они въ вагонѣ? куда ихъ везутъ?

Отвѣтить имъ на это никто не могъ, а сами они ничего не помнили...

Недоразумѣніе ихъ объяснила случайно найденная въ карманѣ одного изъ охотниковъ записка «маршрутъ въ Африку»... Тутъ только они вспомнили молебенъ, завтракъ у Бубнова, Стрѣльну и охоту на крокодиловъ.

Африканскіе охотники поспѣшили вернуться изъ Орла въ Москву, изъ нихъ одинъ, нѣкто купецъ Зябликовъ, человѣкъ уже пожилой и необыкновенной толщины, почти квадратный, пріѣхалъ съ охоты домой съ вывихнутой рукой и съ разбитымъ лицомъ... Гдѣ произошла съ нимъ аварія, онъ, разумѣется, не могъ вспомнить. Впослѣдствіи уже выяснилось, что онъ, по дорогѣ изъ Стрѣльны на вокзалъ, вывалился изъ пролетки лихача на мостовую. Этотъ забавный случай съ африканскими охотниками долгое время комментировался на всѣ лады рядскими купцами.

XIX.

Трактиръ Бубнова въ жизни торговцевъ Гостинаго двора игралъ большую роль. Каждый день, исключая воскресныхъ и праздничныхъ, онъ съ ранняго утра и до поздней ночи былъ переполненъ купцами, приказчиками, покупателями и мастеровыми.

Тутъ, за парой чая, происходили торговыя сдѣлки на большія суммы.

Внизу, подъ трактиромъ, въ подвальномъ этажѣ, помѣщалась знаменитая «Бубновская дыра», куда вела узкая лѣстница въ двадцать ступеней.

Помѣщеніе «дыры» состояло изъ большого подвала съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ, безъ оконъ, перегороженное тонкими деревянными перегородками на маленькія отдѣленія, похожія на пароходныя каюты. Въ каждомъ такомъ отдѣленіи, освѣщенномъ газовымъ рожкомъ, стоялъ посрединѣ столъ, съ залитой виномъ грязной скатертью, и кругомъ него четыре стула. Другой мебели тамъ не было. Въ этихъ темныхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, ежедневно, съ самаго ранняго утра

и до поздней ночи, происходило непробудное пьянство купцовъ...

Эти «троглодиты», безъ воздуха и свѣта, чувствовали себя тамъ прекрасно, потому что, за отсутствіемъ женщинъ, тамъ можно было говорить, пѣть, ругаться и кричать громко и откровенно о самыхъ интимныхъ и щекотливыхъ предметахъ. Тамъ кричали всѣ. Поэтому, за общимъ шумомъ и гвалтомъ, невозможно было понять не только разговаривающихъ за тонкой перегородкой, но и сидящихъ рядомъ съ вами.

Общая картина «Бубновской дыры» была похожа на филіальное отдѣленіе ада... гдѣ грѣшники съ дикимъ крикомъ, смѣхомъ, а иногда и съ пьяными слезами, убивали себя алкоголемъ...

Я зналъ нѣскольскихъ бубновскихъ прихожанъ, которые долгіе годы выпивали тамъ ежедневно по 50—60 рюмокъ вина и водки...

Отъ винныхъ испареній и табачнаго дыма атмосфера «въ дырѣ» была похожа на лондонскій туманъ, въ которомъ на разстояніи трехъ шаговъ ничего нельзя видѣть...

Въ «Бубновской дырѣ» нѣкоторые купцы ухитрялись пропивать цѣлыя состоянія... Для купцовъ существовало еще одно довольно оригинальное учрежденіе подъ названіемъ «Яма», куда сажали несостоятельныхъ должниковъ. «Яма» находилась у Воскресенскихъ воротъ, въ зданіи Губернскаго правленія. Тамъ, во дворѣ, въ одномъ изъ флигелей,

было отведено довольно большое и чистое помѣщеніе съ окнами за желѣзными рѣшетками. Сюда сажали неисправныхъ должниковъ.

Это дѣлалось просто. Купецъ не платитъ по векселю.

Кредиторъ предъявлялъ къ взысканію въ Коммерческій судъ протестованный вексель и при этомъ вносилъ «кормовыя деньги». Должника немедленно арестовывали и отправляли съ городовымъ въ «Яму», «на высидку».

Туда, какъ ихъ называли «несчастненькимъ», жертвовали чай, сахаръ, калачи, сайки и проч. А иногда, къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова, болѣе сердобольные благотворители выкупали заключенныхъ, то-есть уплачивали ихъ долги и должниковъ выпускали на свободу.

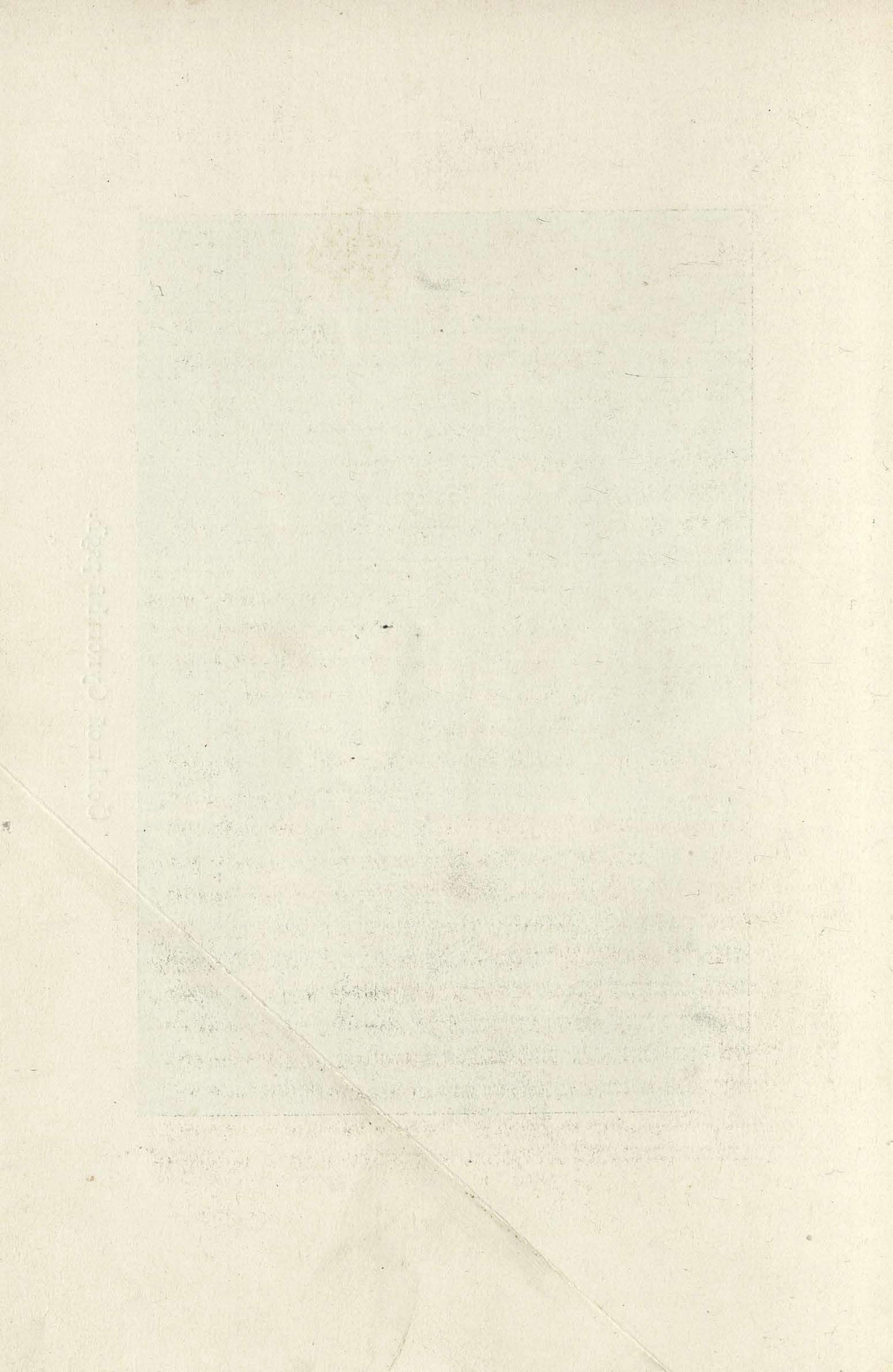
Затѣмъ купцы, и въ особенности замоскворѣцкія купчихи, въ праздникъ Благовѣщенія любили выпускать на свободу пернатыхъ плѣнниковъ. Для этого ихъ степенства ѣхали на своихъ тысячныхъ рысакахъ на Трубу, гдѣ въ день Благовѣщенія былъ особенно большой базаръ. Покупали тамъ сотни пташекъ и выпускали ихъ на свободу.

Купечество ранѣе подраздѣлялось на три гильдіи, при чемъ каждому купцу Сиротскимъ судомъ назначалась опека надъ малолѣтними сиротами, купеческаго и мѣщанскаго сословія.

Распредѣленіемъ опекъ завѣдывали чиновники Сиротскаго суда, получавшіе оклады жалованья,

Большой Суконный рядъ.

установленные еще во времена легендарнаго «царя Гороха»; такъ, напримѣръ, тамъ были чиновники, получавшіе жалованья въ мѣсяцъ по 2 руб. 63 к., но, несмотря на скудость такихъ невѣроятныхъ окладовъ, они жили довольно зажиточно.

Для чиновниковъ доходной статьей служили опеки и купцы, для послѣднихъ Сиротскій судъ съ его опеками былъ такъ же страшенъ, какъ для купчихи въ комедіи Островскаго были страшны слова «металлъ и жупелъ»...

Начиналось съ того, что купецъ получалъ изъ Сиротскаго суда приказъ принять въ завѣдываніе многочисленную и сложную опеку, требовавшую много траты времени и денегъ. Желая избавиться отъ такой напасти, купецъ шелъ въ Сиротскій судъ, отыскивалъ тамъ приславшаго указъ чиновника и обращался къ нему съ покорнѣйшей просьбой избавить его отъ такой сложной опеки, за что обѣщалъ поблагодарить чиновника; послѣднему только это и нужно было. Онъ бралъ съ купца взятку отъ 20 до 50 рублей и мѣнялъ опеку сложную на болѣе легкую.

Купцы говорили, что на землѣ есть только четыре учрежденія одинаковаго ранга: Сиротскій судъ, Консисторія, Коммерсіатъ и адъ... Въ то время еще не знали сенаторскихъ ревизій и поэтому въ Сиротскомъ судѣ взятки брали безъ всякихъ опасеній, почти легальнымъ образомъ.

Въ 1893-мъ году, на дѣйствія Сиротскаго суда

обратилъ вниманіе московскій городской голова Н. А. Алексѣевъ.

По его настоянію была произведена генеральная чистка этого архаическаго учрежденія, были установлены приличные оклады жалованья для чиновниковъ, уничтожены взятки и въ заключеніе всего сложены съ купцовъ обязанности опекуновъ.

Фруктовый «Глаголь» и фасадъ Гостинаго двора по улицѣ Ильинкѣ.

XX.

Угловыя зданія городскихъ рядовъ, выходившія на Ильинку и Никольскую, назывались «Глаголями». Въ одномъ изъ нихъ, Ильинскомъ, торговали фруктами, гастрономическими и бакалейными товарами; въ другомъ, Никольскомъ, писчей бумагой, письменными и канцелярскими принадлежностями.

Между Глаголями, во всю длину Красной площади, находилась самая бойкая и оригинальная часть Гостинаго двора, Ножевая линія. Съ одной стороны ея были расположены лавки съ модными товарами, съ другой, между наружныхъ дверей, выходившихъ на Красную площадь, въ каменныхъ простѣнкахъ помѣщались многочисленные шкафчики. Каждый шкафчикъ занималъ пространства три аршина въ длину и два аршина въ ширину. Торговавшіе въ нихъ купцы всегда находились съ наружной стороны прилавка, то-есть стояли вмѣстѣ съ покупателями. Шкафчики для торговли были крайне неудобны, а для здоровья торгующихъ безусловно вредны: около нихъ былъ всегда сквозной вѣтеръ; зимой въ метель ихъ заносило снѣ-

гомъ, лѣтомъ поливало косымъ дождемъ. Поэтому большинство купцовъ, торговавшихъ въ шкафчикахъ, часто простуживались и болѣли. Въ шкафчикахъ торговали: дешевыми кружевами, бахромой, пуговицами, иголками, разными отдѣлками и т. п.

Проходъ между лавками и шкафчиками былъ шириной 4 аршина. Выставки въ лавкахъ были маленькія и плохія, ихъ замѣняли купцы и ихъ приказчики, которые стояли около своихъ лавокъ и громко зазывали къ себѣ проходившую публику.

Указывая пальцемъ на свои лавки, они выкрикивали: «Пожалуйте, у насъ есть для васъ атласъ, канифасъ и проч. шелковые товары». Торговцы сапогами и башмаками не довольствовались обыкновеннымъ зазываніемъ покупателей у своихъ лавокъ:—они, для болѣе нагляднаго понятія объ ихъ товарѣ, давали своимъ мальчикамъ подъ мышки по парѣ сапоговъ и посылали ихъ на Красную площадь зазывать покупателей. Цѣлый день мальчики ходили по тротуарамъ кругомъ рядовъ и каждому встрѣчному предлагали купить сапоги.

Найдя желающаго, мальчикъ приводилъ его въ лавку и передавалъ приказчикамъ, а самъ снова шелъ на площадь ловить покупателей, которые назывались «площадными».

Продать имъ было очень трудно, такъ какъ эти покупатели предлагали всегда полцѣны, а иногда и менѣе.

По рядамъ и по Красной площади ходили еще бродячіе сапожники, такъ называемые подбойщики, они имѣли при себѣ небольшіе куски кожи, ножъ, гвозди, молотокъ и толстую деревянную палку съ желѣзной лапкой. Съ помощью этихъ инструментовъ, они на самыхъ видныхъ и бойкихъ мѣстахъ, за дешевую цѣну, чинили старые сапоги. Для этого обладатель худыхъ сапоговъ, несмотря ни на какую погоду, разувался на улицѣ и стоялъ босикомъ, пока подбойщикъ чинилъ его сапоги.

На московскихъ улицахъ такія сцены и типы теперь уже болѣе не встрѣчаются.

Въ Ножевой линіи среди купцовъ и ихъ служащихъ было множество типовъ Островскаго. Такъ, напримѣръ: недалеко отъ лавки Заборова, въ шкафчикѣ, торговалъ галантереей низенькій, бритый старичокъ Червяковъ. Онъ одѣвался лѣтомъ въ крылатку, а зимой въ енотовую шубу со стоячимъ воротникомъ. На головѣ у него всегда былъ высокій цилиндръ, съ которымъ онъ не разставался и зимой, даже въ сильные морозы. Въ общемъ фигура Червякова была въ высшей степени комична. Онъ былъ настолько мнительный человѣкъ, что не вѣрилъ не только постороннимъ, но и самому себѣ.

Каждый вечеръ онъ запиралъ и печаталъ свой шкафчикъ болѣе часа. Окончивъ печатать, онъ снималъ съ головы цилиндръ и начиналъ молиться на всѣ четыре стороны, сначала на рядскую икону,

затѣмъ на свой шкафчикъ, на сосѣднюю лавку и на фруктовый «Глаголь».

Послѣ этого онъ уходилъ. Отойдя отъ своего шкафчика 200—300 шаговъ, онъ возвращался и начиналъ опять осматривать и ощупывать въ шкафчикѣ всѣ замки и печати. Затѣмъ снова молился на всѣ четыре стороны и уходилъ, но чрезъ нѣсколько минутъ опять являлся за тѣмъ же... Такимъ образомъ ревизію замковъ и печатей старичокъ производилъ ежедневно по нѣсколько разъ.

Онъ прекращалъ это занятіе, когда рядскіе сторожа выводили изъ подземелья цѣпныхъ собакъ и пускали ихъ на всю ночь въ Ножевую линію.

Другой оригиналъ, нѣкто Батраковъ, торговавшій готовымъ платьемъ, ежедневно съ утра уходилъ въ «Бубновскую дыру», откуда возвращался всегда вечеромъ красный, какъ вареный ракъ. Входя въ лавку, онъ громко спрашивалъ приказчиковъ: «Что, продавали?» Старшій приказчикъ отвѣчалъ: «Продавали-съ». Купецъ шелъ за прилавокъ къ «выручкѣ», отворялъ пустой ящикъ... «А гдѣ же деньги?»

«Да вѣдь продавали, да не продали-съ»...

Купецъ молча подходилъ къ приказчику и что-то долго и внушительно шепталъ ему въ ухо...

Интересенъ былъ еще сосѣдъ Еремкинъ, торговавшій чаемъ, хотя торговлей онъ совсѣмъ не занимался. Его профессія была «ходатайствовать вездѣ и повсюду, за всѣхъ и за вся».

Подбойщикъ
(бродячій сапожникъ).

Для этого онъ имѣлъ знакомство въ разныхъ судахъ, канцеляріяхъ, правленіяхъ и проч. Онъ никогда не отказывался ни отъ какого дѣла, за все брался,—за возможное и невозможное.

Главная спеціальность его была доставать купцамъ медали, ордена, званіе почетнаго гражданина и проч. За свои услуги онъ бралъ не дорого, и поэтому всегда имѣлъ среди купцовъ большую кліентуру.

XXI.

Былъ еще довольно пожилыхъ лѣтъ купецъ Королевъ, торговавшій обувью; этотъ субъектъ былъ большой любитель пожаровъ... Онъ обязательно ѣхалъ на каждый пожаръ, гдѣ бы онъ ни былъ; днемъ или ночью—это безразлично, и уѣзжалъ онъ оттуда всегда послѣднимъ, когда погасятъ пожаръ.

Но самой яркой и типичной фигурой въ Ножевой линіи былъ нашъ хозяинъ—старикъ Заборовъ.

Онъ всегда сидѣлъ на высокомъ табуретѣ у входа въ лавку; съ другой стороны двери стояла кучка его приказчиковъ и хоромъ зазывала въ лавку всѣхъ проходившихъ, предлагая имъ купить башмаки и сапоги. Заборовъ торговалъ оптомъ и въ розницу; годичный оборотъ его былъ нѣсколько болѣе ста тысячъ рублей. Какъ бы ни было много въ лавкѣ покупателей, всѣ приказчики не могли отсюда уйти. Здѣсь было постоянное дежурство: на обязанности дежурнаго лежало «зазывать» покупателей. Многимъ проходящимъ это «зазыванье» не нравилось, они въ отвѣтъ зазывателю говорили: «Какой Барбосъ»... Въ остальныхъ рядахъ зазыванье практиковалось въ меньшихъ размѣрахъ.

Ножевая линія передъ сломкой въ 1886 г.

Очень типиченъ былъ иконный рядъ. Одну половину его занимали иконныя лавки, а другую бабы, торговавшія въ маленькихъ шкафчикахъ ручными кружевами.

Въ иконныхъ лавкахъ иконы не продавались, а «вымѣнивались»... Это дѣлалось такимъ образомъ: покупатель, входя въ лавку, говорилъ: «я бы желалъ вымѣнять икону».

Продавецъ въ отвѣтъ на это быстро снималъ съ своей головы картузъ и клалъ его тутъ же на прилавокъ.

Покупатель слѣдовалъ примѣру продавца и стоялъ также съ непокрытой головой. Икона выбрана. Покупатель спрашиваетъ: «Сколько стоитъ вымѣнять икону?» Купецъ назначалъ за нее баснословную цѣну. Начинался торгъ. Для большей убѣдительности, продавецъ говорилъ, что онъ назначилъ цѣну божескую, потому что за иконы торговаться грѣшно...

Покупатель съ нимъ соглашался и покупалъ икону за «божескую» цѣну. Иконы вымѣнивали большею частію рогожскіе и замоскворѣцкіе купцы.

Болѣе интеллигентные покупатели не соглашались съ «божескими» цѣнами, назначаемыми купцомъ. Просили его покрыть голову картузомъ и взять за иконы половину «божеской» цѣны.

Продавецъ быстро шелъ на уступки и продавалъ икону за предлагаемую цѣну.

Купцы и приказчики, торговавшіе иконами, были всѣ поголовно ярыми алкоголиками.

Они въ «Бубновской дырѣ» считались самыми почетными гостями и пользовались особымъ уваженіемъ.

Нѣкоторымъ изъ нихъ, десятки лѣтъ выпивавшимъ тамъ ежедневно невѣроятное количество вина, дѣлалась значительная скидка. Этой заслуженной привилегіей купцы очень гордились.

Какъ извѣстно, во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ имѣются свои особыя мѣтки, которыми размѣчаютъ товаръ. Для этого купецъ выбираетъ какое-нибудь слово, имѣющее десять разныхъ буквъ, напримѣръ «Мельниковъ»: съ помощью этихъ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

буквъ, онъ пишетъ единицы, десятки, сотни и тысячи.

Однажды я былъ очевидцемъ слѣдующей интересной сценки.

Въ иконную лавку пришли два купца, старый и молодой, и съ ними три женщины покупать для свадьбы три иконы, они выбирали ихъ довольно долго, затѣмъ спросили, сколько стоитъ вымѣнять вотъ эти три иконы? Продавецъ назначилъ за нихъ 150 рублей. Купцы нашли эту цѣну слишкомъ дорогой и начали объясняться между собой своей мѣткой, слѣдующимъ образомъ: молодой человѣкъ, очевидно женихъ, обращаясь къ отцу, произнесъ: «Можно дать арцы, иже, покой».

Узенькій рядъ передъ сломкой въ 1886 г.

Старикъ на это отвѣтилъ: «Нѣтъ, это дорого, довольно будетъ твердо, онъ», и, обращаясь къ продавцу, сказалъ: «хочешь взять 90 руб. больше гроша не дадимъ, а то купимъ въ другомъ мѣстѣ». Продавецъ быстро пошелъ на уступки и иконы были проданы купцамъ за «твердо, онъ»...

Въ центрѣ Гостинаго двора былъ рядъ такъ называемыхъ «мѣнялъ», изъ нихъ большинство были хлысты. Они размѣнивали деньги, продавали и покупали серіи и купоны.

Мѣнялы помѣщались въ лавочкахъ шириной въ $1^1/_2$ аршина; передъ каждымъ изъ нихъ на прилавкѣ стояли стопки мелкой серебряной монеты. Одинъ изъ мѣнялъ, нѣкто Савиновъ, отличался большой эксцентричностью. Человѣкъ очень богатый, всегда трезвый и скупой, онъ часто устраивалъ довольно странные и нелѣпые загулы. Такъ, напримѣръ, въ теченіе зимы онъ разъ 8—10 нанималъ роскошную тройку и катался на ней одинъ съ утра до вечера взадъ и впередъ по Красной площади.

Лѣтомъ Савиновъ гулялъ по-другому: онъ наряжался въ бѣлый костюмъ, голову покрывалъ бѣлымъ колпакомъ, въ видѣ скуфьи, а на указательный палецъ правой руки надѣвалъ золотой перстень съ громаднымъ брилліантомъ.

Въ такомъ шутовскомъ видѣ онъ сидѣлъ цѣлые дни на скамейкѣ, на Тверскомъ бульварѣ, при чемъ указательный палецъ съ брилліантомъ,

все время выставлялъ напоказъ. Савиновъ былъ 55-лѣтній толстый и довольно бодрый старикъ. Проходившая публика съ большимъ удивленіемъ смотрѣла на этого оригинальнаго шута и добродушно посмѣивалась... Въ старые годы, на Красной площади, размѣномъ мелкой монеты занимались нищіе, они брали за размѣнъ съ каждаго рубля по 3 копейки—вотъ откуда берутъ свое начало такъ называемые мѣнялы и мѣняльныя лавки; послѣднія теперь называются банкирскими конторами, а мѣнялы—банкирами.

XXII.

Многіе небогатые купцы не имѣли ни приказчика, ни мальчика, но въ трактиръ ходили аккуратно каждый день по два раза и сидѣли тамъ довольно долго. Уходя въ трактиръ, купецъ не запиралъ лавку и даже не затворялъ ея, а просто ставилъ поперекъ дверей метлу и уходилъ спокойно. Если въ его отсутствіе приходилъ покупатель и, увидѣвъ въ дверяхъ вмѣсто купца— метлу, онъ безропотно уходилъ обратно, оставляя покупку до другого раза.

Зимой въ сильные морозы хозяева весь день сидѣли въ трактирѣ, а мерзнуть въ лавкахъ великодушно предоставляли приказчикамъ и мальчикамъ.

Особенно страдали отъ холода послѣдніе, такъ какъ ихъ одѣвали очень плохо.

Морозы иногда доходили до 30 градусовъ и болѣе; птицы на лету замерзали и падали. Въ такіе жестокіе морозы, бывало, совсѣмъ окоченѣешь, застынетъ все и снаружи и внутри.

Когда на морозѣ выпьешь горячаго чаю, то онъ производилъ въ желудкѣ дѣйствіе расплавлен-

наго свинца, а на другой день появлялась подъ подбородкомъ большая опухоль и больно было глотать. Такая болѣзнь называлась «чушкой». Въ большіе морозы для согрѣванія торговцевъ по всѣмъ рядамъ протягивали толстые канаты, ихъ тянули съ крикомъ множество людей и этимъ согрѣвались. Затѣмъ еще играли «въ ледки»—большой кусокъ льда гоняли ногами по рядамъ.

Ночью въ сильные морозы, на Театральной площади и на перекресткахъ центральныхъ улицъ, жгли большіе костры, для согрѣванія бѣдныхъ людей. Возвращаясь изъ ежедневныхъ «походовъ» домой, часто съ отмороженными ногами и руками, такъ какъ намъ теплыхъ сапоговъ и варишекъ не давали, я часто отогрѣвался у костра на Театральной площади, въ компаніи кучеровъ и извозчиковъ, ожидавшихъ театральнаго разъѣзда.

Въ Гостиномъ дворѣ строго было запрещено курить табакъ и зажигать огонь, поэтому въ темные осенніе дни лавки запирались въ 3 часа дня.

Жизнь въ рядахъ была семейно-патріархальная. Какъ только отпирали лавки, сосѣди собирались въ ряду кучками и сообщали разныя новости, а то такъ просто разсказывали другъ другу, кто какъ вчера провелъ время.

Такія сосѣдскія бесѣды назывались «чёской»,— продолжать ее шли компаніей въ трактиръ, гдѣ за чаемъ сидѣли 2-3 часа. Затѣмъ уходили въ свои лавки. Побывъ въ нихъ недолго, собира-

У костра, на Театральной площади.

лись снова компаніи и опять уходили въ трактиръ.

Такимъ образомъ купцы проводили время незамѣтно и весело. Въ то же самое время, жены ихъ то же не скучали.

Московскія купчихи большую часть дня проводили у себя дома за ѣдой, за чаемъ и въ бесѣдахъ. Для этихъ занятій у нихъ имѣлись цѣлые штаты разныхъ приживалокъ, богомолокъ, странниковъ и свахъ; безъ послѣднихъ не обходилась ни одна купеческая свадьба.

Особенно славились свахи замоскворѣцкія; это былъ очень интересный типъ, онѣ и одѣвались по-особенному, платья носили самыхъ яркихъ цвѣтовъ, сверхъ которыхъ накидывали на плечи большія пестрыя турецкія шали, голову повязывали шелковыми цвѣтными косынками, отъ послѣднихъ кончики торчали у нихъ на лбу въ видѣ маленькихъ роговъ.

Свахи говорили всегда голосомъ пѣвучимъ и мягкимъ, въ разговорѣ съ купчихами онѣ часто произносили слова: «мраморная ты, моя», «золотая», «брилліантовая» и проч.—купчихи любили слушать такія елейныя слова и угощали за нихъ свахъ тенеривомъ и разными наливками.

Сваха начинала съ того, что сначала заводила знакомство съ прислугой, у которой незамѣтнымъ образомъ выпытывала характеръ, привычки и тайны хозяевъ, затѣмъ, съ помощью подкупа прибли-

женныхъ лицъ, она смѣло пробиралась въ купеческій домъ, гдѣ быстро завоевывала расположеніе хозяевъ и становилась непремѣннымъ членомъ и совѣтникомъ купеческой семьи, поэтому въ прежнее время въ купеческомъ быту свахи играли довольно видную роль и зарабатывали хорошія деньги.

Въ семидесятыхъ годахъ, купеческія свадьбы справлялись съ большой помпой и сопровождались различными обрядами. Обыкновенно дѣло начиналось смотринами: въ домъ къ невѣстѣ пріѣзжалъ женихъ съ родителями и свахой; разумѣется, при этомъ, какъ невѣста, такъ и женихъ чувствовали себя очень неловко, часто не зная о чемъ начать разговоръ. Тогда на сцену выступала сваха и скоро и умѣло наводила молодыхъ людей на пріятную бесѣду.

За смотринами, въ скоромъ времени слѣдовалъ сговоръ, то-есть коммерческая сдѣлка относительно денегъ и приданаго.

Если у родителей жениха и невѣсты почему-либо дѣло не ладилось, тогда на выручку являлась сваха и, съ ловкостью опытнаго дипломата, мирила торговавшихся отцовъ и такимъ образомъ быстро налаживала дѣло.

Затѣмъ устраивался дѣвичникъ, на него въ числѣ гостей собирались подруги невѣсты, которыя пѣли свадебныя пѣсни, за что женихъ одѣлялъ ихъ подарками и конфетами.

За нѣсколько дней до свадьбы, къ невѣстѣ пріѣзжалъ женихъ съ родителями и свахой, для принятія приданаго; послѣднее для этой цѣли развѣшивалось на веревкахъ въ парадныхъ комнатахъ.

Во время инспекторскаго смотра, между родителями жениха и невѣсты часто происходили довольно курьезныя сцены и недоразумѣнія, на почвѣ качества и количества вывѣшенныхъ вещей. Но сваха и тутъ выручала и мирила споръвшихъ стариковъ. По окончаніи смотра приданое снимали съ веревокъ, укладывали въ деревянные сундуки, обитые жестью, запирали большими висячими замками и отправляли къ жениху. Въ это время подруги невѣсты запирали ворота на замокъ, ключъ брали къ себѣ и требовали «выкупа» у жениха; послѣдній дарилъ дѣвушкамъ 50—100 рублей и онѣ отдавали ему ключъ.

Въ день свадьбы, невѣсту везли въ церковь въ золоченой каретѣ, запряженной четырьмя красивыми вороными лошадьми цугомъ, на козлахъ помѣщался десятипудовый кучеръ, впереди его сидѣлъ верхомъ форейторъ, а сзади кареты, на запяткахъ, стояли два лакея въ бѣлыхъ ливреяхъ.

Свадебный кортежъ ѣхалъ въ церковь одной дорогой, а возвращался другой; это дѣлалось для того, чтобы злые люди не могли «сглазить» невѣсту.

Вѣнчаніе происходило при торжественной обстановкѣ, для этого приглашались чудовскіе пѣвчіе

въ парадныхъ кафтанахъ и голосистые протодіаконы; послѣдніе при чтеніи апостола особенно громко выкрикивали: «а жена да убоится своего мужа».

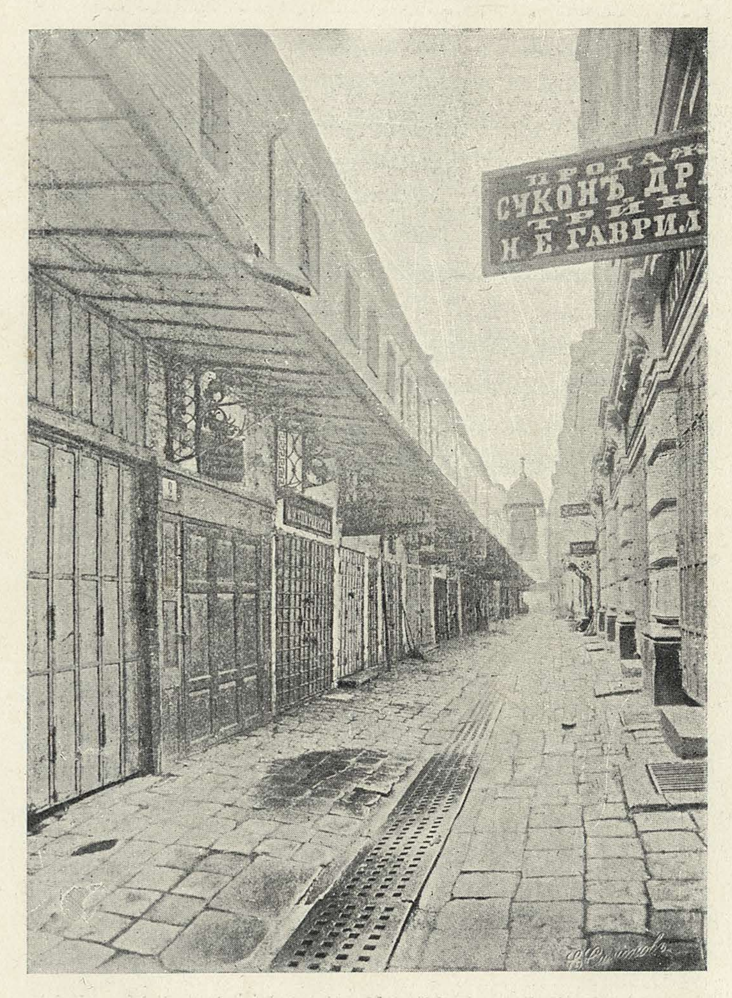
Послѣ вѣнчанія, изъ церкви всѣ ѣхали въ домъ кондитера, гдѣ жениха и невѣсту встрѣчали пѣвчіе концертомъ, оркестръ тушемъ и собравшіеся гости съ бокалами шампанскаго; балъ продолжался до утра.

На другой день поздно утромъ просыпались молодые и выходили въ столовую, гдѣ ихъ встрѣчали горничныя, артельщики и мальчики, посланные отъ родственниковъ и друзей съ различными дарами. Тутъ были гигантскіе филипповскіе калачи, перевязанные цвѣтными лентами, сдобные хлѣбы съ солонками и разными надписями; эти вещи подносились на большихъ деревянныхъ блюдахъ, покрытыхъ бѣлыми расшитыми полотенцами. А также дарили серебряныя вещи: братины, чарки, ковши, столовое серебро и живыхъ бѣлыхъ гусей, шеи которыхъ были перевязаны голубыми и красными лентами.

Послѣ пріема даровъ, молодые одѣвали парадные костюмы, садились въ карету и ѣхали съ визитомъ ко всѣмъ женатымъ гостямъ, бывшимъ на ихъ свадебномъ балу.

Въ каждомъ домѣ ихъ угощали виномъ, фруктами, конфетами, чаемъ и проч.

Сдѣлавъ такихъ 15—20 визитовъ, молодые поз-

Старый Ветошный рядъ.

дно вечеромъ возвращались домой усталые и съ отравленными желудками отъ разныхъ угощеній.

Такіе визиты иногда продолжались два-три дня.

Въ настоящее время купеческія свадьбы устраиваются болѣе просто, почти безъ всякихъ обрядовъ, чисто по-коммерчески: сторгуются, вѣнчаются, выпиваютъ шампанскаго и тотчасъ уѣзжаютъ за границу; оттуда вскорѣ возвращаются, разводятся и разъѣзжаются.

Исключая свахъ, сватовствомъ занимались еще сваты, они главнымъ образомъ оперировали среди жениховъ въ Гостиномъ дворѣ, но дѣятельность ихъ сравнительно со свахами была менѣе популярна.

XXIII.

Съ ранняго утра и до поздняго вечера, по городскимъ рядамъ бродило много публики, покупателей, поставщиковъ, мастеровыхъ, артельщиковъ, ломовыхъ извозчиковъ, нищихъ и друг.

Въ лавкахъ повсюду была видна кипучая дѣятельность: продавали, покупали и отправляли разные товары.

Въ общемъ, во всей разнообразной и шумной толпѣ было много жизни и движенія.

Среди публики по рядамъ ходили многочисленные разносчики, носившіе на головахъ въ длинныхъ лоткахъ, покрытыхъ теплыми одѣялами, жареную телятину, ветчину, сосиски, пироги, сайки и проч., при этомъ всѣ разнозчики на разные голоса громко выкрикивали названіе своихъ товаровъ.

Каждый разносчикъ имѣлъ свою кличку. Изъ нихъ нѣкоторые назывались: «Козломъ», «Пѣтухомъ», «Бариномъ», «Улитой» и т. п. Затѣмъ еще были интересные типы «рядскихъ поваровъ».

Они носили въ одной рукѣ большой глиняный горшокъ со щами, завернутый въ теплое одѣяло,

Съ картины Прянишникова.

Сценка изъ жизни Гостинаго двора.

въ другой рукѣ корзину съ мисками, деревянными ложками и чернымъ хлѣбомъ.

Миска горячихъ вкусныхъ щей съ мясомъ стоила 10 коп.

Послѣ ѣды миски съ остатками щей и хлѣба торговцы ставили на полъ въ рядахъ, около своихъ лавокъ, гдѣ ихъ доѣдали бѣгавшія по рядамъ бродячія собаки.

Потомъ приходилъ поваръ, собиралъ миски, тутъ же вытиралъ ихъ грязнымъ и сальнымъ полотенцемъ и снова наливалъ въ нихъ желающимъ горячихъ щей.

По всѣмъ рядамъ ходило множество нищихъ и юродивыхъ; среди нихъ было много прогорѣвшихъ купцовъ, спившихся и выгнанныхъ приказчиковъ, чиновниковъ и другихъ.

Ихъ степенства Титъ Титычи часто заставляли бывшихъ людей пѣть и плясать около своихъ лавокъ. Такую сцену прекрасно изобразилъ Прянишниковъ на своей картинѣ, находящейся въ Третьяковской галлереѣ.

По рядамъ также ходили бродячіе музыканты и увеселяли купцовъ немудрой музыкой. Въ Новый годъ приходило много военныхъ музыкантовъ, которые послѣ музыки поздравляли купцовъ съ Новымъ годомъ.

Приказчики и мальчики забавлялись прикалываніемъ на спину нищимъ и юродивымъ юмористическихъ фигуръ, вырѣзанныхъ изъ бумаги, и къ

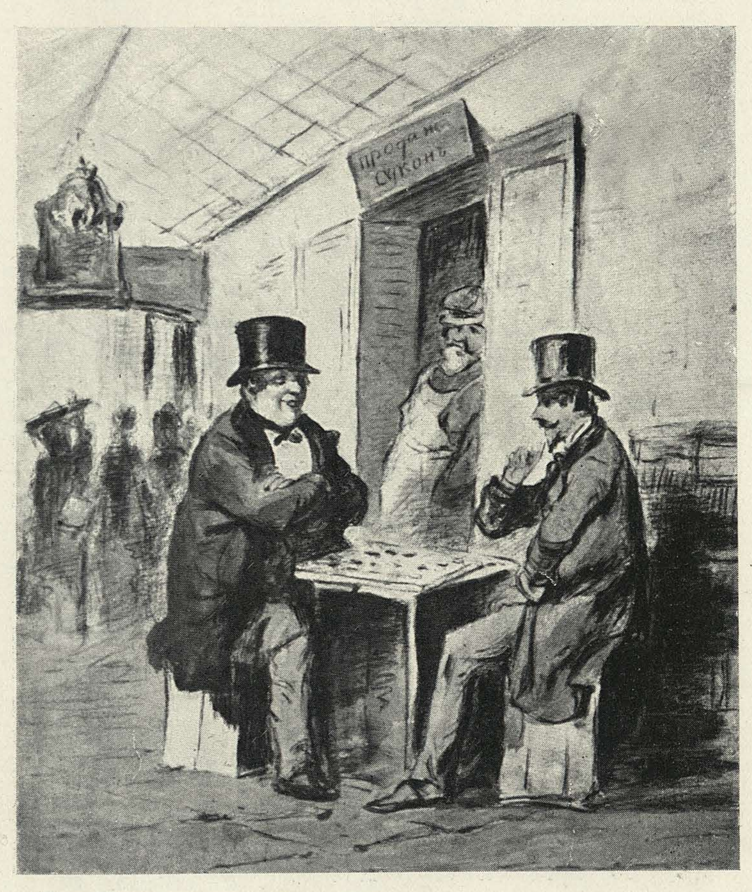
нимъ разныхъ надписей, съ которыми и безъ того обиженные судьбой ходили по рядамъ, повсюду возбуждая смѣхъ своимъ видомъ.

Затѣмъ подбрасывали на бойкихъ мѣстахъ коробки съ живыми мышами, тщательно завернутыя въ бумагу; проходившіе охотно подбирали такія находки и быстро скрывались съ ними...

Въ большомъ ходу была еще слѣдующая забава: на полу, посрединѣ ряда, клали мелкую серебряную монету, къ ней приклеивали тонкую черную нитку, которую протягивали по полу въ лавку; конецъ нитки находился въ рукахъ служащаго. Прохожій, увидѣвъ лежавшую на полу серебряную монету, быстро нагибался, чтобы поднять ее, въ этотъ моментъ изъ лавки дергали нитку и монета улетала изъ-подъ носа удивленнаго прохожаго... Эта продѣлка сопровождалась всегда гомерическимъ хохотомъ купцовъ.

Зимой, въ сильные морозы, такая забава продѣлывалась нѣсколько иначе. Монету не привязывали, а примораживали къ полу,—нашедшій сначала отдиралъ монету ногтями, но это ему не удавалось, тогда онъ начиналъ энергично откалывать ее каблукомъ. Купцы смѣялись и говорили нашедшему: «А ты попробуй копытцемъ»... Нашедшій ругалъ купцовъ и удалялся... монета оставалась на мѣстѣ.

Въ Гостиномъ дворѣ была распространена игра въ шашки, для этого купцы садились въ ряду

Игра въ шашки.

около своихъ лавокъ на табуреты или ящики и играли по цѣлымъ днямъ. Среди игроковъ были настоящіе виртуозы, игру коихъ собирались смотрѣть много любопытныхъ, иногда державшихъ за игроковъ крупныя пари.

На Ѳоминой недѣлѣ въ Гостиномъ дворѣ устраивалась дешевка, для которой спеціально заготовлялся разный бракъ и никуда не годныя вещи. Для этого съ наружной стороны, около лавокъ, становились временные прилавки, на нихъ лежали большими кучами разные товары и въ нихъ покупательницы копались, какъ куры. Продажа на дешевкѣ обставлялась особыми правилами, такъ, напримѣръ: купленный на дешевкѣ товаръ не мѣняли, за его качество не отвѣчали и ни подъ какимъ предлогомъ денегъ обратно не выдавали.

Въ башмачныхъ лавкахъ было еще добавочное правило: на дешевкѣ обувь примѣрять не позволялось; башмаки, крѣпко связанные парами, большею частью были разные, то-есть одинъ больше, другой меньше, или уже очень одинаковые—два башмака и оба на одну ногу. Такіе башмаки покупательницы приносили обратно и просили перемѣнить, но имъ категорически въ этомъ отказывали, мотивируя тѣмъ, что на дешевкѣ ни за что не отвѣчаютъ.

По этому поводу между покупателями и продавцами часто происходили довольно непріятные инциденты.

На ночь всѣ многочисленные входы въ Гостиный дворъ закрывались ветхими худыми дверями, сколоченными изъ тонкихъ досокъ и лубковъ.

Внутри Гостиный дворъ охранялся рядскими сторожами и множествомъ злыхъ собакъ, при чемъ каждый рядъ, во всю его ширину, завѣшивался рваными брезентами и рогожами.

Ночныя кражи въ рядахъ были довольно рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ.

Несмотря на то, что въ Гостиномъ дворѣ безусловно было запрещено курить табакъ и зажигать огонь, тамъ иногда случались пожары, по обыкновенію «отъ неизвѣстной причины».

Такъ какъ въ ряды не могли проѣхать конные пожарные, то для тушенія рядскихъ пожаровъ имѣлась въ Городской части особая пѣшая пожарная команда, прибѣгавшая на пожаръ всегда съ большимъ опозданіемъ, при чемъ каждую бочку съ водой везли трое пожарныхъ.

Эта черепашья команда, при тушеніи пожаровъ, приносила пользы очень мало; обыкновенно ее же посылали на дежурство во время спектаклей въ Большой и Малый театры.

Среднiй проходъ передъ сломкой въ 1886 г.

XXIV.

Въ Москвѣ, съ незапамятныхъ временъ, Великій постъ начинается грибнымъ и кончается вербнымъ базарами.

Грибной базаръ устраивается ежегодно на первой недѣлѣ Великаго поста и продолжается семь дней; онъ помѣщается на набережной Москвы-рѣки, отъ Большого Каменнаго моста до Воспитательнаго дома, и занимаетъ пространство около двухъ верстъ.

На всемъ протяженіи базара, устанавливаются въ два ряда деревенскія сани розвальни, изъ нихъ выпрягаютъ лошадей, поднимаютъ кверху оглобли и на нихъ вмѣсто вывѣсокъ вывѣшиваютъ разные товары: огромныя баранки діаметромъ до 12 вершковъ, связки сушеныхъ грибовъ, гигантскія рѣдьки, лукъ, рѣпу и проч.

Въ саняхъ на старыхъ рваныхъ рогожахъ лежатъ во множествѣ эти продукты, между саней, длинными рядами стоятъ большія, грязныя, деревянныя кадки съ солеными и отварными грибами, которые покупатели вылавливаютъ для пробы, прямо пальцами и, откусивъ грибъ, кидаютъ остатокъ обратно въ кадку. Далѣе расположены палатки съ черносливомъ, изюмомъ, пастилой, клюквой, сит-

цемъ, съ глиняными горшками, деревянными ведрами, ушатами и другими хозяйственными предметами. Въ проходѣ, между палатками и санями движется густая толпа народа, преимущественно бѣднаго и средняго класса, прицѣнивающагося къ выставленнымъ предметамъ.

Большинство этой толпы составляютъ женщины—это небогатыя хозяйки, приходящія съ окраинъ города за покупкой постныхъ продуктовъ. Тутъ же, среди толпы, прогуливается съ громкимъ смѣхомъ и съ неумѣстными шутками учащаяся молодежь обоего пола, а также встрѣчаются мастеровые, не успѣвшіе еще отрезвиться послѣ масленичнаго загула, они ходятъ по базару съ повѣшенными на шею большими баранками и пѣснями; но этихъ гулякъ съ базара быстро удаляетъ полиція.

Ежегодно въ субботу на шестой недѣлѣ Великаго поста, на Красной площади, бываетъ вербный базаръ и гулянье. Для этого, вдоль кремлевской стѣны, противъ Гостинаго двора, устраиваются въ нѣсколько рядовъ полотняныя палатки и лари, въ которыхъ продаютъ: дѣтскія игрушки, искусственные цвѣты, бракованную посуду, лубочныя картины, старыя книги, большею частью съ вырванными листами, букинисты продаютъ ихъ на выборъ по 10—20 копеекъ, и много другихъ вещей въ такомъ же родѣ.

Тутъ же примащиваются иностранцы, греки, продающіе рахатъ-лукумъ, золотыя рыбки и че-

Вербный базаръ, на Красной площади.

репахи; рядомъ съ ними французы пекутъ вафли, которыми охотно лакомится простонародье.

Высоко въ воздухѣ надъ головами многотысячной толпы летаютъ большія связки цвѣтныхъ воздушныхъ шаровъ, при помощи которыхъ московскіе жулики очищаютъ карманы у почтеннѣйшей публики. Для этого они устраиваютъ слѣдующій маневръ: покупаютъ у разносчика 5-6 большихъ воздушныхъ шаровъ, связанныхъ вмѣстѣ, и пускаютъ ихъ на свободу. Шары быстро поднимаются вверхъ. Публика, наблюдая за ихъ полетомъ, поднимаетъ головы кверху, при этомъ, по обыкновенію, многіе широко разѣваютъ ротъ... этимъ моментомъ ловко пользуются воры, вытаскивая изъ кармановъ зѣвакъ: кошельки, часы и все, что попадется.

Составъ вербныхъ продавцовъ главнымъ образомъ состоитъ изъ сухаревцевъ и рыночныхъ торговцевъ. Среди густой толпы гуляющей публики снуетъ множество разносчиковъ и мальчиковъ, предлагающихъ каждому купить: американскаго жителя, похожаго на чорта, закупореннаго въ хрустальную банку съ водой, тещинъ языкъ, развертывающійся въ длину на 10 вершковъ, различныя фигурки обезьянъ, бабочекъ, пауковъ и проч. На каждомъ шагу, надъ ушами раздается оглушительный свистъ и пискъ, производимый дѣтьми, при помощи разныхъ свистковъ и дудокъ. Въ празднично настроенной толпѣ, со всѣхъ сторонъ

раздаются громкій смѣхъ и разныя шутки, на послѣднія особенно изобрѣтательны многочисленные разносчики, продающіе различныя «колбаски для пасхи» и проч. хламъ.

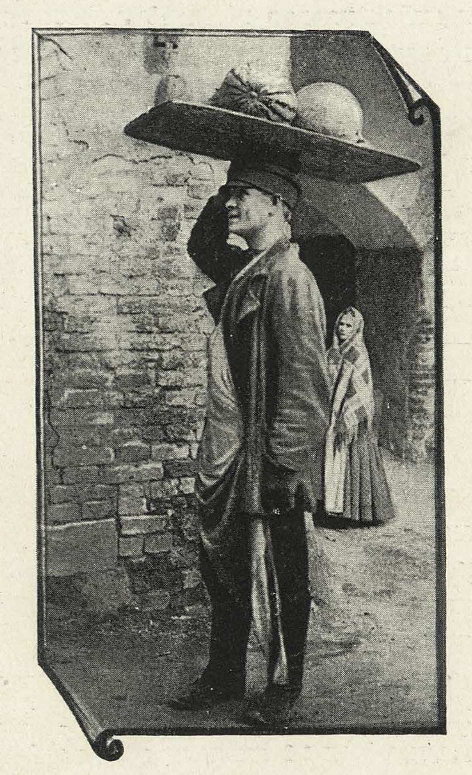
Многолюдное торжище, освѣщенное яркими лучами весенняго солнца, представляетъ собой оживленную и красивую картину Старой Москвы. Вербный базаръ интересенъ тѣмъ, что онъ нисколько не мѣняется: какъ было полвѣка тому назадъ, въ томъ же видѣ устраивается и теперь.

Измѣнилось только вербное катанье, на которомъ въ старые годы именитое московское купечество каталось въ роскошныхъ экипажахъ на тысячныхъ рысакахъ и при этомъ вывозило напоказъ своихъ дочерей-невѣстъ.

Вербныя катанья были особенно красивы и многолюдны въ восьмидесятыхъ годахъ, въ нихъ всегда принималъ участіе хозяинъ Москвы, московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ. На это гулянье онъ выѣзжалъ верхомъ на красивомъ конѣ, окруженный большой блестящей свитой.

На всемъ протяженіи разъѣзда, по обѣимъ сторонамъ Красной площади и Тверской улицы, стояло множество зрителей, любовавшихся красивымъ зрѣлищемъ.

Въ послѣднее время, вербное катанье теряетъ свой прежній видъ, на немъ все менѣе и менѣе становится красивыхъ выѣздовъ; къ сожалѣнію, послѣдніе теперь замѣняютъ автомобилями, разъ-

Разносчикъ съ арбузами.

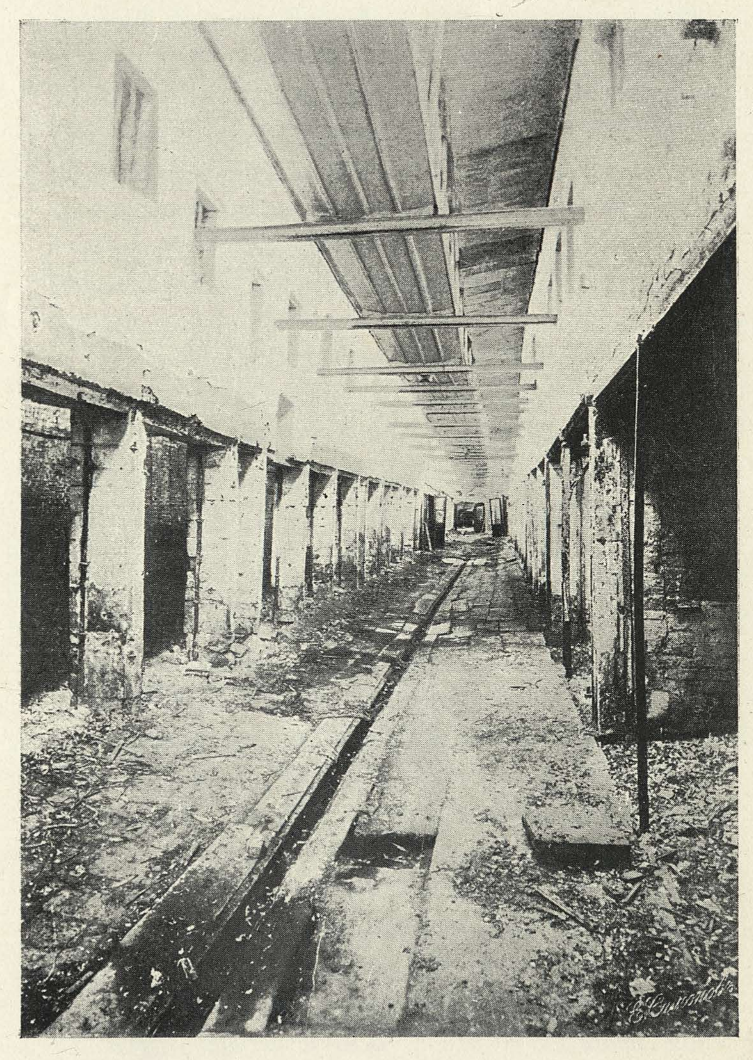
ѣзжающими по московскимъ кривымъ и узкимъ улицамъ, съ головокружительной быстротой, съ дикимъ ревомъ, съ собачьимъ лаемъ и оставляющіе послѣ себя облако пыли и вонючую отвратительную бензиновую гарь. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы автомобилями не былъ задавленъ одинъ, а иногда и нѣсколько пѣшеходовъ.

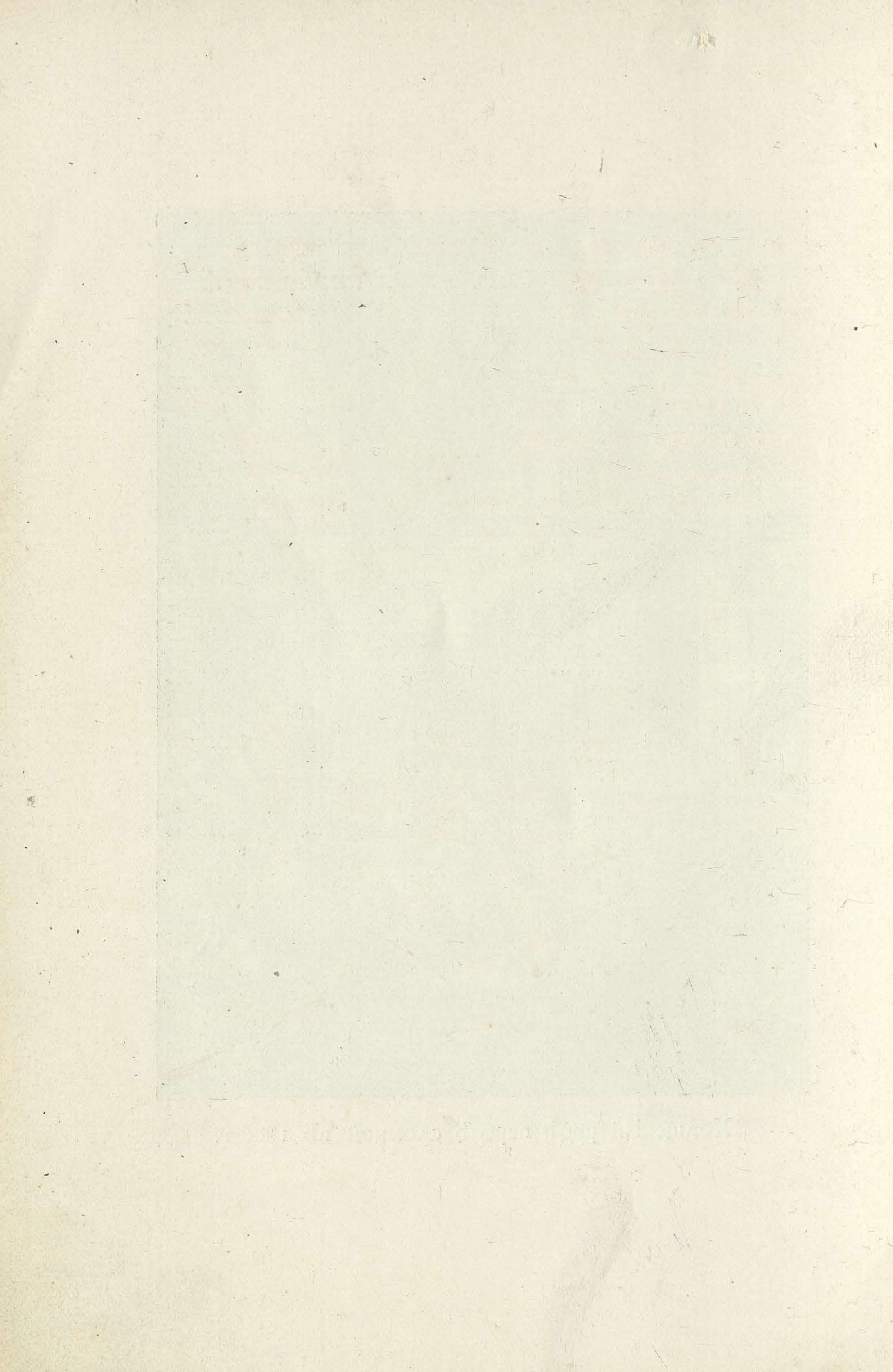
XXV.

Въ центрѣ Москвы, на самомъ бойкомъ мѣстѣ, между Тверской улицей и Театральной площадью (на послѣдней теперь разбитъ красивый скверъ) тянется длинный рядъ невзрачныхъ, низкихъ лавокъ и подваловъ, торгующихъ мясомъ, дичью, рыбой, зеленью, ягодами и фруктами. Эти лавки и подвалы содержатся очень грязно; сзади нихъ находится большой дворъ, подъ названіемъ «Мытный», здѣсь въ маленькихъ лавочкахъ продаютъ: живую рыбу, раковъ, куриныя яйца, зелень и проч.

Посрединѣ Мытнаго двора находится длинное одноэтажное каменное зданіе, въ немъ помѣщается нѣсколько десятковъ птичьихъ боенъ, въ нихъ ежедневно убиваются тысячи куръ, гусей, утокъ и другихъ птицъ. Эти бойни въ центрѣ столицы и окружающія ихъ лавки съ темными и сырыми подвалами, а равно и всѣ остальныя архаическія помѣщенія Охотнаго ряда, настолько грязны и антигигіеничны, что ихъ безусловно давно бы слѣдовало сломать и на ихъ мѣстѣ, по примѣру Парижа и Лондона, построить большой центральный

Холщевый рядъ передъ сломкой въ 1886 г.

крытый рынокъ. Для этого представлялся и удобный случай, но отцы города проворонили его.

Г-нъ Журавлевъ, владѣлецъ Охотнаго ряда, предлагалъ его городу купить за 1.500,000 рублей, но городская дума нашла эту цѣну слишкомъ высокой и отклонила это выгодное предложеніе.

Вскорѣ послѣ этого, Охотный рядъ былъ проданъ князю Прозоровскому-Голицыну за 2.000,000 рублей.

Охотнорядскіе мясники отличаются большой физической силой и свирѣпымъ нравомъ. Отмѣчу слѣдующій случай: въ восьмидесятыхъ годахъ, во время бывшихъ университетскихъ безпорядковъ, студенты демонстративно, съ красными флагами, большой толпой пошли по Моховой улицѣ.

На углу Охотнаго ряда и Тверской улицы ихъ встрѣтила полиція и, преградивъ путь, просила толпу разойтись. Студенты съ крикомъ опрокинули немногочисленныхъ полицейскихъ чиновъ и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ продолжали путь. Тогда на выручку полиціи по собственной инициіативѣ явились охотнорядскіе мясники и страшно избили студентовъ; войдя въ ражъ, они и на другой день продолжали бить на улицахъ попадавшуюся имъ на глаза учащуюся молодежь и заступавшихся за нихъ интеллигентовъ.

Полиціи стоило большого труда укротить не въ мѣру разбушевавшихся охотнорядскихъ «Мамаевъ».

Въ жизни москвичей, преимущественно бѣднаго класса, Сухарева башня играетъ довольно видную роль; около нея и въ ближайшихъ къ ней переулкахъ находится много лавокъ, торгующихъ дешевымъ платьемъ, бѣльемъ, обувью, картузами и подержанной мебелью.

Затѣмъ у Сухаревой башни, на всемъ пространствѣ большой площади, каждое воскресенье бываетъ большой базаръ, привлекающій покупателей со всѣхъ концовъ Москвы.

Для этого въ ночь съ субботы на воскресенье, какъ грибы послѣ дождя, на площади быстро выростаютъ тысячи складныхъ палатокъ и ларей, въ которыхъ имѣются для бѣднаго люда всѣ предметы ихъ немудраго домашняго обихода. Этотъ многолюдный базаръ, извѣстный подъ названіемъ «Сухаревки», ранѣе славился старинными вещами, продававшимися съ рукъ.

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостного права, начался развалъ и обѣднѣніе дворянскихъ гнѣздъ; въ то время на Сухаревку попадало множество старинныхъ драгоцѣнныхъ вещей, продававшихся за безцѣнокъ. Туда приносили продавать: стильную мебель, люстры, статуи, севрскій фарфоръ, гобелены, ковры, рѣдкія книги, картины знаменитыхъ художниковъ и проч., эти вещи продавали буквально за гроши. Поэтому многіе антикваріи и коллекціонеры, какъ-то: Перловъ, Фирсановъ, Ивановъ и друг. пріобрѣтали на Су-

Точильщикъ.

харевкѣ за баснословно дешевыя цѣны множество шедевровъ, оцѣниваемыхъ теперь знатоками въ сотни тысячъ рублей. Бывали случаи, когда сухаревскіе букинисты покупали за двѣ, за три сотни рублей цѣлыя дворянскія библіотеки и на другой же день продавали ихъ за 8—10 тысячъ рублей.

XXVI.

Въ Москвѣ церковныя празднества справляются, какъ нигдѣ, съ большой торжественностью и великолѣпіемъ, изъ нихъ особенно выдѣляется ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ московскомъ Кремлѣ; она представляетъ дивную, очаровательную картину.

Вечеромъ въ Великую Субботу, въ магазинахъ и лавкахъ стихаетъ предпраздничная суета, только въ булочныхъ и кондитерскихъ продолжается горячая работа, по выдачѣ ранѣе заказанныхъ пасохъ и куличей.

Уличное движеніе становится все тише и тише и къ 10 часамъ вечера оно совершенно стихаетъ, но не надолго.

Въ 11 часовъ опять улицы быстро оживаютъ, на нихъ появляются въ праздничныхъ одеждахъ обыватели, направляющіеся въ храмы къ Свѣтлой заутренѣ, изъ нихъ многіе спѣшатъ попасть въ Кремль, площадь коего къ 11 часамъ представляетъ цѣлое море человѣческихъ головъ. Среди толпы, встрѣчается много людей другихъ вѣроисповѣданій, а также иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ

Москву спеціально для того, чтобы видѣть въ Кремлѣ эту Святую ночь. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ перваго удара въ царь-колоколъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго начинаютъ освѣщать разноцвѣтными шкаликами колокольню Ивана Великаго, ограду и стѣну соборовъ. Въ то же самое время внизу, разстилающееся на громадномъ пространствѣ Замоскворѣчье представляетъ волшебную картину: на фонѣ темной ночи, тамъ красиво и ярко вырисовываются многочисленные силуэты иллюминованныхъ церквей; при этомъ во многихъ мѣстахъ пускаютъ ракеты и жгутъ бенгальскіе огни. Тѣмъ временемъ, стрѣлка на часахъ Спасской башни приближается къ 12 часамъ.

На колокольнѣ Ивана Великаго мелькаютъ движущіеся огоньки—это приготовляются къ первому удару, за который въ прежнее время купцы-любители платили звонарямъ по 25 и 50 рублей.

Но вотъ на Иванѣ Великомъ загудѣлъ царь-колоколъ, и вслѣдъ за нимъ по Москвѣ быстро полились густой волной звуки колоколовъ всѣхъ московскихъ сорока сороковъ.

Народъ, находящійся въ Кремлѣ, обнажаетъ головы, зажигаетъ свѣчи и христосывается.

Въ это время изъ Успенскаго собора выходитъ крестный ходъ, во главѣ съ московскимъ митрополитомъ; раздается радостная пѣснь: «Христосъ Воскресе», ей вторитъ красный звонъ всѣхъ кремлевскихъ колоколовъ и пальба изъ орудій съ

Тайницкой башни—все сливается въ одинъ побѣдный, ликующій звукъ, производящій на присутствующихъ сильное и неизгладимое впечатлѣніе.

Тотъ, кто разъ видѣлъ Свѣтлую ночь въ московскомъ Кремлѣ, никогда ее не забудетъ.

Въ Москвѣ есть еще одна интересная ночь, но уже совершенно въ другомъ жанрѣ. Въ прежнее время, москвичи встрѣчали Новый годъ дома, семейнымъ образомъ, приглашались друзья и родственники, устраивались разныя игры; молодежь занималась танцами, пѣніемъ и гаданіемъ, пожилые люди играли въ карты и проводили время за бесѣдой.

Въ 12 часовъ подавали ужинъ, послѣ котораго всѣ, довольные и веселые, разъѣзжались по домамъ.

Лѣтъ восемь-десять тому назадъ, для встрѣчи Новаго года въ Москвѣ привился другой способъ, публично ресторанный, онъ заключается въ слѣдующемъ: за мѣсяцъ, а иногда и ранѣе, московская плутократія записываетъ для себя столы, во всѣхъ первоклассныхъ ресторанахъ и трактирахъ. При этой предварительной записи, наблюдается нѣкоторая группировка лицъ, такъ, напримѣръ: въ Метрополѣ собираются крупные фабриканты и заводчики, въ Московскомъ трактирѣ—биржевики, въ Эрмитажѣ—нѣмцы и т. д. Для встрѣчи Новаго года, эта буржуазія является одѣтой по-бальному, дамы въ декольтированныхъ туалетахъ и цвѣтахъ, а ихъ кавалеры во фракахъ и смокингахъ.

Древнїе подвалы Гостинаго двора во время сломки 1886 г.

Съѣздъ начинается съ 11 часовъ вечера. Сначала все идетъ вполнѣ прилично; подъ музыку румынскихъ и иныхъ оркестровъ, публика занимается ѣдой и щедро подогрѣваетъ себя виномъ. Половые и лакеи бѣгаютъ, какъ угорѣлые, едва успѣвая подавать требуемое гостями.

Чѣмъ ближе подходитъ часовая стрѣлка къ полночи, тѣмъ замѣтнѣе становится подъэмъ публики, искусственно подогрѣтой виномъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ наступленія Новаго года.

Но вотъ часы бьютъ 12—всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ, громко кричатъ ура! и, чокаясь бокалами вина, поздравляютъ другъ друга съ Новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ; при этомъ шампанское льется рѣкой...

Далѣе происходитъ настоящее столпотвореніе Вавилонское.

Незнакомые люди, отуманенные виномъ, позабывъ о правилахъ приличія и этики, фамильярно и быстро знакомятся между собой, затѣмъ сдвигаютъ свои столы вмѣстѣ и начинается общій, нелѣпый и безобразный кутежъ, сопровождаемый глупыми, а иногда и неприличными рѣчами, часто оканчивающимися большими скандалами... По поводу такой встрѣчи Новаго года, одинъ изъ провинціальныхъ священниковъ мнѣ пишетъ слѣдующее: «Ради Христа, такъ любившаго дѣтей, пожертвуйте, сколько можете, на церковно-приходскую школу. Обращаюсь съ просьбой къ Вамъ,

какъ къ жителю той самой Москвы, которая (какъ пишутъ въ газетахъ) въ одну только новогоднюю ночь влила въ свое грѣшное брюхо болѣе десяти тысячъ бутылокъ шампанскаго... Господи! сколько школъ-то пропито...» Священникъ, написавъ такое наивное восклицаніе, очевидно, не знаетъ, что тѣ господа, которые въ одну ночь пропиваютъ на шампанскомъ не одну сотню тысячъ рублей, менѣе всего думаютъ о школахъ...

Противоборствовать новогоднимъ кутежамъ и прожиганію жизни москвичей выступило высшее епархіальное начальство, восемь лѣтъ тому назадъ, впервые предписавшее московскому духовенству, подъ Новый годъ въ 12 часовъ ночи, служить во всѣхъ церквахъ благодарственные молебны. Это разумное распоряженіе духовной власти, въ первые же годы, дало прекрасный результатъ. Подъ Новый годъ всѣ московскіе храмы бываютъ переполнены молящимися людьми, всѣхъ званій и состояній.

XXVII.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ частныхъ театровъ и клубныхъ спектаклей не было. Достать билетъ въ Большой или Малый Императорскіе театры можно было только по протекціи или за баснословную цѣну у театральныхъ барышниковъ, свободно продававшихъ билеты у подъѣздовъ театровъ.

Я съ раннихъ лѣтъ былъ большой любитель музыки и всякихъ представленій. Хорошо помню, что въ Коломнѣ, съ товарищами я часто ходилъ на торговую площадь, къ странствующему цирку, смотрѣть представленіе «въ дырки», которыя мы протыкали въ стѣнкахъ холста. За это намъ попадало чрезъ холстъ по лицу палкой, а иногда обливали холодной водой, но насъ это не останавливало и на слѣдующій день мы опять являлись къ цирку въ качествѣ безплатныхъ зрителей.

Въ семидесятыхъ годахъ, въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ, была въ полномъ расцвѣтѣ итальянская опера и билеты на нее продавались по сумасшедшимъ цѣнамъ. Напримѣръ, когда пѣла Патти, то барышникамъ охотно платили за кресла по

100, по 200 рублей, за ложу бельэтажа 500—600 рублей.

Театральные барышники въ то время наживали колоссальныя состоянія; изъ нихъ главный, нѣкто Самсоновъ, въ три сезона нажилъ два каменныхъ трехъэтажныхъ дома.

Не имѣя денегъ, я часто ломалъ голову, чтобы изобрѣсти способъ, посѣщать театры безплатно. Мнѣ это долгое время не удавалось. Но, наконецъ, я все-таки добился и нашелъ этотъ способъ.

Находясь довѣреннымъ въ магазинѣ Заборова, я пользовался расположеніемъ ко мнѣ покупателей... Съ нѣкоторыми изъ нихъ я тонко и дипломатично заводилъ разговоры, главнымъ образомъ интересуясь узнать отъ каждаго, какой онъ профессіи.

Я выпытывалъ это съ цѣлью, найти среди покупателей, кого-нибудь изъ служащихъ въ театрѣ. Планъ мой удался блестящимъ образомъ. Однажды ко мнѣ въ магазинъ пришелъ бѣдно одѣтый, пожилой человѣкъ съ бритымъ лицомъ.

Выбравъ себѣ сапоги, онъ просилъ меня уступить ихъ подешевле. Я спросилъ его о профессіи, на что онъ отвѣтилъ, что болѣе 20 лѣтъ служитъ капельдинеромъ въ Большомъ театрѣ. Эврика! Я ему прямо безъ церемоній предложилъ скидку 30% съ рубля, то-есть всю хозяйскую пользу,... но съ условіемъ, чтобы онъ сегодня же провелъ меня безплатно въ итальянскую оперу. Капельдинеръ

охотно согласился на мое предложеніе, и я въ тотъ же вечеръ стоялъ въ проходѣ на галеркѣ и слушалъ въ первый разъ итальянскую оперу. Какую, не помню.

Итальянцы своимъ пѣніемъ произвели на меня настолько ошеломляющее впечатлѣніе, что я послѣ спектакля долго жалъ руку доброму капельдинеру и просилъ его познакомить меня съ его товарищами, которымъ я также могъ бы продавать обувь со скидкой 30%. Онъ исполнилъ мою просьбу и познакомилъ меня съ однимъ театральнымъ музыкантомъ и съ нѣсколькими капельдинерами. Такимъ образомъ у меня быстро образовался небольшой кружокъ театральныхъ покупателей, которые меня часто проводили безплатно въ театры Большой и Малый.

Въ Большой театръ я приходилъ рано и смотрѣлъ, какъ передъ каждымъ спектаклемъ съ потолка спускали на особомъ приспособленіи солдата, съ длинной палкой съ горѣвшимъ на концѣ ея маленькимъ факеломъ, посредствомъ котораго онъ зажигалъ газовую люстру, висѣвшую посерединѣ зрительнаго зала. Для «райскихъ» зрителей эта громадная люстра была настоящимъ наказаніемъ— она загораживала собой всю сцену.

Благодаря этому, среднія мѣста 4-го и 5-го ярусовъ всегда оставались пустыми, такъ какъ оттуда ничего не было видно.

Газовое освѣщеніе было неудобно еще тѣмъ,

что отъ него быстро нагрѣвалась атмосфера и поэтому въ зрительномъ залѣ, всегда было жарко и пахло газомъ.

Музыкантъ сажалъ меня въ оркестрѣ, капельдинеры ставили меня наверху въ райскіе проходы, а иногда проводили на сцену къ сторожамъ.

Послѣдніе пристраивали меня подъ самымъ потолкомъ, около занавѣса, въ какихъ-то темныхъ и пыльныхъ чуланахъ.

Я тамъ становился на полъ на колѣни, просовывалъ голову въ небольшое отверстіе, прорванное въ колосникахъ, и въ такомъ неестественномъ положеніи наслаждался итальянской оперой. Однажды при спускѣ занавѣса, я зазѣвался и мнѣ чуть было не оторвало голову бревномъ, находящимся въ низу занавѣса.

Послѣ спектакля я вылѣзалъ изъ своей безплатной ложи, весь выпачканный въ пыли.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось слышать почти всѣхъ знаменитыхъ итальянскихъ артистовъ: Кальцолари, Николини, Капуль, Мазини, Котоньи, Девойодъ, Скотти, Арто, Лукка, Нильсонъ, Арнольдсонъ и божественную Патти; послѣднюю я слушалъ семнадцать разъ.

Какъ сейчасъ помню тотъ восторгъ и очарованіе, которые производила своимъ пѣніемъ эта несравненная дива. При изумительной техникѣ ея чарующій голосъ былъ настолько кристально чистъ и мелодиченъ, что казался неземнымъ. Когда она пѣла

свои неподражаемыя трели и фіоритуры, онѣ оканчивались гдѣ-то въ небесахъ.

Когда она замолкала, публика продолжала сидѣть нѣсколько времени какъ бы загипнотизированная.

Затѣмъ пѣвицѣ дѣлали такія оваціи, отъ которыхъ буквально дрожалъ театръ. Такихъ овацій видѣть мнѣ болѣе не приходилось.

Патти была очень добра на повторенія и поэтому ей приходилось повторять каждую арію два раза, а особенно популярныя аріи, ее заставляли часто пѣть по три раза. Публика особенно любила слушать въ ея изумительномъ исполненіи Алябьевскаго «Соловья» — безъ него не обходилась ни одна опера.

Когда пѣла Патти, то въ первомъ ряду креселъ всегда находился ея старый и некрасивый мужъ, маркизъ Ко, впослѣдствіи его замѣнилъ красавецъ теноръ Николини.

Дирижировалъ итальянской оперой прекрасный капельмейстеръ Бевиньяни. Въ то время не было гастрольной системы и гастролеровъ; вмѣсто нихъ въ каждой оперѣ былъ «ансамбль», да такой, о которомъ теперь и мечтать нельзя.

Этимъ и можно объяснить тотъ необычайный успѣхъ, какой имѣла итальянская опера въ 80-хъ годахъ, и тѣ безумныя цѣны, которыя почтеннѣйшей публикѣ приходилось платить за билеты театральнымъ барышникамъ.

XXVIII.

Въ то же самое время русская опера была въ полнѣйшемъ загонѣ и едва влачила свое печальное существованіе. Въ ней не было тогда сколько-нибудь выдающихся пѣвцовъ.

Спектакли русской оперы назначались два раза въ недѣлю, обставлялись крайне неряшливо и, поэтому, большею частью шли при пустомъ залѣ.

За то Малый театръ былъ въ большомъ фаворѣ. Тамъ одновременно подвизались въ полномъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ такіе артисты гиганты, какъ-то: Ермолова, Федотова, Медвѣдева, Акимова, Васильева, Никулина, Шумскій, Медвѣдевъ, Садовскій, Живокини, Рѣшимовъ и друг. При такомъ блестящемъ составѣ труппы на сценѣ Малаго театра каждая новая пьеса была цѣлымъ событіемъ. Но особенную сенсацію производилъ своими произведеніями А. Н. Островскій. Его пьесы въ то время разыгрывались на сценѣ Малаго театра съ колоссальнымъ успѣхомъ.

Чтобы закончить о театрахъ, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о театральныхъ маскарадахъ, которые устраивались въ Большомъ театрѣ. Мнѣ лично пришлось быть тамъ два раза.

Странникъ.

Когда я въ первый разъ входилъ въ маскарадъ, я былъ пораженъ множествомъ костюмированныхъ и... табачнымъ дымомъ.

Дымъ вездѣ. Въ фойэ, въ буфетныхъ комнатахъ и во всѣхъ коридорахъ. Накурено было такъ, хоть топоръ вѣшай.

Ложи во всѣхъ ярусахъ были переполнены нарядной публикой и представляли собой настоящій цвѣтникъ красивыхъ женскихъ головокъ, ярко блестѣвшихъ драгоцѣнными камнями.

Въ зрительномъ залѣ и на сценѣ (которые соединялись вмѣстѣ) происходили танцы.

Танцующихъ было множество. Многія пары отчаянно канканировали (такого забористаго канкана я не видѣлъ и въ Парижѣ). Маскарады въ Большомъ театрѣ проходили какъ-то особенно весело и шумно.

Говорятъ, что москвича дешевле похоронить по первому разряду, чѣмъ развеселить. Это всецѣло относится къ современнымъ москвичамъ, для увеселенія которыхъ теперь устраиваютъ разные иллюзіоны, варьэтэ, кабарэ и проч. и все-таки никакъ не могутъ ихъ развеселить.

Въ Старой Москвѣ подобныхъ учрежденій не имѣлось, да въ нихъ и не было нужды. Наши дѣды и бабушки умѣли отлично веселиться и безъ кабарэ.

Полвѣка тому назадъ, москвичи жили и веселились болѣе просто и семейно. Въ то время, нѣ-

сколько разъ въ годъ устраивались грандіозныя катанья на великолѣпныхъ рысакахъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ Сокольникахъ, Подновинскомъ, на Тверской и въ Рогожской. На эти многолюдныя катанья вывозили напоказъ московскихъ невѣстъ. Особенно многолюдно было катанье на масленицѣ въ Рогожской. Тамъ катались купцы второй и третьей гильдіи и зажиточные подмосковные огородники, ихъ жены и дочери были одѣты въ цвѣтные бархатные салопы и ротонды, которые онѣ заворачивали на половину мѣхомъ вверхъ, для того, чтобы не помять бархата... такіе завороты давали много пищи для смѣха многочисленныхъ зрителей, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ разъѣзда. Затѣмъ устраивались большія народныя гулянья. На мѣстѣ теперешняго Новинскаго бульвара, отъ Кудрина до Смоленскаго рынка, во всю длину площади, ставили нѣсколько десятковъ большихъ деревянныхъ балагановъ, въ которыхъ давали различныя представленія во главѣ съ Петрушкой и масленичнымъ дѣдомъ. Москвичи особенно весело проводили Рождественскіе праздники и Святки. Въ это время дѣвушки занимались гаданьемъ, выбѣгали за ворота и обращались къ проходящимъ съ вопросомъ: «Какъ ваше имя?», бросали черезъ заборъ башмаки, гадали съ зеркаломъ, съ пѣтухомъ и проч.

На темныхъ улицахъ часто попадались большія группы ряженыхъ и маскированныхъ, разъѣзжав-

шихъ по знакомымъ домамъ, гдѣ экспромптомъ устраивались веселые домашніе маскарады.

Затѣмъ большими компаніями катались по городу на тройкахъ и на простыхъ розвалинахъ.

Къ сожалѣнію эти прекрасныя и здоровыя развлеченія теперь, кажется, отошли въ область преданій.

XXIX.

Въ 1872-мъ году умеръ старикъ Заборовъ.

Вскорѣ послѣ смерти, сыновья его подѣлились и, по обыкновенію большинства русскихъ наслѣдниковъ, быстро начали прожигать «тятенькинъ» капиталъ. Торговое дѣло ихъ начало падать. Въ то время въ числѣ моихъ немногихъ друзей былъ нѣкто Павелъ Андреевичъ Удаловъ; это былъ отъ природы очень добрый человѣкъ, но когда умеръ его отецъ и онъ послѣ него получилъ довольно порядочное наслѣдство, то сталъ еще добрѣе.

Къ нему со всѣхъ сторонъ потянулись руки съ просьбой дать денегъ взаймы, и онъ, по своей исключительной добротѣ, никому не могъ отказать и раздавалъ деньги до тѣхъ поръ, пока у него у самого ничего не осталось.

Въ то время и я попросилъ у него взаймы двѣ тысячи рублей для того, чтобы вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей открыть свой башмачный магазинъ.

Новый Филаретъ милостивый охотно далъ мнѣ просимую мною сумму.

Въ тотъ же день я заявилъ своему молодому хозяину, что долженъ оставить у него службу,

такъ какъ рѣшилъ открыть собственный магазинъ.

Заборовъ былъ очень опечаленъ моимъ заявленіемъ; онъ просилъ меня остаться у него еще хотя на одинъ годъ за увеличенное жалованье, но я категорически отказался.

Тогда онъ предложилъ мнѣ снять его магазинъ съ разсрочкой платежа, на это я охотно согласился. Черезъ нѣсколько дней дѣло было оформлено и мы съ товарищемъ стали хозяевами Заборовскаго магазина. Мы горячо взялись за дѣло и оно пошло у насъ хорошо.

Черезъ три года я уже имѣлъ небольшой запасный капиталъ, но, несмотря на это, я все время искалъ случая перемѣнить свою профессію на болѣе лучшую.

Въ 1879-мъ году я женился на небогатой дѣвушкѣ и въ то же самое время свою часть въ башмачномъ дѣлѣ продалъ своему компаньону и занялся самостоятельно болѣе солиднымъ и совершенно новымъ для меня дѣломъ: продажей золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и художественныхъ произведеній. Для лучшаго ознакомленія съ новой профессіей, а равно и для самообразованія я поѣхалъ за границу, гдѣ изучалъ новое дѣло какъ съ художественной, такъ и съ промышленной стороны. Я занимался въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи.

Не зная ни одного иностраннаго языка, я, отправляясь за границу, купилъ у Суворина четыре

книжки общеупотребительныхъ словъ и фразъ на англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ переводомъ на русскій языкъ.

Но эти книжки помогали мнѣ плохо, потому что, когда приходилось объясняться съ иностранцами, я долго перелистывалъ книжку и никакъ не могъ найти нужную мнѣ фразу.

Но зато я обладалъ въ достаточной степени умѣньемъ за границей быстро оріентироваться и находить полезныхъ людей, помогавшихъ мнѣ объясняться на томъ или иномъ иностранномъ языкѣ.

Въ дорогѣ и за границей, особенно въ Лондонѣ, со мной случалось много забавныхъ курьезовъ; разскажу одинъ изъ нихъ, случившійся въ Австріи.

Въ 1889-мъ году, я поѣхалъ въ Парижъ на Всемірную выставку, черезъ Австрію, Италію и Швейцарію.

Дорогой, между Варшавой и Вѣной, я познакомился съ сидѣвшимъ со мной въ одномъ купэ, типичнымъ пожилымъ нѣмцемъ, отрекомендовавшимся мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ, Францемъ Карловичемъ Берхольтдомъ.

Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что прослужилъ въ Россіи директоромъ на суконной фобрикѣ 28 лѣтъ, нажилъ немного деньжонокъ и теперь ѣдетъ доживать свой вѣкъ къ дѣткамъ, въ свой родной фатерландъ Тріестъ. Несмотря на то, что Францъ Карловичъ прожилъ въ Россіи 28 лѣтъ, онъ по-русски говорилъ очень плохо, изъ десяти

сказанныхъ имъ словъ я понималъ 6—7, остальныя были для меня непонятными.

Но я и этому былъ радъ, тѣмъ болѣе, что Францъ Карловичъ оказался настолько любезнымъ, что обѣщалъ мнѣ остановиться въ Вѣнѣ на два дня, спеціально для того, чтобы показать мнѣ достопримѣчательности города.

Близъ Вѣны, къ намъ въ купэ сѣлъ австрійскій офицеръ, молодой, худощавый, на тонкихъ и длинныхъ ногахъ, на которыхъ были одѣты «невыразимые» небеснаго цвѣта съ желтыми лампасами—въ общемъ его фигура была похожа на журавля. Я, обратившись къ Францу Карловичу (и совершенно позабывъ, что онъ австріецъ), сказалъ: «Посмотрите на этого офицера, въ его птичьей фигурѣ положительно нѣтъ ничего военнаго—правда про австрійцевъ говорятъ, что ихъ только лѣнивый не колотилъ». Господинъ Берхольдтъ на это мнѣ отвѣтилъ, короткимъ «да, да»...

Продолжая съ нимъ разговоръ о Вѣнѣ, я никакъ не могъ понять сказанныхъ имъ нѣсколькихъ словъ, онъ старался пояснить ихъ, но ему это плохо удавалось. Въ это время сидѣвшій противъ меня австрійскій офицеръ вдругъ заговорилъ довольно чистымъ русскимъ языкомъ, начавъ объяснять мнѣ непонятныя слова, сказанныя Францемъ Карловичемъ... Можете себѣ представить мое положеніе?! Я былъ удивленъ и въ то же самое время чувствовалъ неловкость за свое некорректное

выраженіе на его счетъ... Прежде всего я поспѣшилъ извиниться передъ нимъ, а затѣмъ спросилъ, гдѣ онъ научился говорить такъ хорошо по-русски? Офицеръ отвѣтилъ, что русскій языкъ имъ преподаютъ въ кадетскихъ корпусахъ. Затѣмъ онъ очень любезно далъ мнѣ указанія, въ какомъ отелѣ остановиться и что слѣдуетъ посмотрѣть въ Вѣнѣ; при выходѣ изъ вагона мы пожали другъ другу руки. Случись со мной такая исторія въ Германіи и въ особенности въ Пруссіи, меня бы обязательно привлекли къ судебной отвѣтственности за оскорбленіе офицера.

Францъ Карловичъ исполнилъ въ точности свое обѣщаніе. Онъ для меня остановился въ Вѣнѣ на два дня, въ теченіе которыхъ показалъ мнѣ много вѣнскихъ достопримѣчательностей, за что я ему былъ очень благодаренъ.

На третій день я разстался со своимъ любезнымъ спутникомъ и поѣхалъ далѣе въ Венецію.

XXX.

Вернувшись изъ-за границы въ Москву съ новыми познаніями, я приложилъ ихъ къ своему дѣлу и энергично повелъ его. Послѣ этого прошло десять лѣтъ. Въ теченіе этого времени я сумѣлъ превратиться изъ бѣдняка въ богатаго коммерсанта и московскаго домовладѣльца, а изъ коломенскаго мѣщанина—въ потомственнаго почетнаго гражданина.

Но и теперь я не забываю свою родину. Иногда ѣду туда, чтобы посмотрѣть на тѣ дорогія для меня мѣста, гдѣ протекли мои дѣтскіе годы.

Посѣщеніе родины всякій разъ доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе и радость.

Когда я вхожу въ нашъ бывшій домикъ (онъ уцѣлѣлъ и до сего времени, мать, уѣзжая въ Москву, продала его за 25 руб.), меня охватываетъ цѣлая волна воспоминаній моего дѣтства.

Вотъ онѣ наши двѣ маленькія комнатки, въ которыхъ намъ жилось такъ хорошо и весело. Вотъ и печка, за которой я ночью, тайкомъ отъ отца, училъ свои уроки.

У покосившагося маленькаго окошка стоитъ скамейка, гдѣ я, по приказанію отца, писалъ съ прописи ежедневно по 10 страницъ. Вотъ нашъ кро-

15*

шечный дворикъ, который я любилъ убирать... но какъ теперь все это запущено и разрушено...

Нашъ домикъ покосился на сторону, сгорбился и какъ будто опустился въ землю... Въ немъ теперь живетъ большое семейство бѣдняковъ, какими была когда-то и наша семья.

Однажды я поѣхалъ съ двумя своими взрослыми дочерьми въ Коломну, гдѣ, послѣ продолжительной прогулки по городу, мы отправились къ бывшему нашему опекуну Макѣеву.

Насъ привѣтливо встрѣтилъ въ своемъ богатомъ домѣ средняго роста 70-тилѣтній старикъ съ открытымъ и добродушнымъ лицомъ. Когда я отрекомендовался ему и представилъ своихъ дочерей, старикъ, повидимому, обрадовался нашему неожиданному визиту. Онъ началъ суетиться, не зналъ, куда насъ посадить и чѣмъ угостить.

Я просилъ его не безпокоиться и при этомъ, въ краткихъ словахъ, объяснилъ ему цѣль нашего визита.

Старикъ слушалъ меня съ большимъ удивленіемъ, но когда я закончилъ свою короткую и прочувствованную рѣчь низкимъ поклономъ и бладарностью за сдѣланную имъ помощь нашей бѣдной семьѣ въ тяжелые дни... онъ не выдержалъ и заплакалъ. Старикъ сквозь слезы говорилъ, что прожилъ на свѣтѣ 70 лѣтъ и въ первый разъ видитъ человѣка, который пришелъ благодарить его за старую хлѣбъ-соль...

Сборщикъ на построенiе храма.

Затѣмъ, когда онъ немного успокоился, приказалъ подать вино и фрукты и, обратившись къ намъ, просилъ насъ не торопиться и побыть съ нимъ подолѣе.

Побесѣдовавъ съ полчаса, мы простились съ радушнымъ хозяиномъ, при чемъ онъ горячо благодарилъ насъ за посѣщеніе и обѣщалъ отдать мнѣ визитъ въ Москвѣ.

Но не суждено было старику исполнить свое обѣщаніе. Онъ вскорѣ заболѣлъ и переселился въ лучшій міръ.

XXXI.

Я началъ курить съ 15 лѣтъ; сначала курилъ однѣ папиросы, а затѣмъ въ тридцать лѣтъ сталъ курить одновременно сигары и папиросы. Моя обыкновенная ежедневная порція была отъ 15 до 20 сигаръ (я курилъ ихъ съ глубокой затяжкой) и отъ 50 до 100 папиросъ.

Каждый день выкуривая такое громадное количество табаку, я былъ буквально отравленъ никотиномъ и совершенно потерялъ вкусъ и аппетитъ, все время у меня на языкѣ была бѣлая кора. Пища, изъ чего бы она ни состояла, будь то: мясо, рыба, овощи или просто жареная подошва, для меня было все одного вкуса,—отличить одно отъ другого я не могъ.

Въ то время я поѣхалъ на Валаамъ.

Какъ извѣстно, Валаамскій монастырь, находящійся на Ладожскомъ озерѣ, отличается отъ другихъ монастырей своимъ строгимъ уставомъ и подвижнической жизнью монашествующихъ.

Куреніе табаку тамъ строжайше запрещено не только въ монастырѣ, но и на всѣхъ окружающихъ его многочисленныхъ островахъ.

Изъ Петербурга на Валаамъ ходятъ монастырскіе пароходы, путь ихъ лежитъ 60 верстъ по Невѣ, мимо множества большихъ фабрикъ и заводовъ, а затѣмъ при истокѣ рѣки пароходъ огибаетъ мрачную Шлиссельбургскую тюрьму и выходитъ на просторъ Ладожскаго озера. На пароходѣ я познакомился съ веселымъ спутникомъ генераломъ К.; за пріятнымъ разговоромъ, я въ этотъ день выкурилъ весь свой запасъ, 25 сигаръ и 100 папиросъ.

Когда мы прибыли на Валаамъ, у меня осталось только три папиросы. Съ пристани насъ быстро доставили въ монастырскихъ экипажахъ въ гостиницу.

Внизу въ вестибюлѣ висѣлъ на стѣнѣ большой плакатъ съ объявленіемъ, что въ гостиницѣ курить строго воспрещается.

Меня очень смущали оставшіяся у меня 3 папиросы, и я рѣшилъ ихъ тотчасъ же выкурить, а затѣмъ положить зубы на полку. Войдя въ номеръ, я закурилъ папиросу. Но едва я успѣлъ затянуться два-три раза, какъ почувствовалъ себя дурно—закружилась голова, я упалъ на полъ и лишился чувствъ...

Когда пришелъ въ себя, на меня напалъ необъяснимый страхъ, какъ будто бы я только что совершилъ страшное преступленіе. Бросивъ папиросу въ отдушникъ, я пошелъ къ генералу сообщить о происшедшемъ со мной.

Его превосходительство, выслушавъ меня, рас-

хохотался, затѣмъ полѣзъ въ чемоданъ, досталъ ящикъ сигаръ и предложилъ мнѣ выкурить сигару, отъ которой «дурно не бываетъ».

Только что мы съ нимъ закурили сигары, какъ послышался стукъ въ дверь и возгласъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». Мы продолжали молча курить. Вскорѣ стукъ и возгласъ повторились, но уже въ болѣе требовательномъ тонѣ.

Я открылъ дверь. Къ намъ въ комнату вошелъ молодой послушникъ и, ставъ около двери въ почтительную позу, сказалъ намъ: «Господа, вамъ должно быть извѣстно, что на Валаамѣ курить нельзя, не только въ монастырѣ, но и на всѣхъ его островахъ. Объ этомъ у насъ вездѣ вывѣшены плакаты, которые и вы вѣроятно читали. Зачѣмъ же вы, люди образованные, съ которыхъ должны брать примѣръ другіе, нарушаете нашъ уставъ?.. я присланъ настоятелемъ, просить васъ погасить ваши сигары и здѣсь болѣе не курить. Если же вы безъ этого не можете обойтись, то пожалуйте на берегъ (за 36 верстъ), васъ туда отвезутъ на монастырской лодкѣ»...

Генералъ, поправляя висѣвшаго у него на шеѣ Владимира, отвѣтилъ: «Но, но, хорошо, любезный, сказалъ и ступай». «Нѣтъ я васъ покорнѣйше прошу погасить при мнѣ ваши сигары».

Я первый показалъ примѣръ послушанія и ткнулъ свою сигару въ оштукатуренную стѣну,

моему примѣру послѣдовалъ и генералъ. Монахъ ушелъ. Я всталъ и поздравилъ своего коллегу съ полученіемъ головомойки за куреніе сигаръ, «отъ которыхъ дурно не бываетъ». Отъ природы награжденный хорошимъ здоровьемъ, я при первой возможности сталъ увлекаться разными спортами: рысистыми лошадьми, верховой ѣздой, охотой съ ружьемъ, рыбной ловлей, нѣсколько разъ поднимался на баллонъ-каптивѣ на высоту 600 метровъ и проч., но болѣе всего я увлекался неумѣреннымъ куреніемъ табака.

Послѣдствія этого увлеченія были ужасны.

Къ 40 годамъ у меня были атрофированы: обоняніе, вкусъ, аппетитъ и голосъ, послѣдній звучалъ такъ, какъ будто бы я былъ закопанъ въ землю на аршинъ.

Мои нервы были отравлены никотиномъ до такой степени, что я спокойно уже не могъ владѣть ими и при малѣйшей причинѣ сильно нервничалъ и былъ близокъ къ помѣшательству.

Я погибалъ сознательно. Но прежде чѣмъ погибнуть, я рѣшилъ бороться съ пагубной страстью.

Первый разъ я пересталъ курить въ началѣ Великаго поста.

Первую недѣлю это лишеніе переносилъ безъ особаго труда, въ этомъ мнѣ помогали говѣніе и постная пища, но на второй недѣлѣ началась жестокая борьба. Нервы мои настоятельно требовали никотину. Мнѣ особенно было трудно послѣ

завтрака, обѣда и за винтомъ,—когда меня начинали окуривать со всѣхъ сторонъ. Въ это время, я испытывалъ жестокое мученіе, мнѣ страшно хотѣлось курить, но я крѣпился и не сдавался. Я глоталъ леденцы, но это нисколько не помогало.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось выдержать испытаніе всѣ 7 недѣль. Въ первый день Пасхи я выкурилъ сигару съ особымъ наслажденіемъ—вечеромъ другую, на слѣдующій день 5 сигаръ и полсотни папиросъ, а далѣе опять пошло постарому.

Этимъ способомъ я боролся 7 лѣтъ, то-есть въ теченіе семи Великихъ постовъ, а на Пасхѣ опять закуривалъ.

Однажды я попробовалъ не курить два лѣтнихъ мѣсяца, но, не надѣясь на свои силы, просилъ поддержки у своихъ друзей и знакомыхъ, объявивъ имъ слѣдующее: если кто изъ нихъ увидитъ меня курящимъ сигару, можетъ получить каждый по 5 руб., за папиросу—по 20 коп. Каюсь, на сей разъ я искушенія не выдержалъ, правда, сигары я не курилъ, по той простой причинѣ, что у меня не хватило бы денегъ платить за нихъ штрафъ, но папиросы понемногу курилъ, но такъ удачно и осторожно, что меня никто ни разу не видѣлъ курящимъ. Мнѣ иногда такъ хотѣлось курить, что я терялъ стыдъ и, увидѣвъ на улицѣ незнакомаго мнѣ человѣка, вынимавшаго портсигаръ, быстро подходилъ къ нему и, приподнимая

шляпу, говорилъ: «Дайте мнѣ, пожалуйста, папиросу...» На меня смотрѣли съ большимъ удивленіемъ и давали папиросу,—такіе случаи бывали неоднократно. Въ эти моменты, я былъ самъ себѣ противенъ.

На 8-й годъ моей борьбы я рѣшилъ окончательно и навсегда покончить съ куреніемъ табака.

15 лѣтъ тому назадъ въ Прощеное воскресенье, поздно вечеромъ, у меня осталось 7 сигаръ, я ихъ выкурилъ всѣ одну за другой, разумѣется съ затяжкой, съ цѣлью, чтобы отравиться ими... затѣмъ легъ спать. Утромъ проснулся съ тяжелой головой, какъ будто бы налитой свинцомъ—курить мнѣ не хотѣлось. Съ тѣхъ поръ я болѣе не курю.

Послѣ этого спустя полгода, мои расшатанные и отравленные нервы окрѣпли и все, что было у меня атрофировано, снова ожило (исключая обонянія, которое потеряно навсегда).

Безъ куренія табака я чувствую себя во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно.

Изъ этого примѣра ясно видно, что борьба съ куреніемъ табака очень трудна—но возможна.

Нельзя оставить курить съ разу, штурмомъ этого злѣйшаго врага не побѣдишь, но при правильной и продолжительной осадѣ наградой всегда будетъ полная побѣда. Для этого требуется очень немного—сила воли и терпѣніе; имѣющій ихъ смѣло можетъ вступить въ борьбу съ этимъ врагомъ.

У французовъ есть пословица «Si la jeunesse savait, si la vieillesse pouvait» (Если бы молодость знала, если бы старость могла). Въ молодости я не зналъ этой умной поговорки, но придерживался ей инстинктивно и продолжаю придерживаться до сего времени.

Такимъ образомъ, оставивъ во-время куреніе табака, я этимъ спасъ свою жизнь, продливъ ее на десятки лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратилъ себѣ цвѣтущее здоровье.

Въ заключеніе я долженъ сказать слѣдующее: съ примѣненіемъ къ городской жизни различныхъ новѣйшихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, параллельно съ этимъ идетъ быстрыми шагами ростъ большихъ городовъ и въ особенности столичныхъ. Этой участи не избѣгла и патріархальная старушка Москва; она въ послѣднее время замѣтно подтянулась, пообчистилась и изъ большой деревни превратилась въ европейскій городъ.

Въ ней имѣются усовершенствованныя мостовыя, приличные извозчики, автомобили, лучшій въ мірѣ трамвай, телефоны, электрическое освѣщеніе, водопроводъ, канализація, хотя, правда, и 148 милліоновъ долгу...

Ея старинные дома-особняки, окруженные садами и придававшіе Москвѣ особую прелесть,—теперь почти всѣ уничтожены, на ихъ мѣстѣ съ сказочной быстротой растутъ колоссальные восьми- и десятиэтажные небоскребы.

Но такова привычка къ старинѣ, что всякій разъ, когда вдумаешься въ окружающую насъ дѣйствительность и проведешь параллель между ею и прошлымъ, получается заключеніе не въ пользу настоящаго; приходится убѣдиться, что, не взирая на нѣкоторые недочеты «Старой» Москвы, въ ней жилось гораздо легче и спокойнѣе...

СОДЕРЖАНІЕ:

I.

II.

III.

IV.

V.

VI.

VII.

VIII.

IX.

X.

XI.

XII.

XIII.

XIV.

XV.

XVI.

XII.

XVIII.

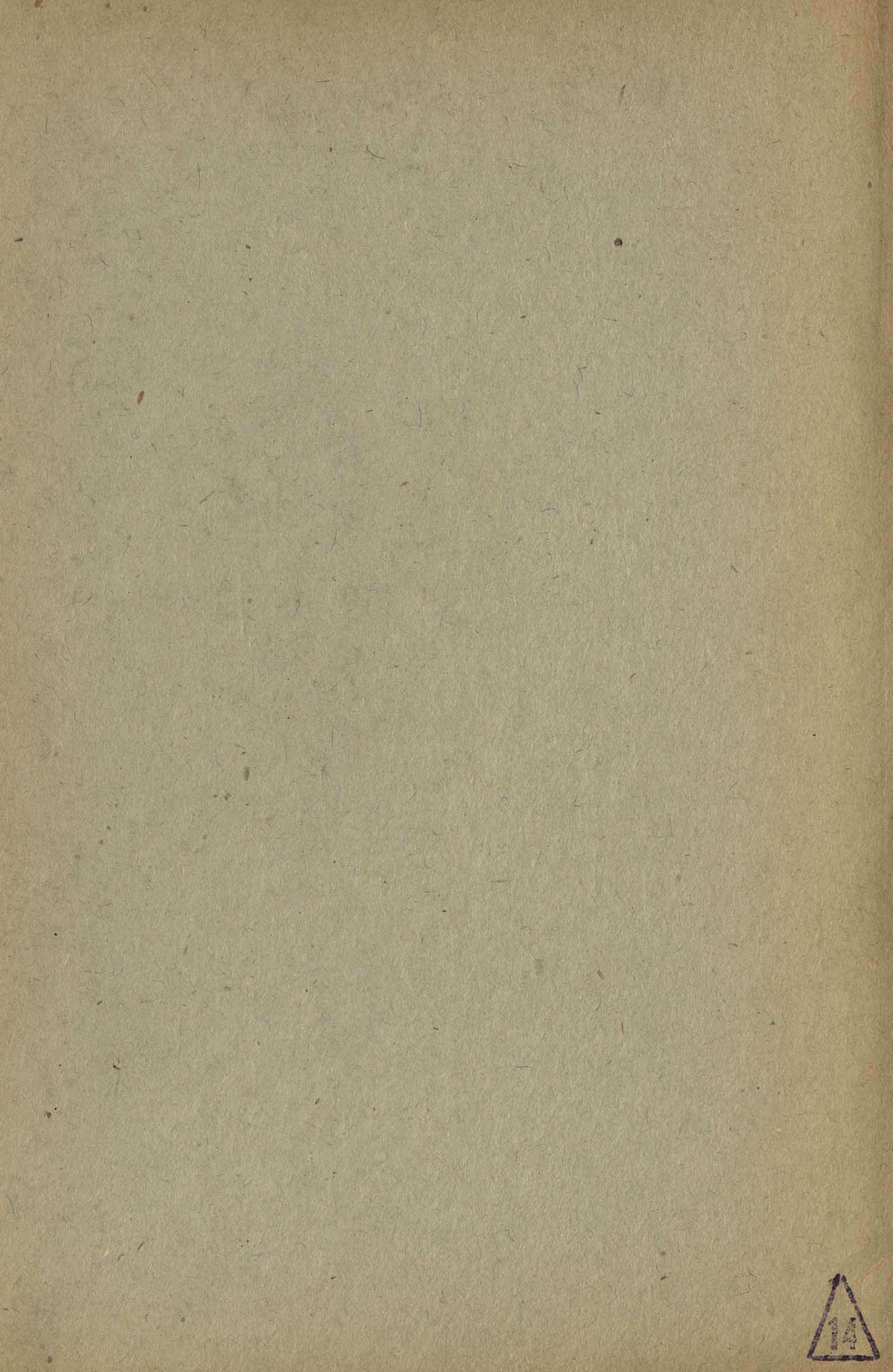

XXVIII.

XXIX.

XXX.

XXXI.

14

2002133789